Номинация на премию Booker 2022

ЭНН ТАЙЛЕР

РЫЖИК

НА ОБОЧИНЕ

Рыжик на обочине
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Рыжик на обочине
1
2
3
4
5
6
7
8

Аннотация

Новый роман живого классика американской литературы – история о втором шансе и силе человеческих связей.

Майка Мортимер – человек привычки. Младший брат пяти безалаберных сестер, простодушных, многодетных, он единственный поучился в университете, но к сорока с лишним годам так и не женился, предпочитая одиночество и строгий порядок. Он бегает по утрам, он методично соблюдает правила дорожного движения, он чинит компьютеры старым леди и пару раз в неделю встречается с необременительной подружкой. Жизнь без пылких надежд, зато и без разочарований, спокойная и душевно комфортная. И только странный обман зрения – каждый раз на пробежке Майка принимает пожарный гидрант за рыжего мальчишку. Это аберрация даже начинает тревожить Майку – уж не с глазами ли что-то, а может, с душой? А однажды на его пороге объявляется подросток, утверждающий, что он его сын. И комфортная, упорядоченная жизнь Майки летит в

тартарары.

Роман Энн Тайлер – это проникающий в самое сердце взгляд, в котором и понимание, и сочувствие, и юмор. История, полная радости от того, что всегда можно по-новому увидеть такой знакомый и привычный мир.

Энн Тайлер
Рыжик на обочине

Redhead by the Side of the Road
Copyright © 2020 by Anne Tyler

Книга издана при содействии Salky Literary Management, Claire Roberts Global Literary Management и The Van Lear Agency LLC

© Любовь Сумм, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», издание, 2022

1

Никому не известно, что творится в голове у такого человека, как Майка Мортимер. Он живет один, замкнуто; неизменный порядок его жизни словно выбит на каменных скрижалях. Каждое утро в семь пятнадцать он выходит на пробежку. В десять — десять тридцать пришлепывает на крышу своей «киа» держащийся на магнитах знак «Технарь-отшельник». По вызовам он выезжает в разное время, но, кажется, ни дня не проходит без нескольких обратившихся за помощью клиентов. Во второй половине дня он возится во дворе, поскольку подрабатывает смотрителем дома, в котором живет. Подметает дорожки, вытряхивает коврики, ведет переговоры с сантехником. Вечером в понедельник, накануне вывоза мусора, он выставляет контейнеры в проулок; вечером в среду — другие контейнеры, с отходами, подлежащими переработке. Около десяти за тремя подслеповатыми окошками его квартиры, полускрытыми живой изгородью, гаснет свет. (Квартира находится в цокольном этаже и, должно быть, выглядит несколько угрюмо.)

Майка — высокий костлявый мужчина сорока с небольшим лет, с не слишком хорошей осанкой — голова слегка подается вперед, плечи немного сутулые. Волосы угольно-черные, но стоит ему пропустить ежедневное бритье, и в усах пробивается седина. Голубые глаза, нависающие брови, щеки впалые. Губы поджаты. Неизменный наряд — джинсы и футболка либо водолазка, в зависимости от времени года, а когда совсем холодно — потертая коричневая кожаная куртка. Обшарпанные коричневые ботинки с круглыми носами выглядят скромно, словно школьная обувь. На пробежку он выходит в простых старых грязно-белых кедах — никаких вам светящихся полосок, заполненных гелем подошв и прочих штуковин, что в почете у большинства бегунов, а вместо шорт — обрезанные по колено джинсы.

У него есть подружка, но живут они отдельно. Время от времени ее можно заметить у его двери с пакетом еды на вынос или утром выходного дня, когда они уезжают куда-то — уже без знака «Технарь-отшельник» на крыше. Друзей-мужчин у Майки вроде бы нет. С жителями дома он приветлив, но не более того. Они здороваются при встрече, он дружески кивает и машет рукой, не утруждаясь сказать хоть слово. Никому не

ведомо, есть ли у него родня.

Дом, где он живет, расположен в Говансе, это маленький трехэтажный кирпичный кубик к востоку от Йорк-роуд на севере Балтимора. По правую руку пруд, в котором разводят форелей, слева — магазин подержанной одежды. За домом крошечная парковка, перед домом — крошечный газон. Неуклюжее крыльцо — проще сказать, цементные ступени — с занозистыми деревянными качелями, на которые никто в жизни не присядет, и вертикальный ряд звонков возле убогой белой двери.

Задумывается ли Майка порой над своей жизнью? Над ее смыслом и целью? Тревожит ли его мысль, что здесь ему предстоит провести следующие тридцать или сорок лет? Никто не знает. И вряд ли кто-то задавал ему этот вопрос.

* * *

Как-то в понедельник, ближе к концу октября, первый телефонный звонок потревожил Майку за завтраком. Обычно его утро строилось так: пробежка, душ, затем завтрак и небольшая уборка. Он очень не любил, когда что-то прерывало нормальную последовательность дел. Вынув из кармана мобильник, он глянул на экран: ЭМИЛИ

ПРЕСКОТТ. С этой старушкой ему приходилось иметь дело настолько часто, что он внес ее в список контактов. Проблемы, возникающие у таких старых леди, решить проще всего, а вот вопросами они замучают. Им обязательно надо знать как и почему. «Как это могло случиться? — причитают они. — Вчера, когда я ложилась спать, с компьютером все было в порядке, а с утра вон что творится! Я же к нему и пальцем не притрагивалась, я крепко спала!» — «Не беда, я уже все исправил», — отвечает в таких случаях Майка. «Но почему его пришлось исправлять? Отчего он сломался?» — «Нет смысла задавать такие вопросы насчет компьютера». — «Да почему же нет смысла?»

С другой стороны, старые леди — его хлеб и масло, а эта и жила поблизости, в Хоумленде. Майка нажал на кнопку «ответить» и произнес:

— «Технарь-отшельник».

— Мистер Мортимер?

— Я.

— Это Эмили Прескотт, вы меня помните? У меня стряслась беда!

— Что случилось?

— Понимаете, не могу заставить свой компьютер куда-нибудь зайти! Отказывается наотрез! Ни

на один вебсайт не хочет зайти. А ведь вай-фай у меня работает.

— Перезагрузить пробовали? — спросил он.

— Это как?

— Выключить и потом снова включить. Я вам показывал.

— А, да! Дать ему тайм-аут, так я это называю. — Она легко рассмеялась. — Попробовала, да. Не помогло.

— Ладно, — сказал он. — Давайте заеду к вам примерно в одиннадцать?

— В одиннадцать часов?

— Именно.

— Но я хотела заказать подарок ко дню рождения внучки, он в среду, и необходимо заказать заранее, тогда доставка бесплатная.

Он промолчал.

— Что ж, — вздохнула она. — Хорошо, одиннадцать так одиннадцать. Буду ждать. Адрес вы помните?

— Помню.

Он отключил телефон и откусил уголок тоста.

Его квартира на самом деле больше, чем ожидаешь от полуподвального помещения. Вытянутое открытое пространство объединяет кухню и гостиную плюс две отдельные спальни и ван-

ная. Потолки вполне приличной высоты, пол вымощен не слишком потертой плиткой цвета слоновой кости, в полосочку. У дивана бежевый коврик. Узкие окна под потолком мало что позволяли разглядеть, но, по крайней мере, Майка всегда мог судить, ясный ли выдался день, — в то утро как раз было ясно, — а теперь, когда деревья начали обнажаться, он видел и сухие листья, собиравшиеся у корней азалии. Попозже он возьмет грабли и разберется с листвой.

Он допил кофе, отодвинул стул от стола, встал, отнес посуду в раковину. У него имелась собственная система: оставить посуду отмокать, пока он протрет стол и кухонные шкафчики, уберет в холодильник масло, пройдется вертикальным пылесосом под стулом — вдруг уронил крошки. По расписанию для пылесоса отводилась пятница, но Майка предпочитал не запускать свое помещение и между уборками.

Понедельник предназначался для влажной уборки пола в кухне и ванной. «Штрашная швабрия», — сказал он, наливая в ведро горячую воду. Он часто беседовал сам с собой за работой, подпуская в речь тот или иной иностранный акцент. Нынче — немецкий или, может быть, русский. «Швабрия для поломоя». Предварительно пыле-

сосить пол в ванной он не стал, не было нужды, с прошлой недели пол оставался безукоризненно чистым. Личная теория Майки гласила: если во время уборки ты замечаешь разницу — журнальный столик вдруг засиял, с ковра исчезли нитки, — значит, давно уже следовало прибрать.

Майка гордился порядком в своем доме.

Закончив влажную уборку, он сходил в помещение для стирки и вылил грязную воду в раковину. Прислонил швабру к бойлеру. Затем Майка вернулся в квартиру и прошелся по гостиной — расправил покрывало на диване, выбросил пару пустых пивных банок, взбил подушки. Мебели немного: диван, журнальный столик и уродливый коричневый шезлонг из пластика. Все это уже было тут, когда он въехал, Майка добавил к обстановке лишь металлический стеллаж для своих учебников и журналов по специальности. Прочее чтение — по большей части детективы и биографии — он брал в бесплатном книгообмене и возвращал, прочитав. Иначе пришлось бы покупать дополнительные полки.

Ну вот, пол в кухне просох, Майка вернулся туда, чтобы помыть, вытереть и убрать посуду после завтрака. (Некоторые оставляют посуду просто сохнуть, но Майка считал, что нагромож-

дение тарелок выглядит неаккуратно.) Затем он надел очки без оправы — для дали, они требовались ему за рулем, — прихватил магнитный знак на машину и рабочую сумку и вышел через черный ход.

Эта дверь находилась позади дома, бетонные ступеньки вели отсюда наверх, к парковке. Поднявшись по лестнице, Майка остановился, присматриваясь к погоде: с тех пор как он вернулся с пробежки, потеплело и ветер стих. Правильно сделал, что не взял куртку. Майка налепил на машину знак «Технарь-отшельник», сел за руль, включил двигатель и помахал рукой Эду Аллену, который, держа под мышкой коробку с ланчем, шел к своему пикапу.

За рулем Майка играл в такую игру: как будто всевидящая система наблюдения ежесекундно оценивает его действия. «Бог транспорта» — так он называл эту систему. Ею управляла большая команда мужчин в рубашках с закатанными рукавами, с зелеными козырьками на лбу. Они то и дело вслух восхищались тем, как Майка ведет машину. «Смотрите, он включает поворотник, даже когда сзади никого нет», — говорили они, например. Майка действительно всегда включал поворотник. Даже у себя на парковке.

Прибавляя скорость, он честно воображал помещенное под педалью газа яйцо, тормозил плавно, скользя и почти незаметно завершая движение. И всякий раз, когда другой водитель в последний момент вдруг решал перестроиться на полосу Майки, можно было не сомневаться: Майка сбросит скорость и поднимет левую ладонь в любезном жесте «после вас». «Видели? — говорили друг другу ребята из “Бога транспорта”. — У парня безупречные манеры».

По крайней мере, это хоть немного развеивало скуку.

Он свернул на Тенлейдейл-роуд и припарковался у тротуара. Протянул руку за рабочей сумкой, но тут зазвонил мобильник. Майка вытащил его из кармана и сдвинул очки на лоб, всматриваясь в экран. КЭССИЯ СЛЕЙД. Необычно. Кэсс — его подруга (он не собирался именовать женщину без малого сорока лет «герлфренд»), но в такой час они, как правило, не общались. Ей в это время полагалось быть на работе, по колено в четвероклассниках. Майка нажал кнопку «ответить».

— Что случилось? — спросил он.

— Меня выгоняют.

— То есть?

— Выгоняют из моей квартиры.

У нее был низкий, ровный голос, это Майка одобрял, но сейчас в голосе появилась предательская дрожь.

— Как тебя могут выгнать? — спросил он. — Тем более это даже не твоя квартира.

— Нэн явилась сегодня утром без предупреждения.

Нэн — основная квартиросъемщица. Она переехала вместе с женихом в кондоминиум у гавани, однако не отказалась от прав на квартиру. Кэсс это напрягало, но Майка Нэн понимал: всегда разумно иметь запасной вариант.

— Просто взяла и позвонила в дверь, внезапно, — продолжала Кэсс. — И я не успела спрятать кота.

— Ах да, кот, — сказал Майка.

— Я надеялась, он не полезет на глаза. Старалась заслонить от нее квартиру, надеялась, внутрь она не пойдет, но она сказала: «Я заехала забрать мою… это еще что?» — и уставилась через мое плечо прямо на Усика, а тот выглядывал из кухни, весь на виду, хотя обычно, ты же знаешь, Усик избегает чужих. Я попыталась ей объяснить, что я не планировала заводить кота. Рассказала, как нашла его, застрявшего в продухе подвала, но Нэн перебила: «Ты вовсе не о том говоришь,

ты же знаешь, у меня смертельная аллергия. Достаточно на миг войти в комнату, где кошка побывала месяц тому назад, — сказала она, — достаточно одного волоска, оставленного кошкой на ковре, и я сразу… ой, боже, я уже чувствую, как горло распухает!» И она попятилась на площадку, а когда я хотела выйти следом, замахала на меня обеими руками. «Постой!» — сказала я, а она: «Я тебе позвоню». Сам знаешь, что это значит.

— Нет, не знаю. Что тут такого? — возразил Майка. — Ну позвонит она тебе вечером, отругает, а ты извинишься, и дело с концом. Разве что от Усика придется избавиться, я так понимаю.

— Я не могу избавиться от Усика! Он наконец-то поверил, что у него есть дом.

Вообще-то Кэсс казалась Майке вполне разумной женщиной, и эта история с котом сбивала его с толку.

— Послушай, — сказал он, — не забегай вперед. Пока что она всего лишь сказала, что собирается тебе позвонить.

— Куда же мне переезжать? — спросила Кэсс.

— О переезде и речи не идет.

— Пока не идет, — уточнила она.

— Давай ты подождешь, пока она об этом заговорит, прежде чем собирать вещи.

— Не так-то просто найти квартиру, куда пускают с животными, — продолжала Кэсс, будто он и рта не открывал. — А если в итоге я окажусь на улице?

— Кэсс, в Балтиморе живут тысячи людей с домашними животными. Найдешь квартиру, честное слово.

Пауза. На том конце слышались голоса детей, но не очень близко. Наверное, сейчас перемена и Кэсс вышла на игровую площадку.

— Кэсс?

— Ладно, спасибо, что выслушал, — резко ответила она и отключилась.

Он еще мгновение смотрел на экран, потом вернул на место очки и сунул телефон в карман.

* * *

— Я самая глупая курица среди ваших клиентов? — спросила его миссис Прескотт.

— Вовсе нет, — честно ответил он. — Даже в первую десятку не входите.

Его позабавило выбранное ею слово — старушка и впрямь немного смахивала на курицу. Маленькая круглая голова, и на тоненьких, как зубочистки, ножках — единый шар груди и живота. Даже дома она носила туфли с небольшим

каблуком, отчего ей приходилось семенить, слегка припрыгивая.

Майка сидел на полу под рабочим столом — массивным антикварным секретером с поразительно маленькой рабочей поверхностью. (Куда только люди не ставят свои компьютеры! Как будто не вполне понимают, что им уже не придется писать чернильными ручками.) Он выдернул два провода из узла, опутавшего сетевой фильтр, — один с меткой «МОДЕМ», другой с меткой «РОУТЕР», обе надписи были выведены его твердым почерком — и замер, следя за секундной стрелкой своих часов.

— Порядок, — сказал он наконец, воткнул на место провод модема и снова принялся следить за секундной стрелкой.

— Моя подруга Глинда, — заговорила миссис Прескотт, — вы ее не знаете, я все время ей твержу, что она должна связаться с вами. Она своего компьютера боится! Только почтой в нем и пользуется. Не хочет давать ему лишнюю информацию, так она говорит. Я ей рассказала о вашей книжице.

— М-м, — пробормотал Майка. Его книжка называлась «Первым делом подключи», и она стала одним из бестселлеров «Вулкотт паблишинг»,

но поскольку «Вулкотт» — издательство сугубо местное, разбогатеть Майка не рассчитывал.

Он подключил провод роутера и начал выбираться из-под стола.

— Самая трудная часть моей работы, — признался он миссис Прескотт, с трудом привставая на колени. Ухватился за край стола и поднялся.

— Ой, полно, вы слишком молоды, чтобы жаловаться, — сказала миссис Прескотт.

— Молод! В ближайший день рождения мне исполнится сорок четыре.

— Вот именно! — сказала миссис Прескотт и добавила: — Я говорила Глинде, что вы иногда соглашаетесь давать уроки, но она уверяет, что все забудет через две минуты после вашего ухода.

— Совершенно верно, — ответил Майка. — Пусть просто купит мою книгу.

— Но уроки намного — ой! Смотрите! — Миссис Прескотт уставилась на экран компьютера, сложив руки лодочкой. — «Амазон»! — восторженно произнесла она.

— Да, «Амазон». Ну так что? Вы следили за тем, как я это сделал?

— Ну, я… не совсем.

— Я выключил ваш компьютер, выдернул провод модема, выдернул провод роутера. Видите

— каждый из них надписан.

— Ох, мистер Мортимер, мне нипочем столько всего не запомнить!

— Как хотите, — сказал он, взял свою папку с зажимом и принялся выписывать чек.

— Я думаю заказать внучке афроамериканскую куклу-младенца, — сообщила миссис Прескотт. — Что вы на это скажете?

— Ваша внучка афроамериканка?

— Вовсе нет.

— Тогда, по-моему, это странновато, — сказал он.

— Ой, мистер Мортимер, мне бы не хотелось, чтоб подарок был странноватый!

Он оторвал верхний листок с ее копией счета и вручил его клиентке.

— Мне даже неловко брать с вас деньги, — сказал он. — Мне толком и работать не пришлось.

— Не надо так говорить! — возразила она. — Вы мне жизнь спасли. Я бы вам и втрое заплатила!

И она ушла за чековой книжкой.

По правде говоря, размышлял он на обратном пути, даже если бы она и платила втрое, эта работа едва могла его прокормить. С другой стороны, такая работа ему нравилась, и, по крайней мере, он сам себе начальник. Майка терпеть не мог,

когда им кто-то командовал.

Было время, от него ожидали большего. Он первым в роду поступил в университет: отец работал в Балтиморской электрогазовой компании — обрезал деревья, — а мать была официанткой, и все четыре сестры служат в ресторанах до сих пор. Майка был их лучезарной звездочкой. Был да сплыл. Прежде всего, ему пришлось браться за всякие подработки, поскольку стипендия покрывала лишь часть расходов, а это мешало учебе. Но важнее другое: университет просто не совпал с картинкой в его голове. Майка думал, что там он найдет все ответы, единую сжатую Теорию Всего и сможет организовать свой мир в соответствии с ней, а на самом деле университет оказался продолжением старших классов: все те же учителя что-то вновь и вновь твердят у доски, все те же ученики вертятся и перешептываются друг с другом на лекции. Его энтузиазм угас. Он зря болтался в университете, дважды менял основной курс и в итоге попал на информатику — это, по крайней мере, казалось чем-то определенным, да или нет, черное или белое, все так же логично и упорядоченно, как в игре в домино. В середине выпускного курса (Майке понадобилось пять лет, чтобы добраться до него) он бросил универ-

ситет и вместе со своим однокашником Дьюсом Болдуином основал компанию по производству софта. Дьюс вложил деньги, а Майка — мозги, конкретно — свою программу для сортировки и архивации почты. По нынешним временам это динозавр, многое с тех пор изменилось. Но тогда программа была ответом на вполне реальную потребность, и тем печальнее, что с Дьюсом было невозможно найти общий язык. Богачи! Все они одинаковые. Тянут на себя одеяло, весь мир перед ними в долгу с самого рождения. Отношения между партнерами ухудшались, дошли до прямой ссоры, и Майка уволился. Он даже свою программу забрать не смог, потому что не хватило дальновидности оформить права на нее.

Он заехал на свое парковочное место и заглушил двигатель. На часах 11:47. «Безупречно», — промурлыкал бог транспорта. Вся поездка туда и обратно — без единой ошибки, запинки или помарки.

Право, жизнь вполне удалась. Нет причин для недовольства.

* * *

Клиенту понадобилось почистить компьютер от вирусов — готовился принимать оплату он-

лайн в своем продуктовом магазинчике. Между выездами Майка заглянул в квартиру 1В проверить неисправный выключатель. В квартире 1В проживала Йоланда Пальма, впечатляющего облика женщина пятидесяти с чем-то лет: развевающаяся грива темных волос, горестно обвисшее лицо.

— Что нового у вас? — спросила она.

Майка в это время замерял напряжение. Она всегда вела себя так, словно они старинные друзья, чего и в помине не было.

— Ну, — сказал он, — ничего особенного.

С тем же успехом мог вовсе не отвечать, она уже заговорила о своем:

— А у меня снова все то же. Зарегистрировалась на совершенно новом сайте знакомств и начала все сначала. Некоторые люди никогда ничему не учатся, так я понимаю.

— И как оно? — спросил Майка. Выключатель в стене был мертв как пень.

— Ну, вчера вечером я договорилась с парнем с сайта выпить в «Глоток в глотку». Инспектор недвижимости. Писал, что в нем шесть футов и дюйм, но сами знаете, как это бывает. И пару килограммов сбросить ему не мешало бы, хотя не мне такое говорить, да? Мало того — выясня-

ется, что он всего три с половиной недели назад развелся. Три с половиной — как будто он считал дни, в худшем смысле слова. Как будто развод для него — трагедия. И точно, он сразу же пустился рассказывать, какая его бывшая красотка, хоть в модели. Платья, мол, носила второго размера. Вся обувь у нее была на шпильках, ни одной пары без каблука, и от этого сухожилия в пятке или еще где укоротились и пальцы на стопах всегда смотрели вниз. Если она шла ночью босиком в туалет, ей приходилось ступать на цыпочках. Его послушать, это ах как привлекательно, а мне привиделась женщина с копытами, понимаете, о чем я?

— Понадобится новый выключатель, чтобы решить проблему, — сообщил ей Майка.

Она как раз зажгла сигарету, и прежде чем ответить, ей пришлось выдохнуть дым.

— И вот, — продолжила она как ни в чем не бывало, роняя зажигалку в карман, — выпили мы по одной, и я говорю: «Поеду-ка я лучше домой». — «Домой! — говорит он. — Я-то думал, — говорит, — мы поедем ко мне». И он вытянул руку, стиснул мою коленку и смотрит мне в глаза со значением. Я тоже посмотрела на него. Так и застыла. Ни слова не могу сказать. Наконец он

убрал свою руку и говорит: «Ну или не поедем. Если так».

— Ха, — сказал Майка.

Он уже привинчивал на место накладку. Йоланда задумчиво следила за ним, всякий раз отгоняя одной рукой дым, когда выдыхала.

— Сегодня дантист, — сказала она.

— Попробуете еще раз?

— Этот никогда не был женат. Не знаю, хорошо это или плохо.

Майка наклонился, убирая отвертку обратно в набор инструментов.

— Придется подождать денек-другой, пока я съезжу в магазин, — предупредил он.

— Я буду тут, никуда не денусь.

Она всегда была тут, как ему казалось. Непонятно, как зарабатывала себе на жизнь.

Провожая Майку к дверям, она спросила:

— Что скажете? — И внезапно хищно улыбнулась, выставив напоказ все зубы, крупные и необычайно ровные, словно двойной ряд клавиш.

— О чем? — уточнил он.

— Дантист одобрит, как считаете?

— Конечно, — сказал он.

Хотя подозревал, что дантист может и при-

драться к ее курению.

— Сообщения, что он писал мне, вполне милые, — сказала она и сразу приободрилась, просияла, даже лицо уже не выглядело таким обвисшим.

* * *

Обычно вечера понедельника он и Кэсс проводили врозь. Но последним клиентом в тот день оказался ортопед, чей кабинет находился по ту сторону Белтвея. Возвращаясь от него, Майка заметил красно-белые каракули — вывеску своего любимого барбекю. Поддавшись порыву, он свернул на парковку и послал Кэсс эсэмэску: «Привезти на ужин Энди Нельсонов?» Она откликнулась сразу — значит, уже вернулась с работы: «Отличная идея». Он заглушил двигатель и зашел внутрь сделать заказ.

Было начало шестого, пришлось ждать в толпе одетых в мешковатые комбинезоны рабочих, юных, переплетшихся телами парочек и измученного вида женщин в окружении вопящих детей. От запаха дыма и уксуса Майка почувствовал голод — на ланч он съел всего лишь сэндвич с арахисовым маслом и изюмом. В результате он заказал чуть не вдвое больше, чем следовало, —

кроме ребрышек, еще и капусту, и картофельные дольки, и кукурузный хлеб, два пакета с ручками набил. И всю дорогу, пока он ехал к Кэсс, его терзали доносившиеся с заднего сиденья запахи.

Наступил час пик, радио в машине предупреждало о пробках, но Майка сумел отрешиться, руки его спокойно лежали на руле. Дальние холмы как будто окислились, за сутки деревья покрылись оранжевым туманом.

Кэсс жила поблизости от Хартфорд-роуд. Ее дом с первого взгляда можно было принять за семейный особняк — посеревшая, некогда белая обшивка, тесное крыльцо, внутри подъезда, справа, лестница, которая вела на второй этаж в ее квартиру. На площадке Майка перехватил оба пакета одной рукой и постучал.

— Божественный аромат, — сказала Кэсс, впуская его. Она взяла один пакет и повела Майку в кухню.

— Я был в Кокисвилле, и машина вроде как сама собой зарулила на парковку, — пояснил он. — Кажется, я набрал слишком много.

Он поставил свой пакет на столик и наскоро поцеловал Кэсс.

Она все еще была в рабочей одежде — какой-то свитерок, какая-то юбка, приглушенные, сдер-

жанные цвета; Майка принимал такой стиль, толком не рассматривая, во что Кэсс одета. Вообще-то ему нравилась наружность Кэсс. Высокая женщина с неторопливыми движениями, существенной грудью и широкими бедрами, из солидных черных туфель с небольшим каблуком поднимались крепкие лодыжки. Да и в целом она была солидной, и это вроде как заводило Майку. Он перерос интерес к девочкам-веточкам. Лицо Кэсс было широким и спокойным, глаза — глубокого серо-зеленого оттенка, пшеничные прямые волосы свисали почти до плеч, пробор сделан наугад, стрижка самая простая. Взгляд Майки отдыхал на этой женщине.

Она уже и на стол накрыла, поставила в центр рулон бумажных полотенец — когда ешь ребрышки барбекю, салфетками не обойтись. Пока она выкладывала еду из пакетов, Майка достал из холодильника две банки пива, вручил одну Кэсс и уселся напротив нее со второй.

— Как день прошел? — спросила она.

— Нормально. А у тебя?

— Ну, если не считать того, что Нэн теперь знает про Усика…

— Да-да, — подхватил он. Совсем забыл об этом.

— Я вернулась домой, а на автоответчике сообщение от нее — просит ей перезвонить.

Майка ждал продолжения. Кэсс положила себе капусты и передала ему коробочку.

— Так что она тебе хотела сказать? — спросил он наконец.

— Пока не знаю.

— Ты не перезвонила?

Кэсс отделила три ребрышка от пластиковой упаковки. Губы она сжала (упрямо, подумал Майка). Внезапно проступила та девочка, какой она была давным-давно.

— Нет смысла откладывать, — сказал он. — Только затягиваешь.

— Соберусь — позвоню, — оборвала она его.

Он решил оставить эту тему. Вгрызся в ребрышко.

* * *

Находясь у себя в квартире, Кэсс если не спала, то всегда что-нибудь включала — музыку, новости, что угодно. По утрам NPR, вечером телевизор, неважно, собиралась она его смотреть или нет. Во время еды из радио на кухне непрерывным потоком струилась легкая музыка. Майка, любитель тишины, старался не обращать внимания, но

постепенно невнятное раздражение нарастало, и он замечал наконец, что именно он слушает. И сейчас тоже спросил:

— Можно слегка приглушить?

Кэсс отрешенно глянула на него и повернула ручку, сделав немного тише. Он бы предпочел, чтобы она вовсе выключила звук, но это значило бы требовать от нее чересчур многого.

Они с Кэсс были вместе около трех лет и достигли той стадии отношений, когда все более или менее определилось, выработались компромиссы, удалось приспособиться к тому, что каждого не слишком устраивало в партнере, а на мелочи оба научились смотреть сквозь пальцы. Можно сказать, сложилась система.

Лишь ближе к концу трапезы Кэсс вновь заговорила о Нэн.

— У нее у самой-то все есть! — сказала она. Майка сперва и не понял, к чему Кэсс клонит, но она продолжала: — Огромный золотистый ретривер! Ну да, не ее собственный, жениха, но все равно. Казалось бы, могла бы и понять, почему я не готова расстаться с Усиком.

Майка никак не мог привыкнуть к тому, что Кэсс дала коту такое нелепое прозвище. Можно же подобрать что-то более взрослое и достойное.

Герман, например, или Джордж. Но разумеется, он никогда не высказывал свое мнение.

— А где же сейчас Усик? — надумал он спросить. Оглядел кухню — кота нигде не видать.

— То-то и обидно, — ответила Кэсс. — Ты же знаешь, стоит кому-нибудь прийти, он сразу исчезает. И вот нелепая случайность — надо же ему было высунуться как раз тогда, когда я открыла дверь Нэн.

— А по делу-то что? — спросил он. — Нэн собирается отказаться от аренды и уступить ее тебе? Она с этим парнем помолвлена дольше, чем мы с тобой знакомы.

— Хороший вопрос, — сказала Кэсс. — Другие люди знакомятся, влюбляются. Съезжаются и вступают в брак. Нэн, видимо, не читала инструкцию.

Майка выдержал короткую паузу, а потом спросил, что поделывает Димолей — самый трудный ученик, доставлял Кэсс хлопот больше всех. Хаос воцарялся, едва этот парень переступал порог класса, но он жил в машине вместе с бабушкой, и Майка знал, что в глубине души Кэсс его жалеет.

В школьном буфете Димолей ткнул Дженнаю в спину пластмассовой линейкой и сказал, что это

нож-выкидушка. Вот о чем интересно поболтать.

Поужинав, они убрали со стола, составив тарелки на шкафчик у раковины, потому что Кэсс, в отличие от Майки, не считала, что необходимо все вымыть, прежде чем покинуть кухню. Тарелки у нее были из настоящего фарфора, столовых приборов — полная дюжина, а еще всякие приспособления вроде сушилки для салата и подставки для ножей. Мало того — в гостиной стояла весьма основательная мебель со множеством подушек, и все ткани были строго подобраны, а на многочисленных столиках расставлены растения в горшках и керамические штуковины. С точки зрения Майки, малость загромождено, однако впечатление это производило; порой ему казалось, что по сравнению с ее домом его квартира недостаточно «взрослая».

Они перебрались в гостиную и смотрели вечерние новости, сидя на диване по обе стороны от кота, который наконец удостоил их своим обществом. Это был черный худощавый юнец и правда с замечательно длинными белыми усами, он втиснулся между Кэсс и Майкой, зажмурился и замурлыкал. Телевизору приходилось перекрикивать музыку, все еще доносившуюся из кухни, пока Майка не сходил и не выключил

радио. Как только Кэсс выдерживает непрерывные потоки звуков? У него от такого мозг словно раздваивался.

Его бы воля, он бы и вовсе без новостей обошелся. Честно говоря, Майка готов был махнуть рукой на эту страну. Похоже, все летело к черту, и лично он ничего не мог с этим поделать. Но Кэсс очень сознательная, ей непременно требовалось усвоить каждую вгоняющую в депрессию подробность. Она сидела в затемненной гостиной очень прямо, напряженно смотрела в телевизор, его свет золотил ее профиль и изгиб шеи. Майка любил этот изгиб. Он подался ближе и прижался губами к пульсирующей жилке под челюстью. Кэсс на миг склонила голову к его голове, но не отрывала глаз от экрана.

— Понадобится десять лет, чтобы компенсировать тот вред, который мы наносим планете за день, — сказала она. — А многое и вовсе не удастся исправить никогда.

— Может, я останусь на ночь? — прошептал ей на ухо Майка.

— У меня завтра школа, ты же знаешь, — ответила она и погладила его по руке.

— Только в этот раз, — сказал он. — А утром, честное слово, проснусь рано и сразу же выме-

тусь отсюда.

Но она сказала:

— Майка?

Она произнесла это вопросительным тоном, словно он чего-то недопонял и она на это указывает, — но сообразить, что он недопонимает, Майка не смог. Она почти всегда позволяла ему остаться. Но сейчас отодвинулась и сказала:

— И к тому же ты ведь еще должен сегодня выкатить мусорные контейнеры, если я не ошибаюсь.

— Вот спозаранку и выкачу, — ответил он.

— А я еще не все оценки проставила, — сказала она.

Майка умел отступить вовремя. Вздохнув, он ответил:

— Ладно, ладно! — И, как только началась очередная реклама, поднялся уходить.

— Остатки с собой не возьмешь? — спросила Кэсс, провожая его к двери.

— Съешь сама, — сказал он.

— Хорошо, спасибо.

— Послушай! — обернулся он к ней. — Давай я завтра приготовлю мое всемирно известное чили. А ты приедешь к ужину и привезешь кукурузный хлеб.

— Ну не знаю…

— Чили на кукурузном хлебе! Ням-ням, — соблазнял он.

— Хорошо, — сказала она, — наверное, получится. Если только пораньше.

Она открыла дверь и наконец-то поцеловала его по-настоящему, а затем отступила, давая ему пройти.

* * *

На обратном пути дорога была практически пуста, но тем не менее Майка соблюдал ограничения скорости. Он не признавал теорию, будто законы допускают небольшие отступления. Если 35 миль в час можно трактовать как 38, то пусть сразу так и скажут: 38 миль в час.

«Вполне разумно», — одобрительно прокомментировал бог транспорта.

Майка ехал на запад по Норзерн-паркквей. Свернул влево на Йорк-роуд — разумеется, сначала включив поворотник, хотя и ехал по полосе, предназначенной исключительно для собирающихся свернуть влево. Какое-то беспокойство слегка покалывало его мозг. Ему показалось, что Кэсс была не так нежна, как обычно. И с каких это пор ее волнует, нужно ли ему сегодня выкатывать

мусорные контейнеры? Но она не из тех, кто склонен к таинственным обидам, как некоторые женщины, а потому Майка отмахнулся от таких мыслей и начал насвистывать «Лунный свет в Вермонте» — последнюю песенку, прозвучавшую по ее радио.

Дальше по Йорк-роуд уже знакомые магазинчики и кафе. Почти все они к этому часу были закрыты, погасшие неоновые вывески едва различимы в сумерках. Снова налево, на Роско-стрит, потом направо прямо у магазина подержанной одежды — и на парковку.

Он вылез из машины, прихватив с пассажирского сиденья рабочую сумку, снял с крыши знак «Технарь-отшельник» и поставил и то и другое на верхнюю ступеньку крыльца. Потом принялся выкатывать в переулок мусорные контейнеры. В 2В — контейнере мистера Лейна — из-под крышки торчала длинная картонная туба от почтовой посылки. Макулатура — в день вывоза неперерабатываемых отходов!

— О-ля-ля, месье! — укоризненно произнес Майка. — Вы засранэс. — Так, по его мнению, французы выговаривали слово «засранец». И, покачав головой, поставил этот контейнер рядом с правильным, из 2АВ.

Некоторые люди просто не в состоянии усвоить правила.

2

На следующее утро, довольно рано, на грани пробуждения, Майке приснилось, будто в проходе супермаркета он наткнулся на малыша. Завернул за угол — и вот он, сидит в одном подгузнике на полу перед полкой с хлопьями для завтрака.

Майка резко остановился и уставился на ребенка. Ребенок в ответ уставился на него, вполне жизнерадостно — типичный круглолицый розовощекий младенец с пушком коротких светлых волос. И ни одного взрослого в поле зрения.

Майка медленно приходил в себя, словно проталкиваясь сквозь слои сна. Открыл глаза, поморгал, уставившись в потолок. Все еще тревожила мысль, что делать с ребенком. Отнести в бюро находок, наверное, но для этого ребенка придется взять на руки, а вдруг он заплачет? И тут ему на помощь прибегут родители и — вполне вероятно — сделают неверный вывод или даже обвинят Майку в попытке похищения. Как же их убедить, что он ничего дурного не имел в виду? Со стороны-то его действия выглядели скверно.

Он выключил будильник прежде, чем зарабо-

тало радио, и выбрался из постели, но младенец так и застрял у него в голове. Он никак не мог понять, почему малыш выглядел таким невозмутимым. Тот словно заранее знал, что Майка вот-вот придет. И даже во время пробежки, глотая колкий воздух, Майка вновь ни к селу ни к городу подумал, что если бы сейчас ухватил младенца ледяными руками, напугал бы его до колик.

Скривился и прибавил скорость, стряхивая с себя остатки сна.

В такой час все тротуары принадлежали ему одному. Чуть позже выступит рать собаковладельцев, заспешат матери, провожающие детей в школу. Его маршрут представлял собой сильно вытянутый овал — сначала на север, потом на запад, а там, на западе, школ полно.

Майка никогда не бегал в очках. Ненавидел это ощущение, когда они подпрыгивают на носу, потому и не надевал. А еще туманятся, когда он потеет. Жаль, конечно, потому что в последние годы он стал видеть намного хуже. Не ослеп, разумеется, ничего подобного — просто он старел, как неделикатно пояснил его окулист. По ночам дорожная разметка становилась почти неразличимой, на прошлой неделе он попытался раздавить черного паука, а на самом деле

это был клубок ниток. На пути домой он и сегодня, как обычно, на миг принял выцветший до блекло-розового оттенка глиняного цветочного горшка пожарный гидрант за ребенка или очень приземистого взрослого. Что-то такое было в скругленной верхушке гидранта, проступавшей постепенно, по мере того как Майка спускался по склону дороги к перекрестку. Да что там этот рыжик делает на обочине? — спрашивал он себя каждый раз, потому что хоть и знал уже, что это всего лишь гидрант, но каждое утро на один краткий миг снова и снова обманывался.

Оставив загадочный гидрант позади, Майка перешел на шаг, отдуваясь, уперев руки в бедра, стараясь вобрать больше воздуха в легкие. Он миновал «Миссию доброты» и магазин автозапчастей, на своей улице прошел мимо хозяйства, где разводили форель, и свернул на потрескавшиеся камни дорожки к дому. На ступеньке сидел юноша в бежевом вельветовом блейзере — юноша или даже мальчишка, едва ли ему исполнилось двадцать.

— Привет, — сказал он Майке, вставая.

— Привет, — ответил Майка и слегка отклонился от прямой, поднимаясь по ступенькам, чтобы обойти мальчика.

— Э, — пробормотал мальчик.

Майка обернулся к нему.

— Вы здесь живете? — спросил мальчик.

— Ага.

А паренек из богатеньких, прикинул Майка. Красивый, ухоженный, держится уверенно. Аккуратно подстриженные темные волосы подчеркивают форму головы, воротник белой рубашки сзади стоит ровно, рукава блейзера засучены почти до локтей (Майка считал это манерным).

— Мистер Мортимер? — спросил мальчик.

— Да?

— Мистер Майка Мортимер?

— Да?

Мальчишка вздернул подбородок и произнес:

— Я Бринк Адамс.

Ожидаемо — какое-нибудь вычурное имя. Бринк.

— Что ж, привет, — выжидающе ответил Майка.

— Бринк Бартелл Адамс, — с нажимом добавил мальчик.

Он вкладывает в это какой-то смысл? Да, но какой?

— Будем знакомы, — сказал Майка.

— Сын Лорны Бартелл.

Майка уронил руки, до той поры упиравшиеся в бока, и сказал:

— Ого!

Бринк несколько раз кивнул.

— Лорна Бартелл! — сказал Майка. — Быть не может. Как у Лорны дела, а?

— У нее все в порядке.

— Подумать только, — сказал Майка, — я про Лорну не вспоминал уже лет… Ну и ну! Чем она теперь занимается?

— Она юрист, — сказал Бринк.

— Неужели! — сказал Майка. — Вот уж не ожидал.

— Почему не ожидали? — спросил Бринк, склонив голову набок. — А кем вы ее себе представляли?

По правде говоря, Майка никогда об этом не задумывался.

— Да ладно, — сказал он, — последний раз, когда мы виделись, она была всего лишь, сколько помню, первокурсницей, типа того…

— Второкурсницей, — поправил его Бринк.

Мальчик ошибался, но Майка не стал спорить.

— Во всяком случае, тогда она, думаю, еще и сама знать не знала, кем собирается стать, — ска-

зал он.

Казалось, Бринк все еще чего-то ждет, но Майка понятия не имел чего.

— Так что? — спросил он. — Живете здесь поблизости?

— Нет, я проездом, — сказал Бринк. — Решил заглянуть к вам.

— Ну это как-то…

— Найдется время выпить кофе, например?

— Хм, конечно, — сказал Майка. — Зайдете?

— Спасибо.

Будь Майка один, он бы отпер парадную дверь и прямиком направился в свой полуподвал, но тогда пришлось бы провести Бринка через комнату для стирки и бойлерную, а это почему-то казалось неправильным, хотя Майка и не сумел бы объяснить почему. Он спустился с крыльца и пошел по боковой дорожке к парковке. Бринк следовал за ним по пятам.

— Где сейчас живет мама? — кинул ему через плечо Майка, когда они спускались по наружной лестнице. Голосу его вторило слабое эхо.

— Она в Вашингтоне.

— Вот как?

Он забыл название городка, откуда Лорна родом, это было какое-то местечко на западе

Мэриленда, она собиралась вернуться туда после учебы. Говорила, что жить может только среди гор, ей, мол, нравится, как они смягчают линию горизонта, где земля встречается с небом. И вот как оно обернулось! Юрист в Вашингтоне. Взрослый сын, который закатывает рукава блейзера.

Майка отпер заднюю дверь, отступил, пропуская вперед Бринка.

— Предупреждаю: сливки у меня закончились, — сказал он, входя в кухню.

— Ничего страшного.

Майка указал на один из стульев у пластикового стола. Бринк выдвинул стул и уселся. Глянул в сторону гостиной зоны, в которую переходила кухня.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал Майка. — Я стараюсь покончить с пробежкой тут же, как проснусь.

А сразу после пробежки он принимал душ. Пот уже подсыхал на спине, кожу пощипывало. Но Майка достал из шкафчика молотый кофе и принялся отмерять его ложечкой. Кофе он варил в старом электрическом перколяторе, который нашел в квартире при переезде. Стеклянная крышка была обмотана посеревшим пластырем, внутрь не заглянешь, но кофе получался непло-

хой. Майка налил в перколятор воду и включил его.

— С сахаром? — спросил он.

— Да, спасибо.

Майка выставил на стол сахарницу, положил возле нее ложку. Сел напротив Бринка и всмотрелся: да, Бринк вполне может быть сыном Лорны, хотя если бы парень сам не сказал, Майка бы не догадался. Такие же темные волосы (только у Лорны были длинные, струящиеся) и глаза — тоже темные и с острыми уголками, словно глаза лани. А рот другой. Верхняя губа изогнута, посередине ямочка — у Лорны рот был прямой и строгий.

— Значит, — заговорил Майка, — мама стала юристом в Вашингтоне. По каким именно делам?

— Работает в правозащитной организации.

— Ясно.

Значит, не крутая женщина-юрист, как ему поначалу представилось. Впрочем, все сходится. Ее семья принадлежала к какой-то из фундаменталистских церквей, и Лорна смолоду намеревалась творить добро. Однако богатенький сынок в эту картину пока не вписывался.

— А чем занимается отец?

— Тоже юрист. Корпоративный.

— Ага.

Майка рассеянно побарабанил пальцами по столу. За спиной булькал перколятор.

— Они оба, типа, очень целеустремленные, — продолжал Бринк. — Все время спрашивают меня, какие цели я себе ставлю. А я понятия не имею! Я только-только поступил в колледж Монтроз! И это, по их понятиям, провал, они-то рассчитывали, что я поступлю в Джорджтаун, где учился отец. Он особенно разочарован. Что бы я ни делал, отцу не угодишь.

— Непросто тебе приходится.

— Мы с ним как вода и масло, — сказал Бринк. — Я больше похож на вас.

— На меня? — удивился Майка. — Что ты обо мне знаешь?

— Вы беретесь за разную работу. Вы не упертый профессионал-карьерист.

Превосходно, теперь он — образец для никчемушников.

— Откуда тебе это известно?

— Мама говорила.

Майка сморгнул. Лорна продолжала интересоваться его жизнью?

— Я нашел вашу фотографию в коробке из-под

обуви, — сказал Бринк. — Среди других фотографий ее университетской поры. Вы с ней стоите под кизиловым деревом, и вы обнимаете ее за плечи. Я показал эту фотографию маме и спросил: «Кто это?» — и она ответила: «О! Это Майка. Майка Мортимер» — и сказала, что вы были ее любовью. На всю жизнь.

— Она так сказала?

— Ну, она сказала, что она тогда так думала.

— А!

— Я спросил, где вы теперь, и она сказала, когда она в последний раз слышала о вас, вы были кем-то вроде компьютерного гуру в Балтиморе. Ей говорила тетя Марисса.

— Тетя? А! — отозвался Майка. Должно быть, Марисса Бэйрд, решил он, — соседка Лорны по университетскому общежитию.

— Мама сказала, вы часто меняли траекторию, так что она не была уверена, занимаетесь ли вы этим по-прежнему.

Перколятор забурлил, забился в припадке — значит, кофе почти готов. Майка встал и пошел за кружками. Подождал, пока унялось бурление, наполнил кружки, принес их на стол.

— Тетя Марисса все еще ездит на встречи выпускников, — сказал Бринк. — Она знает все про

всех.

— На нее похоже, — сказал Майка и подвинул сахарницу Бринку.

— Вас не очень трудно было найти, — сообщил Бринк.

— Да, наверное, не особо трудно, — согласился Майка.

— «Майка Мортимер, хозяин». Прямо как вывеска магазина в вестернах, верно? Клево!

— Спасибо на добром слове, — сухо ответил Майка.

Отхлебнул кофе. Уставился на полосу солнечного света на полу. Та малость света, что просачивалась в окно над раковиной, всегда принимала форму горизонтальной полосы.

— Вопрос в том, зачем тебе понадобилось меня искать, — сказал он.

Бринк размешивал сахар в кружке, но тут остановился и поднял голову.

— Понимаете, — сказал он, — всем очевидно, что я не вписываюсь в семью. Среди них я словно… словно урод какой. Они все такие… А я похож на вас.

— Ты же меня совсем не знаешь, — напомнил Майка.

— Гены тоже что-то значат, — возразил Бринк,

пристально глядя ему в глаза.

— Гены?

Бринк молчал.

— Не понимаю, — сказал наконец Майка.

— Думаю, вы все поймете, если подумаете, — сказал Бринк.

— В смысле?

Бринк демонстративно вздохнул.

— Нужно все словами? — спросил он. — Вы и мама… Вы были вместе… Мама забеременела…

— Что?!

Бринк все так же пристально смотрел на него.

— Но мама ведь не говорила, будто я имею к этому какое-то отношение! — сказал Майка.

— Мама вообще ничего не говорила. Никогда. Всякий раз, когда я спрашивал, кто это был, она отвечала: это несущественно.

— Несущественно, — повторил Майка. Он чуть было не засмеялся, но пожалел мальчика. — Ладно, давай уделим этому делу минутку, — предложил он. — Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — ответил мальчик.

— Восемнадцать. Так. А я бросил универ двадцать — двадцать с лишним лет назад. К тому времени мы с твоей мамой давно уже не были парой, несколько месяцев вовсе не виделись. К

тому же…

К тому же у них с Лорной никогда не было секса. Лорна носила специальное золотое кольцо, которое выдавали в ее церкви, оно означало, что она «сберегает себя», как она выражалась, и Майка не пытался ее уговаривать. Он, пожалуй, восхищался ее категоричностью — да, можно так сказать. Да, именно категоричность и делала Лорну такой привлекательной! Но едва ли уместно обсуждать это с ее сыном.

С сыном, который слепо таращился на него. Лицо парня словно застыло.

— Но это… — пробормотал он. — Погодите, это же невозможно.

— Почему невозможно? — поинтересовался Майка.

— Мне вы можете сказать правду, — сказал Бринк. — Я же не собираюсь подавать на алименты или еще что. У меня и так есть отец. Он официально усыновил меня, кстати говоря, когда женился на маме. От вас мне ничего не требуется.

— Может, твой отец и есть твой отец, — сказал Майка. — В смысле, биологический.

— Нет. Мама познакомилась с ним, когда мне было уже два года.

— А!

Лицо Бринка изменилось. Он словно бы принял решение рассердиться. Резко отодвинул от себя кружку. Кофе выплеснулся на стол.

— Это были вы, — сказал он. — Кто же еще?

— Понятия не имею, — ответил Майка.

— Вы единственный в этой коробке из-под обуви похожи на бойфренда.

— Послушай, — сказал Майка, — я даже не знал о беременности. Спрашивать надо ее, а не других.

Бринк все так же злобно таращился на Майку.

— Сто раз спрашивал, — сказал он. — А она говорит, важно только одно: что папа меня вырастил.

— Она права, — кивнул Майка.

— А как насчет генетического наследия? Может, мне потребуется узнать насчет каких-то болезней, которые могли передаться по этой линии.

— Ну, если тебя это утешит, в моем роду, насколько я знаю, никаких таких болезней нет, — сказал Майка.

Он хотел слегка разрядить обстановку, но по лицу Бринка догадался, что опять допустил промах.

— Да шучу я, шучу, — сказал он. — Кофе подлить?

Бринк покачал головой.

На кухонном шкафчике задребезжал мобильный Майки. Майка поднялся и пошел глянуть на экран. Номер незнакомый. Он снял телефон с зарядки и поднес к уху.

— Технарь-отшельник, — представился он.

— Это Майка Мортимер?

— Да.

— Слава богу. Трудненько вас отыскать. Вы, наверное, меня не помните, я Кит Уэйн, вы меня выручили несколько лет назад, когда работали в «Компьютерном мастере». Ну вот, я больше не хочу обращаться к «Компьютерному мастеру», они там мышей не ловят, я уж понял… — Голос на миг умолк, вероятно предоставляя Майке возможность согласиться с этим обвинением.

Вообще-то Майка не был согласен: в «Компьютерном мастере» он начинал работать и многому там научился. Но ушел, потому что начальник был гад — из тех, кто начинает фразу словами «слушай сюда» или «давай-ка, приятель», — поэтому он промолчал, и мистеру Уэйну пришлось продолжить с того места, на котором он остановился.

— А сейчас у меня отчаянная ситуация, — сказал тот. — У меня из компьютера пропало все

подчистую. Документы, налоговые файлы — вообще все.

— Резервные копии делали?

— Ну, понимаете, я знаю, что надо было делать…

Майка вздохнул и потянулся к блокноту, лежавшему возле тостера.

— Ладно, — сказал он. — Где вы находитесь?

Уэйн жил в Роджерс-фордж. Майка пообещал приехать к одиннадцати. В глубине души он рад был предлогу уехать. Закончив разговор, он сказал Бринку:

— Похоже, дело срочное.

Мальчик кивнул и поднялся на ноги, избегая глядеть Майке в глаза. Он больше не казался сердитым — просто растерянным. Шагая к двери, он произнес:

— Как бы то ни было, спасибо за кофе.

— Попробуй еще раз спросить маму, хорошо? — сказал ему вслед Майка.

Бринк лишь приподнял в ответ руку, тут же ее уронил — и вышел за дверь.

— И передай привет от меня, — добавил Майка, чувствуя себя идиотом; дверь уже закрывалась и закрылась с тихим, окончательным щелчком.

Майка простоял неподвижно, наверное, с ми-

нуту, потом пожал плечами и направился в душ.

* * *

Утраченные файлы мистера Уэйна, как выяснилось, всего лишь прятались от него. Майка быстро их нашел, и мистер Уэйн рассыпался в благодарностях.

— Тем не менее, — сурово сказал Майка, и мистер Уэйн, воздевая обе руки, ответил:

— Знаю, знаю! Я усвоил урок! Теперь все время буду делать копии!

Следовало бы спросить его, как он собирается их делать. Скорее всего, мистер Уэйн понятия не имел, как делать копии. Майка мог бы объяснить ему различные варианты и, пожалуй, подобрать программу, тем самым заметно увеличив минимальный гонорар, который только что заработал. Но как-то сердце к этому не лежало. Его как будто что-то беспокоило, такое чувство, словно что-то осталось несделанным или сделанным неправильно, поэтому он сказал только:

— Что ж, если понадоблюсь, у вас есть мой номер, — и распрощался.

Все дело в том парне, думал он, проезжая по Чарлз-стрит. Этот мальчик, Бринк, все никак не шел у него из головы. Очевидно, у парня ка-

кой-то кризис, а Майка фактически выставил его за дверь. Задним числом он чувствовал себя за это виноватым — отчасти из-за самого Бринка, отчасти из-за Лорны, потому что после стольких лет он все еще думал о Лорне с нежностью. Или, вернее, так: снова подумал о ней с нежностью. (Расстались они скверно: он застукал ее целующейся с другим парнем.) Как-никак она была его первой настоящей любовью. К тому времени у него особого опыта с девчонками не было. Его считали одиночкой.

Когда они познакомились, он был на втором курсе, а она только что поступила, сидела одна в студенческой столовой, что-то ела, а за соседними столами большими стайками собирались, хихикали, визжали другие девушки. Завеса темных волос, узкое лицо без следа косметики, пастельная блузка и выцветшая юбка, обе многократно стиранные — все отделяло ее от прочих. При этом она не выглядела слишком застенчивой, смиренной. Казалось, она втайне довольна собой. Он поставил поднос на ее столик и спросил: «Можно, я тут сяду?» — а она ответила: «Конечно», не улыбнувшись, даже слегка. Не промелька зубов за чуть раздвинувшимися губами, ни игривости в голосе. Она была самой собой, и точка. Религи-

озная, подумал он. Заинтересовался.

Учитывая ее принадлежность к фундаменталистской церкви, неудивительно, что она не избавилась от беременности. Удивительно, что она забеременела. Лорна Бартелл, такая твердая и уверенная в своих принципах! Вот бы никогда не подумал.

Грузовик впереди проскочил на желтый свет, но Майка был наготове и аккуратно, изящно затормозил. («Видали? — восхитился бог транспорта. — Ни малейшего рывка».)

Проблема с бывшими подружками в том, размышлял Майка, что каждая что-то из тебя вычитает. Прощаешься с первой своей великой любовью и обзаводишься следующей, но обнаруживаешь, что ей ты можешь дать уже меньше. Маленького кусочка тебя недостает — ты уже не целиком вкладываешься в новые отношения. А в следующие еще меньше, и еще того меньше — в те, что потом. После Лорны он встречался с Зарой — экзотической, склонной к драматизму, любительницей пестрых тюрбанов. А когда Зара сменила его на своего партнера по танцам, он увлекся Аделью. Ту пожирала страсть спасать животных. Однажды она объявила, что уезжает работать с серыми волками в каком-то богом

забытом углу Монтаны. Или Вайоминга. Нет, с женщинами у Майки не очень-то складывалось. Они, похоже, в какой-то момент теряли к нему интерес, а почему — он толком не мог понять. Теперь он был с Кэсс, но это совсем не то, как было в старину с Лорной. С Кэсс все более… приглушенно. Негромко. Спокойно. И разумеется, даже речи нет о браке. Уж если Майка что и усвоил из всех этих прежних отношений, так это что жить с кем-то, так сказать, на полную ставку слишком хлопотно.

Он свернул на Йорк-роуд, заскочил в магазин купить выключатель, а заодно и поручни для ванны в квартиру 3В. Потом заехал в «Джайнт» за продуктами для чили.

Толкая тележку мимо стеллажей с консервированной едой, Майка на мгновение словно вернулся в свой утренний сон. Младенец сидел посреди похожего отдела. Спину держал очень прямо, решительно, в такой позе нередко сидят малыши, только что научившиеся сидеть. И откуда, черт возьми, этот сон?

Кто-то мог бы даже счесть его пророческим, хотя Бринк давно вышел из пеленок.

* * *

Вернувшись домой, Майка переставил пустые мусорные контейнеры за дом. Потом пошел в свой кабинет и внес выключатель и поручни в список расходов, который предстояло предъявить владельцу здания. Только поручни он записал как «вешалка для полотенец», поскольку поручни для ванны теоретически относились к дополнительному оборудованию, которое должны оплачивать сами жильцы, Картеры. Но Луэлла Картера болела раком и становилась все слабее, в любой момент могла упасть. Она же не просила установить ей душ с гидромассажем или еще какую роскошь, так рассудил Майка.

Мистеру Джерарду, домовладельцу, перевалило за восемьдесят, он был несколько прижимист, но теперь жил во Флориде и в дела почти не вмешивался.

После обеда — три звонка, один довольно занятный. Клиент хотел убрать с ноутбука сына-подростка порнофильмы и установить блокирующие программы. Майку развеселили названия, под которыми сын замаскировал файлы: «Производство сорго в восточных штатах», «Демография населения Дайтона». Похоже на

пустоты внутри книги, куда люди прятали ценности от воров, — тоже всегда выбирали обложки со скучнейшими заголовками, чтобы посторонние не соблазнились открыть.

Отец был родом из какой-то далекой страны, где-то в Азии. Как многие клиенты-мужчины, он принадлежал к типу любителей стоять над душой и рассуждать о технике, пока Майка возится с компьютером. Сначала мистер Фень расспросил о преимуществах лазерных и струйных принтеров, потом — не угрожает ли оборудование «умного дома» приватности личных данных. Майка отвечал односложно. Он предпочитал полностью сфокусироваться на том, чем занят в конкретный момент. Впрочем, это не помогло: мистер Фень любил поговорить.

Когда Майка заполнял чек, мистер Фень сказал:

— Вы мне однажды помогли разобраться с вирусами, когда работали в «Компу-клиник». Я так и подумал, что ваше лицо мне знакомо.

— В самом деле? — откликнулся Майка.

— А теперь у вас собственная компания, верно?

— Ну, компанией я бы это не назвал…

Майка оторвал первый экземпляр чека и вру-

чил его мистеру Феню. Тот всмотрелся, поджал губы.

— Знаете, я, пожалуй, ничего сыну не скажу, — сообщил он Майке. — Он придет домой, включит свой компьютер, удивится, что случилось, но спросить меня он же не сможет, верно? А я ни слова не скажу.

— Хороший план, — согласился Майка.

— Может, он решит, это Бог управился, — сказал мистер Фень.

Они оба засмеялись.

Другие заказы были не столь интересны. Установить новую операционную систему, настроить новый принтер. Ерунда, не требующая участия мозгов.

Парня, с которым целовалась Лорна, звали Ларри Эдвардс. Нет, Эсмонд. Имя само всплыло в голове Майки, когда он, подключив принтер, ехал домой. Ларри Эсмонд — маленький, тощий, крошечный клочок темной бороды торчал из центра подбородка, словно приклеенный. Он ходил в одну с Лорной группу изучения Библии. Как-то осенью, под вечер, Майка шел через кампус в компьютерную лабораторию и случайно увидел Лорну и Ларри на скамье под дубом. Сначала подумал, Лорна чем-то расстроена, а Ларри

ее утешает — она сидела понуро, опустив голову, что-то говорила, словно себе за пазуху, а Ларри закинул одну руку на скамейку за спиной Лорны и мрачно кивал, внимая ей. Но потом он поднял другую руку и убрал прядь волос с ее лица, и Лорна повернулась к нему, и они поцеловались.

Будь это сцена в кино — обманутый влюбленный замирает в ужасе на миг и удаляется прочь, негодуя; девушка испуганно вскакивает на ноги; коварный соблазнитель тоже встает и бормочет объяснения и оправдания, — Майка бы только фыркнул. Мелодрама чистой воды! И так далеко от его реальной жизни, от Лорны, — Лорна была очень преданной. Порой даже липучей — обеими руками хваталась за его локоть, когда они гуляли вместе, просилась с ним, когда он сообщал, что собирается выпить с ребятами пива или сходить в зал покидать мячик в корзину.

И тем не менее вот они: Лорна и Ларри.

Однако он не думал, что Ларри стал отцом Бринка. Для этого пришлось бы уж слишком напрячь воображение.

* * *

— Столовую ложку молотого чили, столовую ложку соли, четверть чайной ложки красного

перца, — приговаривал он, отмеряя приправы и высыпая их в кастрюлю. Он всегда разговаривал сам с собой во время готовки. Глянул еще раз на старую, потрепанную карточку. — Два *dientes de ajo*[1], раздавить.

Он положил два зубчика чеснока на разделочную доску, раздавил их чугунной сковородкой и аккуратно собрал.

Кто-то постучал в заднюю дверь.

Сначала Майка подумал, что стучат в парадную дверь. Жильцы пользовались ей — она вела в холл, куда выходили двери квартир. Но нет, тихое тук-тук доносилось из-за двери рядом с раковиной. Слишком неуверенное, это не Кэсс. Он отложил сковородку, подошел к двери и открыл ее. За дверью обнаружился тот паренек Бринк, он слегка покачивался с пятки на носок, глубоко засунув руки в карманы. Солнце уже садилось, стало так холодно, что парень наконец раскатал рукава блейзера.

— Привет, — сказал он Майке.

— И тебе привет, — ответил Майка.

Бринк продолжал переминаться с пятки на носок.

---

[1] Примечания: 1
Зубчика чеснока (*исп.*).

— Как дела? — спросил его Майка.

— Да особо никак.

— Хочешь войти?

— Хочу, — ответил Бринк. Вытер ноги о коврик и следом за Майкой вошел в кухню.

— День с толком провел? — спросил Майка.

— А, да. Нашел библиотеку.

— Библиотеку, — повторил Майка.

— Там и сидел.

То есть он весь день просидел в библиотеке? Уточнять Майка не стал: откроется очередная проблема, в которую он не хотел заглядывать. Он махнул рукой в сторону кухонного стола и пригласил:

— Садись, что стоять. Пива хочешь? Или, может… Не знаю, — добавил он, спохватившись: Бринк же еще несовершеннолетний.

Но Бринк уже ответил:

— Пива бы неплохо.

И Майка не стал с этим спорить. Вытащил из холодильника банку «Натти Бо», передал парню. Сам вернулся к плите и закинул толченый чеснок в кастрюлю с чили.

— Одна луковица, нарезать, — скомандовал он себе. Самая нелюбимая часть процесса.

За спиной послышалось тихое «пфф» открыв-

шейся пивной банки.

— Я читал книгу про «Ориолс», — мгновение спустя сказал Бринк. — Давненько они играют.

— Да уж, — согласился Майка.

— С 1901 года, если считать, когда они были «Брюэрс».

— «Милуоки Брюэрс»? — спросил Майка.

— Точно.

Майка обернулся поглядеть на своего гостя. Бринк откинулся к спинке стула, обеими руками сжимал банку пива.

— Но тогда ж они еще не были «Ориолс», — сказал Майка.

— Нет, «Ориолс» они только с 1953-го.

— А!

Майка продолжил резать лук.

— Лучшие же их дни пришлись на шестидесятые, — сообщил Бринк.

— Вот как, — откликнулся Майка. Он сбросил лук в кастрюлю и хорошенько все помешал. Уже чувствовался тминный дух, немного похожий на застарелый запах пота.

— Смотрю, ты всерьез исследованием занялся, — сказал он Бринку.

— Да время девать было некуда, — ответил Бринк.

Майка замолк. Когда фарш начал подрумяниваться, он достал себе пива из холодильника и тоже уселся на стул.

— Как насчет тут и поужинать? — поинтересовался он наконец.

— Было бы здорово! — обрадовался Бринк и со стуком опустил на пол передние ножки стула.

— Всего лишь чили, — пояснил Майка. — И моя подруга тоже придет, Кэсс.

— Чили — это здорово! — сказал Бринк. — И я буду рад познакомиться с Кэсс.

— Так что?.. — начал Майка.

Бринк насторожился.

— Так что на самом деле происходит? — задал вопрос Майка.

— Что происходит?

— В смысле, занятия сейчас идут полным ходом. Ты же не на осенних каникулах.

— Это верно, не на каникулах, — сказал Бринк.

Майка вскрыл банку пива и задал следующий вопрос:

— А где вообще этот колледж Монтроз?

Ему не слишком нравилась собственная настойчивость, но Бринк не возражал.

— В Виргинии, — сказал он. — Прямо у границы округа Колумбия.

— Ты живешь в общежитии? Или из дома ездишь?

— Господи, нет! Живу в общаге. Кому охота мотаться из дома?

— Верно, — подтвердил Майка и глотнул пива.

— Кстати говоря, — сказал Бринк, — свободной кровати у вас не найдется, чтоб мне на ночь пристроиться?

— Здесь? — удивился Майка.

— Или хотя бы диван. Меня тот диван вполне устроит. — Бринк глянул в сторону гостиной зоны.

— Ну… у меня есть запасная спальня, типа того, — сказал Майка.

— Здорово! Потому что на поезд я, пожалуй, уже опоздал.

Еще даже не смеркалось. Поезда ходили почти до полуночи. Но Майка не стал заострять на этом внимание. Отодвинул стул и поднялся снова помешивать чили.

— Вещи с собой есть? — спросил он паренька, перекрывая шипение мяса.

— Нет, я… особо вперед не загадывал.

Пауза. Потом Майка сказал:

— Банку фасоли. Промыть и слить воду.

— Очень вкусно пахнет, — сказал Бринк.

— По-хорошему фасоль надо готовить самому, но тогда начинать надо было заранее.

— По мне, консервированная фасоль вполне годится, — сказал Бринк.

— Но она дороже, — пояснил Майка.

— Вон что.

Майка вел консервный нож по кругу, вспарывая банку. Он спросил:

— Сам-то часто готовишь?

— Я вовсе не готовлю.

— Ясно.

Майка плюхнул фасоль в дуршлаг и включил холодную воду.

В заднюю дверь постучали — знакомый отрывистый тук-тук-тук. Майка оставил дуршлаг в раковине и пошел к двери.

— Привет, — сказал он, и Кэсс ответила:

— Ага, привет, — и вручила ему остатки кукурузного хлеба, завернутые в полиэтилен. Щеки ее слегка разрумянились, от нее пахло приятно — чисто, чуточку морозно. Взгляд Кэсс скользнул мимо Майки к Бринку.

— Это Бринк Адамс, познакомься, — сказал Майка. — Сын моей приятельницы университетских дней. Бринк, это Кэсс Слейд.

— Здрасьте, Кэсс, — сказал Бринк.

Манеры богатенького мальчика — запросто, даже слишком уверенно вступает в разговор с незнакомцами.

— Бринк решил денек прогулять, — пояснил Майка. — Учится в колледже Монтроз.

— О, Монтроз! Одна из преподавательниц моей школы там училась, — подхватила Кэсс.

Майка был ей благодарен за это — сам не зная почему.

— Хочешь пива? — предложил он.

— Да, спасибо.

Она скинула куртку, повесила ее на спинку свободного стула и села.

— Будете с нами ужинать? — спросила она Бринка.

— Ага, — ответил он и добавил: — И устроюсь на ночь в запасной спальне.

— О?

Она вопросительно глянула на Майку, и тот кивнул, вручая ей банку пива.

— Что ж, — помолчав, сказала Кэсс Бринку, — вам наверняка понравится чили Майки.

— Пахнет чудесно.

Снова молчание.

— Так! — сказал наконец Майка. — Схожу-ка принесу еще стул.

Стул имелся только в кабинете перед компьютерным столом. Когда Майка вернулся, Бринк уже рассказывал Кэсс историю местной команды «Ориолс». Кэсс проявляла вежливую заинтересованность. «В самом деле?» — повторяла она время от времени и наконец сказала:

— Я родом не из Балтимора, я всего этого не знала.

— О, у них длинная история!

— А сами вы играете в бейсбол, Бринк?

— Не-а.

Она ждала пояснения, слегка наклонив голову, но не дождалась.

Хотя Бринк никак не мог быть его сыном, на миг Майка прочувствовал, каково было бы иметь сына — сына, который причинил бы ему разочарование. Пустышку.

Но Кэсс так легко не сдавалась. Пока Майка накрывал на стол и смешивал салат, она искусно вела атаку, выясняя, в какие спортивные игры Бринк все же играет (лакросс, разумеется) и какую университетскую программу выбрал (пока что он понятия не имел). Майка развернул кукурузный хлеб. Разложил по тарелкам. Навалил чили поверх хлеба, посыпал тертым чеддером и тоже сел за стол. За ужином Кэсс перешла к

вопросам о семье Бринка. У него есть младшие брат и сестра, сообщил парень. Сестра в четвертом классе — тут, разумеется, у Кэсс появилось множество новых вопросов. В тот вечер волосы у нее были забраны в пучок — эту прическу Майка не очень любил, он предпочитал, когда ее волосы свисали прямыми прядями, — и почему-то она выглядела ближе по возрасту к Бринку, чем к Майке. Бринк рассказал ей, что у сестры дислексия, и она внимательно слушала, сочувственно кивая, и хвостик подпрыгивал у нее на затылке. Майка недоумевал, с какой стати она так во все это вникает. Ему больше нравилось, когда Кэсс была сдержанна с посторонними. Когда она проявляла внимание к нему, если уж начистоту.

Он оттолкнул стул и поднялся вскипятить воду — Кэсс после ужина будет пить чай. Бринку он чая не предложил.

* * *

После ужина они сидели рядком на раскладном диване в кабинете Майки и слушали вечерние новости. Телевизор стоял на одном столе с компьютером, буквально в шаге от зрителей — очень уж узкая комнатенка.

— Здесь ты и будешь спать, — предупредил

Майка, похлопывая ладонью по дивану, и Бринк ответил:

— Меня вполне устраивает.

Майка слегка любопытствовал насчет политических взглядов Бринка, но все время, пока дикторы говорили, парень не вылезал из своего смартфона. Майка глянул на Кэсс, надеясь перемигнуться с ней, но она с головой погрузилась в сюжет о том, как группу иммигрантов-латиносов загоняют в автозак.

И задолго до того, как программа закончилась, Кэсс потянулась, высоко вскинув руки, зевнула вслух и сказала:

— Мне, пожалуй, пора. Совсем убегалась.

Потом она сказала:

— Доброй ночи, Бринк.

Парень оторвался от смартфона и пробурчал:

— А? О! Приятно было познакомиться.

Майка вышел вслед за Кэсс в кухню и там спросил ее:

— Разве ты не останешься на ночь?

— Нет, — ответила она, — ты и так не один.

Взяла свою парку со спинки стула, накинула ее.

— А это тут при чем, — удивился он, обхватывая ее руками сзади, утыкаясь лицом ей в шею, —

этот теплый изгиб словно специально был создан по форме его носа. — Я-то рассчитывал на обнимашки самую малость, — шепнул он.

Но она расцепила его руки и двинулась к двери.

— Ты не спросил, как дела с Нэн, — бросила она через плечо.

— А! Точно, Нэн, — откликнулся он. — Ты позвонила ей?

— Нет, — сказала она, открыла дверь и сделала шаг за порог.

— Наверное, стоило бы это сделать, ты не думаешь? — спросил он.

Она обернулась и бросила на него взгляд — непонятный Майке.

— Может быть, я просто поселюсь в машине с Димолеем и его бабушкой, — сказала она.

— Ну, право, — сказал он, решив подхватить шутку, — тогда уж купи собственную машину и в ней и живи.

Но Кэсс не улыбнулась в ответ. Молча закрыла за собой дверь, и он остался в кухне, в одиночестве.

Мгновение Майка тупо смотрел на прямоугольник двери, потом повернулся и пошел обратно в кабинет. Наверное, надо принести Бринку по-

стельное белье. После этого можно будет уйти в свою спальню. Обычно по вечерам он зависал на диване в гостиной, раскладывал пасьянс на телефоне, но сегодня не будет. Сегодня, так сказать, имеются зрители. Вот в чем проблема с гостями, которые остаются на ночь, — они отнимают у тебя все личное пространство. Просачиваются в каждый угол.

Ему припомнился образ младенца в супермаркете, того, что смотрел на него с ожиданием. Уже не в первый раз Майка подумал, как мало толку от пророческих снов, ведь их смысл открывается лишь задним числом.

3

По-видимому, Бринк, как большинство подростков, мог спать допоздна. Утром, когда Майка отправлялся на пробежку, дверь в кабинет была плотно закрыта, за ней тишина. Ничего не изменилось и когда он вернулся, и позже, когда он вышел из душа. Он подумал, как поступить, если звонок клиента вызовет его раньше, чем Бринк проснется. Поеду, решил он. Парень явно не преступник.

Когда Майка жарил яичницу, взгляд его упал на лежавший у плиты мобильный телефон в украшенном блестками футляре. Выходит, прошлым вечером Бринк увидел зарядку Майки, запомнил, где она, и потом вернулся в кухню и подключил свой мобильник. Отчего-то стало неприятно — опять вторглись на его личную территорию, хотя, разумеется, ничего такого уж личного в зарядном устройстве нет. Он стряхнул с себя это чувство и выложил яичницу на тарелку.

Черт, надо было и бекон. По опыту Майки, запах поджаривающегося бекона действует надежнее будильника.

Дзынь! Дзынь! Телефон Бринка задребезжал. Эсэмэска. Звук был такой громкий, что Майка вновь обернулся на дверь кабинета, но не заметил никакого движения. Через две минуты сигнал повторился. Майка уселся и принялся за яичницу.

Перколятор смолк, и Майка поднялся, чтобы налить себе первую за день кружку кофе. Когда он усаживался обратно за стол, телефон вновь издал «дзынь».

– *Es muy misterioso*[2], — сказал Майка вслух. Добавил сливки в кофе и стал ждать, что будет дальше.

За время завтрака он еще трижды слышал звук входящего сообщения, а потому, замочив посуду после еды, взял в руки телефон Бринка и нажал кнопку меню. Посыпались сообщения, одно за другим заполняя экран. «Я прошу лишь сообщить нам, что ты жив», и «Твой отец не это хотел сказать», и «Бринк, тебе говорю, ответь СЕЙЧАС же», и…

Он положил телефон на место.

— Оказывается, *es* не так уж *mysterioso*, — сказал он и повернул кран.

---

[2] Примечания: 2
Очень таинственно (*исп.*).

* * *

Его собственный телефон упорно молчал, так что, прибрав в кухне, Майка забрал из котельной сумку с инструментами и поднялся по лестнице на первый этаж. Ключи у него на всякий случай были при себе, но стоило нажать кнопку звонка квартиры 1В, как Йоланда сразу же открыла. Она была в вечернем наряде — свободно сидящие брюки и футболка с эмблемой «Рэйвенс»[3]. Из телевизора доносился бодренький девчачий голос: «Вверх, два-три-четыре; вниз, два-три-четыре».

— Я не вовремя? — спросил Майка.

— Господи, да нет же, — сказала Йоланда. — Все что угодно, лишь бы перестать себя мучить.

Она прошла через гостиную и выключила телевизор. Внезапная тишина резко, словно эхом, отдалась в ушах Майки.

— На улице уже были? — крикнула она ему вслед. Он направлялся по коридору в кладовку.

— Был, — ответил он.

Ее кладовка была набита одеждой: стоило Майке открыть дверь, и вещи словно набросились на него. Он пробрался сквозь толщу надушенных,

---

[3] Примечания: 3
Местный футбольный клуб «Балтимор Рэйвенс».

затхло пахнувших тряпок к счетчику на задней стене.

— Холодно на улице? — спросила она.

— Морозно, — сказал он, вынырнув из кладовки. Вернулся в гостиную и начал откручивать выключатель.

— Черт, надо машину загнать.

— Не настолько морозно, — сказал он.

Наступило молчание. Женщина смотрела, как он отсоединяет провода и выуживает из сумки с инструментами новый выключатель. Потом она сказала:

— Что же, вы так и не спросите, как прошло свидание с дантистом?

— Ах да, с дантистом, — подхватил он.

— Выяснилось, что он живет с матерью.

Майка фыркнул.

— Но это само по себе не так уж плохо. Может быть, он просто такой мягкосердечный.

— Точно, — сказал Майка.

— Кстати, как это говорится: надо выходить замуж за парня, который хорошо ладит с матерью — или с отцом?

— Не слыхал ни про то ни про другое, — сказал Майка.

— Я вечно путаю. И конечно, ни к чему парень,

который слишком привязан к мамочке.

— Ясное дело, — ответил Майка.

Он подсоединил новый выключатель и наклонился, чтобы подобрать лежавшую рядом с сумкой с инструментами крышку.

— Он три раза позвонил ей. Пока мы ужинали, — задумчиво продолжала Йоланда.

— Ого.

— На третий раз она сказала, ее пугают какие-то звуки на заднем дворе и чтобы он ехал домой.

— И он поехал?

— Ну да.

Майка завернул последний винт и прошел по коридору в кладовку — включить предохранитель. Когда он вернулся, Йоланда поджидала его, надув губы и скрестив руки на груди.

— Вы считаете меня дурой, — заявила она.

— Что?

— Думаете, я сама себя обманываю.

Майка хлопнул рукой по выключателю, и под потолком зажегся свет.

— Бинго! — сказал он.

— То есть вы считаете, я сама себя обманываю?

— Я сказал «бинго» — выключатель работает.

— А.

Он снова хлопнул по выключателю, Йоланда

вроде бы ждала от него каких-то еще слов.

— Он хотя бы зубы ваши одобрил? — спохватился он наконец.

На миг ему показалось, что женщина не ответит. Она так и смотрела на него в упор, выпятив губы. Но потом уронила руки и сказала:

— О зубах он ничего не говорил. Что ж, спасибо, что зашли, починили.

— Всегда рад, — сказал он, подхватил инструменты и вышел.

* * *

На полпути к цокольному этажу телефон зазвонил, и Майка остановился, чтобы вытащить его из кармана. АДА БРОК. Самая старшая из его сестер, «хранительница семейных связей», как отзывались о ней другие сестры. Он нажал кнопку и произнес:

— Ада?

— Привет, милый. Как дела?

— Все хорошо.

— Угадай, что у нас случилось! Сто лет будешь думать, не угадаешь!

— Что?

— Джой женится.

— Что?!

Джой был младшим из детей Ады, ее «маленьким», как она говорила, хотя ему уже за двадцать. Он все еще жил с родителями (похоже, повторяющаяся тема этим утром), и Майка считал его слишком рыхлым, пустым и безынициативным даже для того, чтобы ненадолго обзавестись девушкой, не говоря уж о том, чтобы жениться. Но нет же.

— Оказывается, он познакомился с ней в магазине, уже давным-давно, и ни словечка никому из нас не сказал. Помнишь, несколько месяцев назад он хотел попробовать себя в сфере фуд-менеджмента?

— В сфере фуд-менеджмента?

— И я так понимаю, с тех пор они встречаются, но упоминал ли он об этом дома? Ни словом. А вчера за ужином говорит нам: «Мы с Лили хотим пожениться, могу я вместо своей кровати поставить в комнату двуспальную?» — «Лили? — говорю я. — Кто это — Лили?» А он отвечает: «Лили — моя невеста». Типа, в чем вопрос? «Это я уже поняла, — говорю я ему, — но мы впервые слышим ее имя». — «Ну, теперь вы знаете ее имя», — говорит он. Умник эдакий. Мальчики, они всегда такие. С девочками я болтаю, болтаю, болтаю день напролет, господи, да я могла бы

тебе рассказать, какого цвета трусы носят их приятели, а тут Джой: раз — и приводит в семью совершенно ненашенскую девицу и даже не подумал заранее предупредить.

— Она иностранка?

— Нет, почему? Американка.

— Но ты же сказала…

— Я имела в виду — совершенно чужой человек. Незнакомый.

— А.

— Так ты приедешь к нам завтра на ужин? Вместе с Кэсс? Фил приготовит свою фирменную свинину на гриле.

— Вы устраиваете ужин?

— Чтобы познакомиться с Лили, ну конечно. Я велела Джою ее пригласить. Я сказала: «Я не собираюсь ждать, пока ты поведешь свою невесту к алтарю, я намерена увидеть ее до того».

— А на свадьбе мне тоже придется присутствовать? — забеспокоился Майка. Он не любил свадьбы: столько народу.

— Конечно, ты должен будешь прийти на свадьбу. Ты же его дядя!

— На свадьбу Нэнси ты меня не заставляла приезжать.

— Нэнси не замужем.

— Вот как?

Неожиданность. Нэнси успела родить троих детей.

— В шесть часов, — сказала Ада. — Привези Кэсс, она здорово умеет разговорить человека. Я же ни черта не знаю об этой девице и вдруг — бабах! — должна жить с ней в одном доме.

— Ладно, — сказал Майка. — Ну что ж. Увидимся вечером, я так понимаю.

— Правильно понимаешь, — сказала Ада.

Он выключил телефон, хотя она, вероятно, еще продолжала говорить.

* * *

Он вернулся в свою квартиру и обнаружил, что телефон Бринка на кухонном шкафчике снова дребезжит. Подошел проверить. Новая эсэмэска: «Если не получу от тебя известий до…» Впервые Майка обратил внимание на значок телефона внизу экрана и маленькую красную цифру 24. Двадцать четыре неотвеченных вызова, господи боже!

Майка выдернул шнур зарядки и с телефоном в руках подошел к двери в кабинет, трижды громко постучал. Ответа не было. Телефон снова задребезжал. Майка еще раз постучал, а затем

распахнул дверь в едва подсвеченный хаос — скомканный блейзер на принтере, штаны на полу, один ботинок возле стола, другой у дивана, а сам диван на первый взгляд казался просто кучей одеял. Поразительно, как юнец, не имевший при себе багажа, сумел так захламить комнату! Майка вошел и уронил телефон возле сонной щеки Бринка.

— Позвони матери! — велел он.

Бринк открыл глаза и тупо уставился на телефон прямо у себя перед носом. Застонал и с трудом сел.

— А? — пробормотал он.

Даже после ночи прическа его оставалась безукоризненной, но на левой щеке отчетливо проступали следы от подушки.

— Маме, — повторил Майка. — Маме своей позвони.

— Зачем это?

— Скажи, что ты в порядке.

— М-м… — Вот и весь ответ.

Майка подождал, пока Бринк скинул ногу на пол и сел на край кровати, промаргиваясь. Тогда он вышел из комнаты.

На кухне он снова поставил вариться кофе и сунул два куска хлеба в тостер. Бринк вынырнул

из кабинета, проследовал в туалет — в трусах-боксерах и футболке. Через минуту вышел и прошаркал обратно в кабинет, ероша одной рукой волосы. Дверь за ним захлопнулась.

Майка накрывал на стол, намеренно гремя посудой, чтобы дать понять: он не подслушивает, но, впрочем, подслушивать было особо нечего. Если Бринк и позвонил матери, то нарочно приглушал голос. Или же — пришло Майке в голову — просто послал эсэмэску. Или вовсе пренебрег указаниями Майки — такая возможность тоже существовала. Так или иначе, спустя какое-то время Бринк вернулся, теперь уже почти одетый. На рубашке со вчерашнего дня появились новые морщины, и она была не заправлена, но воротничок стоял все так же твердо. Бринк выдвинул стул и осел на нем, словно мешок с картошкой. Уперся локтем в стол, чтобы одной рукой поддерживать голову.

Майка уже не мог припомнить, когда он сам был так молод и так разбит ночным сном.

— Ты ей позвонил? — спросил он, наливая кофе в кружку Бринка.

— Угу, — сказал Бринк, вскинул голову и потянулся за сахаром.

— Поговорил с ней?

— Угу.

Майка положил Бринку на тарелку два тоста и придвинул ближе джем. Завтрак — кофе с тостами, и точка, потому что, по правде говоря, гостеприимство ему поднадоело.

Ему бы удовольствоваться тем, что Лорна теперь спокойна, но почему-то этого не было достаточно. Что именно сказал ей Бринк? Упомянул ли Майку? А если упомянул, то что она ответила? Поинтересовалась ли, как дела у Майки? Нет, никак не могла — слишком короткий был разговор. Да и какое ей дело до него, после стольких лет.

Бринк плюхнул себе на хлеб столько джема, что ему пришлось приподнять верхнюю губу, откусывая первый кусок, а то бы вымазался. Оскалился, как сердитый пес. Майка, стоявший привалясь к кухонному шкафчику, отвернулся.

Из кармана Бринка донесся звонок. Такой пронзительный, старомодный, как у городского телефона — странный выбор для юнца; Бринк знай себе жевал тост. Телефон все звонил.

— Ответишь? — спросил наконец Майка.

— Не-а, — сказал Бринк.

Он дотянулся до кружки с кофе, отпил глоток. Глаз он не поднимал, уперся взглядом в стол. Ресницы короткие, щетиной, но при этом густые,

как на кисточке художника.

А может, паренек специально выбрал такой сигнал для звонков от родичей, прикинул Майка и спросил:

— Так ты с ней связался или нет?

— Я же сказал: да. Вы не верите мне?

Майка выпрямился, оттолкнулся от шкафчика.

— Ты соврал, — сказал он.

Бринк шумно вздохнул и устремил взгляд в потолок.

— Послушай, — сказал ему Майка, — я не знаю, что между вами происходит, но одно ясно: она переживает за тебя. Ничего с тобой не случится, если ты всего лишь сообщишь ей, что ты цел, а?

— А откуда вы знаете? — спросил Бринк, и внезапно прорвавшийся в его голосе гнев застиг Майку врасплох. — Мне до смерти надоело всегда и во всем быть неправым! Сыт по горло! Я думал, хотя бы вы займете мою сторону, но нет — вы сразу же перебегаете к ним. Как и все прочие.

— Я даже не знаю, где и в чем твоя сторона, — напомнил Майка. — Ты ничего не рассказывал.

— А вы спрашивали?

— Ладно, вот спрашиваю. Итак?

Бринк не ответил. Уперся сжатыми кулаками в стол по обе стороны от тарелки.

— Ну так тому и быть, — сказал наконец Майка. — Силой я тебя говорить не заставлю. И матери позвонить тоже не заставлю. Но, черт побери, пособником в этом деле я уж точно не буду. Либо ты сию минуту сообщишь ей, где ты находишься, — прямо тут, при мне, чтобы я слышал, — или выкатывайся отсюда.

— Прекрасно! Я уйду! — отозвался Бринк.

Но оставался сидеть за столом.

— Так иди, — поторопил его Майка.

К тому моменту телефон Бринка, разумеется, уже перестал звонить. Повисла недолгая пауза, потом Бринк отодвинул стул и встал. Он повернулся и пошел в кабинет, а Майка смотрел ему вслед, не зная, чего ждать дальше. Почти сразу Бринк появился снова, блейзер висел у него через плечо на согнутом пальце. Парень двинулся к задней двери. Он открыл дверь и переступил порог.

— Так куда… — заговорил Майка, следуя за ним, — куда ты пойдешь, ты решил?

Бринк не ответил. Дверь за ним захлопнулась.

Майка застыл.

Он все испортил, это он понимал. Но не был уверен, что именно следовало бы сделать иначе, представься ему второй шанс.

* * *

Мужчина в Гилфорде просил проверить его компьютер на вирусы. Женщина, прочитавшая «Первым дело подключи», выясняла, сколько он берет за уроки, но потом сказала, что ей придется обсудить это с мужем. Другой женщине требовалось установить новый модем. Интернет-компания уверяла, что это легко и просто, «но вы знаете, как это бывает», сказала она. «Бывает», — согласился с ней Майка, и так оно и вышло: даже ему пришлось в итоге звонить в службу поддержки, потому что, как выяснилось, они выдали новой клиентке старый модем, все еще настроенный на прежний компьютер. Он провисел на телефоне почти двадцать минут, но не включил это время в счет, ведь это была не ее вина. Он сказал ей, что пока ждал, проверял свою почту, так что это не считается.

Дальше был перерыв, и Майка занялся домашними делами. Пропылесосил квартиру, как всегда по средам, снял с дивана в кабинете постельное белье и запустил стирку. Сгреб в кучу листья, накопившиеся под окном цокольного этажа. Установил поручни в ванной у Картеров.

К сожалению, Картеры жили на третьем этаже

— Луэлла Картер слишком ослабла и не могла спускаться и подниматься по лестнице. Мир ее сузился до четырех комнат, и Майка уже забыл, когда в последний раз видел ее не в халате. И ведь не старая, под шестьдесят, всегда была довольно плотной, а теперь вся съежилась. Кажется, она не вполне осознавала свое положение. Забрела в ванную составить Майке компанию, пока он возился, и, с трудом втягивая в себя глотки воздуха, забавно описывала недавний визит своих подруг по кружку вязания.

— Мы сто лет знакомы, — рассказывала она, — нас шестеро, и мы не только вяжем, мы и пикники иногда вместе устраиваем. Прошлой весной мы побывали на берегу, на фабрике маринадов, и управляющий подарил каждой из нас по баночке корнишонов. Упоительно вкусные! А на Хэллоуин мы каждый год ездим на ферму в пригороде Балтимора, где выращивают тыквы, и с собой берем все для пикника. Жду не дождусь! Мы всегда так хохочем! Да, мы презабавные тетеньки, уж я вам говорю! В нынешнем году собираемся купить тыквы помельче, с бейсбольный мяч, потому что Мими отыскала рецепт тыквенного супа, который подается в выдолбленной изнутри тыкве, это так красиво смотрится! Словно на картинке в

модном журнале!

Как она еще надеется побывать на пикнике за городом, не говоря уж о том, чтобы сварить суп, недоумевал Майка, но вслух он сказал:

— Меня-то угостите супом, Луэлла?

Она засмеялась и сказала:

— Посмотрим! Посмотрим, как будете себя вести.

И тут Майка включил дрель, но это не помешало ее болтовне. Когда он выключил дрель, речь вроде бы шла о травяных чаях.

— Говорят, лучше всего помогает ромашковый чай, — сказала Луэлла, и в первый момент Майка подумал, она говорит о средстве от рака, но оказалось — от бессонницы. — Надо выпить ромашку прямо перед тем, как укладываешься в постель, и сразу отключишься. Так я сказала Донни, я ему сказала: «Завари мне сегодня чашечку, давай проверим, как это подействует», потому что я уже все готова попробовать. Честное слово, все что угодно. Я с ума схожу от того, что не сплю! Ворочаюсь то на левый бок, то на правый, взбиваю подушки, прислушиваюсь к храпу Донни — он как будто дразнит меня. Как будто говорит: «Полюбуйся, как я замечательно сплю!» Но знаете что? Ни капельки этот чай не помог. Вкус как у

помоев, и к тому же никакой пользы. Прошлую ночь я так и лежала, так и лежала… А Донни храпел, что твоя моторная лодка. Честное слово, я начала сердиться. Так сердилась, как никогда в жизни, пожалуй. Наконец дотянулась до мужа и хорошенько толкнула его в плечо. «Что?» — вскинулся он. Даже немного испугался вроде как. «Не могу это вынести! — сказала я ему. — Мне нужно отдохнуть, говорю тебе, мне нужно отдохнуть. А ты знай себе храпишь. Я так сержусь, что готова *плюнуть*!»

Видимо, она не понимала, что вызывает у нее такую злость, и Майка не собирался ей объяснять. Он лишь сказал:

— Да, это гадство, когда не можешь уснуть. — И снова включил дрель.

На этот раз Луэлла замолчала и подождала, пока дрель стихнет. Когда он выключил инструмент, Луэлла сказала:

— Вчера мой врач сказал мне. Он сказал: «Послушайте, Луэлла, — сказал он, — вы же понимаете, что это неизлечимо, понимаете?» И я сказала: «Да, понимаю».

Майка опустил дрель и посмотрел на нее.

Она сказала:

— То есть не то чтобы я сердилась на Бога, это

не совсем так. Но я сержусь.

— Еще бы вы не сердились, — сказал Майка.

Ему стало стыдно за то, что он думал, будто она сама не догадывается.

* * *

Майка составил письмо всем жильцам и поставил в копию мистера Джерарда, чтобы тот видел, как Майка делает свое дело.

Уважаемые жильцы,

Вновь настал день сдавать макулатуру, и вновь я убедился, что некоторые забывают расплющивать коробки. Две большие коробки так и сохранили свою изначальную трехмерную форму. И, кстати говоря, на них наклеены бирки с адресами, так что я знаю, кто в этом виноват.

Это городской закон, ребята, это не моя прихоть. Департамент общественных работ требует, чтобы упаковки были расплющены перед сдачей в макулатуру. Постарайтесь уладить все до 6 вечера, чтобы мне не пришлось присылать к вам своего человека.

Ваш измученный

Майка

Он нажал «отправить», и шух — письмо улетело. Майка проверил время в верхнем правом углу монитора. 4:45. Кэсс уже закончила урок. Он вытащил телефон и набрал ее номер.

— Привет, Майка, — сказала она.

— Привет, — сказал он. — Добралась до дома?

— Только что вошла.

— Прекрасно! — сказал он. — Ну как, ты позвонила Нэн?

Он заранее себе напомнил спросить об этом, компенсировать пропущенные прежде моменты, когда следовало спросить. Он понимал, что был тогда не прав.

— Нет, — ответила она. — Вообще-то Нэн позвонила мне.

— Вот как?

— Она сказала, что они с Ричардом наконец назначили дату свадьбы, так что она откажется от квартиры.

— Отлично же! — сказал Майка.

— Угу, — ответила Кэсс.

Голос ее звучал сухо, он не мог сообразить почему.

— Ты же переоформишь аренду на себя. Верно? — уточнил он.

Кэсс ответила:

— А, да, — но так небрежно, словно это не она последние несколько дней с ума сходила из-за этой квартиры. И тут же сама задала вопрос: — А как твой гость?

— Бринк? Он ушел.

— То есть он больше у тебя не живет?

— Не-а, — сказал Майка. — По правде говоря, я чувствую себя малость виноватым.

— Что так?

— Ну, я практически его выгнал.

— Выгнал его?

— Выяснилось, он, не знаю, вроде как сбежал из дома, как-то так. Не желал сообщать матери, где находится, и у меня было такое ощущение, что он вовлек меня во все это. Я сказал ему, пусть либо свяжется с ней, либо уходит, одно из двух. И он ушел.

— Куда же он отправился?

— Понятия не имею, — сказал Майка. — Да и ладно! Хватит о нем. Я почему звоню — Ада пригласила нас на завтра на ужин. Вся семья соберется, чтобы познакомиться с девушкой, на которой Джой собирается жениться. Ты смо-

жешь?

— Ох… Нет, Майка, думаю, вряд ли.

— Думаешь, вряд ли?

Она минутку помолчала.

— Вообще-то говоря, — сказала она наконец, — я думаю, не пора ли нам расстаться.

Что-то стукнуло его в ту впадину, чуть пониже грудной клетки.

Он дважды спросил:

— Но почему? Почему?

— А ты как думаешь — почему? — откликнулась Кэсс. — Я испугалась, думала, останусь без квартиры. Позвонила тебе и рассказала, что вот-вот окажусь бездомной. И что? Разве ты предложил мне поселиться у тебя?

— У меня?

— Более того, — ровным тоном продолжала Кэсс, — как ты поступил? Быстренько пригласил первого попавшегося незнакомца и поместил его в единственной свободной комнате.

— Да бога ради! — взмолился Майка.

— Ладно, может, ты это неосознанно. Может, не дал себе труда подумать, зачем ты это делаешь. Но посмотри правде в глаза, Майка: ты уж постарался сделать так, чтобы я ни в коем случае не смогла переехать к тебе.

— Мне и в голову не приходило! Я знать не знал, что ты хотела бы съехаться! Так все из-за этого? Ты вдруг решила, что нам пора поменять правила?

— Нет, Майка, — сказала она. — Я хорошо знаю: ты такой, какой ты есть.

— А это еще что значит?

— Я просто говорю, что, возможно, ты — такой, какой ты есть, — не лучший выбор для меня.

Майка смолк.

— Ты понимаешь, почему я об этом задумалась? — спросила она.

— Ну, — сказал он, — какой смысл обсуждать, если ты так чувствуешь.

Снова молчание.

— Ну ладно. Тогда прощай, — сказала она.

И отключилась.

Майка сунул телефон в карман и некоторое время так и сидел, неподвижно, ничего не делая.

* * *

Злиться он начал вечером, когда вытаскивал контейнеры с мусором в проулок. Это же несправедливо! Нет, он вовсе не подстроил появление Бринка, ни сознательно, ни подсознательно! А даже если бы и подстроил, что меняется от того,

что парень занял свободную комнату? Кэсс бы все равно спала в комнате Майки. В его двуспальной кровати. Как всегда, когда оставалась на ночь! И к тому же, если она хотела съехаться, почему так прямо не сказала? С какой стати поспешила порвать с ним под первым же удобным предлогом? Выглядело это так, словно была какая-то еще причина, о которой Кэсс умалчивала. Не дала ему ни малейшего шанса для защиты.

Он терпеть не мог, когда женщины требовали, чтобы он читал у них в мыслях.

Нахмурившись, Майка уставился на контейнер 3А, переполненный прозрачными пластиковыми коробочками, которые департамент запрещал смешивать с мусором, предназначенным для переработки.

А познакомились они с Кэсс вот как.

Школа вызвала компьютерного мастера — произошло это декабрьским утром, несколько лет назад. Привилегированная школа Линчпин Элементери на Харфорд-роуд никак не могла наладить вайфай-соединение в двух классах, в одном из них как раз преподавала Кэсс.

Когда он постучал и она открыла дверь, Майка отметил, что учительница привлекательна — почти одного с ним роста, лицо открытое,

дружелюбное, — но на уме у него была задача установить привезенный с собой усилитель сигнала, так что он сразу же принялся обходить класс по периметру, время от времени останавливаясь и проверяя сигнал с помощью приложения в смартфоне. Тем временем Кэсс, то бишь мисс Слейд, стоя у своего стола, обсуждала что-то с двумя мальчуганами. Вернее, обсуждали что-то они, а она слушала, склонив задумчиво голову набок.

— Что ж, — услышал Майка наконец ее голос, — я понимаю, что вас беспокоит, однако мне кажется, вы не рассмотрели вопрос с обеих сторон.

Тут она резко хлопнула в ладоши, мальчики вздрогнули.

— Класс, — сказала она, возвысив голос, — минутку внимания, будьте добры!

Остальные дети, сидевшие за партами, перестали переговариваться и подняли головы.

Учительница продолжала:

— Трэвису и Конраду не нравится наш план рождественских выступлений. Они считают, что дом престарелых — это жуть.

— Там такая вонища, — пояснил то ли Трэвис, то ли Конрад.

— Они считают, что в доме престарелых плохо

пахнет, — перевела Кэсс.

— И старушки так и тянутся потрогать тебя своими скрюченными руками!

— В прошлом году, когда мы в третьем классе туда ходили, одна из них меня поцеловала! — подхватил второй мальчик.

До той минуты дети слушали молча, но тут некоторые откликнулись:

— Фу-у!

— Тем не менее, — звонким голосом объявила Кэсс, — я прошу вас посмотреть на это с другой стороны. Некоторые обитатели дома престарелых видят детей лишь раз в год, когда мы приходим спеть им рождественские гимны. Многих взрослых, с кем старики дружили, уже нет на свете. Их родители умерли, друзья умерли, супруги умерли — целый мир исчез. Обычно у них уже нет даже братьев и сестер. Они помнят, что с ними было, скажем, в девять лет — когда им было столько же, сколько сейчас вам, — но больше нет никого, кто бы это помнил. Разве это не грустно? Вы будете петь перед целой комнатой разбитых сердец. Прошу вас, подумайте об этом, прежде чем решите, что вам не хочется туда ехать.

Забавно — Майка был тронут, хотя, по его опыту, старики обычно бывали невыносимо

жизнерадостными. На детей же призыв Кэсс не произвел впечатления. Некоторые заспорили: «Они нас даже не слышат! У них такие слуховые аппараты, под цвет кожи!»; «А какая им радость видеть детей, которых они знать не знают?»

Кэсс снова хлопнула в ладоши.

— Ладно, ладно, остыньте, — сказала она. — Те, кому так уж не хочется, могут просто не ехать туда с нами, хорошо? Я договорюсь с мисс Найт, чтобы вас на это время пустили в библиотеку. Кто предпочитает библиотеку? Желающие есть? Есть желающие?

Но никто не отозвался, промолчали и Трэвис с Конрадом.

— Значит, решено, — подытожила учительница. Она повернулась и взяла со стола книгу: — Давайте-ка все откроем на странице восемьдесят шесть.

Дети зашуршали страницами, Трэвис и Конрад вернулись на свои места. Майка воткнул провод от усилителя в розетку, подождал, пока загорится оранжевый огонек. Разумеется, теперь полагалось рассказать Кэсс, как тут все работает. Дождавшись очередного затишья, пока маленькая девочка усердно решала у доски задачу, он поманил пальцем Кэсс, и та подошла к нему.

— Вот, — сказал он, приглушая голос. — Вот имя усилителя, с которого вы получаете вайфай. Видите? — Майка указал на экран своего телефона. — Пароль прежний, но имя теперь с расширением.

Кэсс кивнула, не сводя глаз с экрана мобильника. От нее пахло зубной пастой.

— А вы кино любите? — ни с того ни с сего спросил он.

Она глянула на него удивленно.

— Просто подумал, может, захотите сходить со мной в «Чарльз», — объяснил он.

(В «Чарльзе» показывали фильмы приличного уровня, не тупые комедии или стрелялки.)

— В смысле, если вы не замужем или еще что.

— Нет, — сказала она.

Едва это слово вылетело из ее уст, Майка смирился с поражением. Но она уточнила:

— Я не замужем.

Секунду она всматривалась в его лицо, словно пытаясь что-то понять насчет Майки. Майка выпрямился и втянул живот.

— И в кино ходить я люблю, — сказала она. — То есть в зависимости от того, что показывают.

— Это здорово, — сказал он и не удержался — расплылся в улыбке.

Та ее речь — вот что его покорило. «Будете петь перед целой комнатой разбитых сердец». Ему понравилось, какие она подобрала слова.

А теперь — вон что.

Ни один ни другой нарушитель правил сдачи макулатуры не вышел и не расплющил свои упаковки. Ни Эд Аллен из 1А, ни мистер Лейн из 2В — оба вне закона. Майка положил первую коробку на бок и наступил на нее. Не стал ее распрямлять, наступал и давил, пока она не поддалась. Топтал ее, топтал, топтал.

4

Семейство Ады жило в Хемпдене. Дома в их квартале были маленькие, простенькие, но ухоженные на славу, потому что здесь селились в основном плотники, слесари и так далее, и у этих людей были определенные требования к жилью. К сожалению, соседние улицы постепенно заполнялись новыми ресторанами и выпендрежными бутиками, отчего в районе начались проблемы с проездом и парковкой. Майке пришлось искать место, и в итоге он остановился неидеально — его бампер чуточку высовывался в проулок. Вот почему к дому он подошел слегка обеспокоенный.

Двор был размером с два придверных коврика, если один положить справа, а другой слева от дорожки, но муж Ады тщательно ухаживал за своими владениями — ровная, словно сбритая, трава, ни одного осеннего листа в стеклопластиковой птичьей купальне. Но Ада, как и все сестры Майки, относилась к беспорядку с безграничной терпимостью. По пути к крыльцу пришлось перешагнуть через скейтборд и чашку-непроливайку, а на ступеньках, помимо привычных колясок и

трехколесных велосипедов, обнаружились пара снегоступов, валяющихся с прошлой зимы, бумажный пакет с вешалками для одежды и чья-то тарелка с выжатой половинкой грейпфрута.

В холле (куда он вошел без стука, здесь никто не стучал, да его и не услышали бы в таком шуме) на полу валялось столько кроссовок, что чужак подумал бы, что тут принято разуваться при входе и дальше идти босиком, — но это было вовсе не так. На приставном столике красного дерева рядом с лампой красовались секатор и флакон лака для ногтей. В гостиной наверняка царил такой же беспорядок, но сразу его было не разглядеть, потому что все заполняли гости. Сестры-близнецы Лиз и Норма (ничего общего, одна толстая, другая худышка) ворковали над самым юным из внуков Ады, муж Лиз Кеджер, стоя у окна, беседовал по мобильному телефону, на диване впритык друг к другу сидели подростки и смотрели какую-то игру на гигантском плоском экране. Майка не разглядел ни Джоя, ни девушку, которую можно было бы принять за будущую невесту, — вероятно, они затерялись в толпе. Обычная сумятица: шумные, веселые, растрепанные люди в ярких одежках несочетающихся цветов, собаки лают, младенец плачет, телевизор орет, миски с чипса-

ми и прочими закусками уже подчистили.

Муж Ады первым заметил Майку. Это был коренастый седой мужчина, на круглом животе плотно натягивался джинсовый фартук. Он вышел в столовую с лопаточкой длиной в полметра.

— Братан! — крикнул он во весь голос. — Наконец-то явился.

За ним по пятам появилась Ада, тоже крепко сбитая, в завитках крашеных рыжих волос, с яркой помадой на губах, в руках — большая бутыль шардоне.

— Привет, дорогуша! — сказала она. — А где Кэсс?

— Она… у нее были другие планы, — сказал он.

— Ну что поделать. Выпьешь вина?

— Раздобуду пива, — сказал он. — Где счастливая парочка?

Она обернулась, прочесала взглядом толпу.

— Джой, наверное, вышел во двор, — сказала она. — А, вот же Лили! Иди сюда, солнышко!

Она обращалась к очень юной и бледной светловолосой девушке, которую Майка поначалу и не приметил.

— Познакомься с моим младшим братиком Майкой.

— Добрый вечер, — сказала Лили и подошла, добросовестно протягивая руку, словно ребенок, обученный хорошим манерам.

— Привет, Лили, — сказал Майка.

Ручка у нее была маленькая, очень холодная. Она носила очки в пластиковой оправе — «кошачьи глаза», — и вся была обвешана бижутерией: серьги-подвески, пряжки с хрусталем, дважды обмотанные вокруг шеи бусы и большая овальная брошь, все того или иного оттенка синего, под цвет выходного синего платья. Майка подумал: похоже, она впервые оказалась вот так, одна среди взрослых.

— Лили работает в «Бакалейном рае», — сообщила Ада. — Знаешь этот магазин на Белэйр-роуд?

— Ага, — сказал Майка.

— Органическая еда, — веско заявил Фил. — Хиппи любят. Гранола.

— Вы у нас бывали? — спросила Майку Лили.

— Я? Нет. Мне не по дороге.

— Что ж, если заглянете, я за той стойкой, где консультируют покупателей.

— И там вы и познакомились с Джоем?

— Да. Джой немного поработал в отделе продуктов, но, думаю, менеджмент продуктов — не

его стезя.

— Я задержался там ровно настолько, чтобы пригласить Лили съесть по бургеру, — сказал Джой, возникший рядом с невестой. Он обхватил ее за плечи и спросил Майку: — Ну что, умею я выбирать?

— Ты счастливчик, спору нет, — ответил Майка. Он подумал: Джой — круглолицый, розовощекий, в тренировочном костюме и лиловых кроксах, одет совсем не так тщательно, как Лили, словно они шли в разные компании. Но она улыбалась ему с обожанием, когда он притянул ее к себе.

— Дядя Майка айтишник, — сообщил Джой невесте. — У него собственная фирма и все такое.

— Джой, лапонька, ты бы тоже смог! — воскликнула Лили.

Что означало: Джой все еще не подобрал работу себе по душе, и это несколько пугало, раз он надумал жениться. Но Джой самоуверенно улыбнулся и ответил:

— Конечно, я тоже так могу.

Кто-то сунул Майке в руку банку холодного пива — Сьюз, самая младшая, с ней он был ближе, чем с другими сестрами.

— Кэсс не привез? — спросила она.

— Она чем-то занята, — сказал Майка. А затем,

чтобы уж покончить с этим, добавил: — На самом деле мы, похоже, разошлись.

— Разошлись! — повторила Сьюз.

Это слово как будто проткнуло пузырь. Все как по волшебству замолчали и оглянулись на Майку.

— Но мы любили Кэсс! — возмутилась Ада. — Ты никогда, никогда не найдешь никого, кто бы тебе так подходил, как она.

— Спасибо, утешила так утешила, — сказал Майка.

— Черт, я хотел познакомить с ней Лили, — пробурчал Джой и, обернувшись к Лили, добавил: — Ты бы от нее офонарела.

— Да ладно вам, — сказал Майка. — Обычное дело.

Комментатор в телевизоре сообщал о замене: «Вместо получившего травму Хокинса выходит Кратовски», но подростки на диване смотрели уже не на экран, а на Майку. Одна из девиц — Эми, дочь Нормы, — сказала:

— Она обещала помочь мне с заявлением в университет!

— Ты поступаешь в университет? — спросил Майка.

Это не сработало. Все продолжали таращиться

на Майку.

— Может, попробуешь ее вернуть? — спросила Ада. (Разумеется, она сразу же решила, что инициатива разрыва принадлежит Кэсс.)

И Фил присоветовал:

— Скажи, что исправишься.

— Исправлюсь в чем? — уточнил Майка.

В ответ они все заржали — непонятно почему. И Лили, конечно, тоже недоумевала. Поглядывала на него, на остальных, снова на него. Джой решил ей объяснить:

— Дядя Майка немного… педант.

— Я не педант, — возмутился Майка.

— Какой сегодня день, Майка? — окликнул его муж Сьюз из коридора. На плечах у него сидела маленькая девочка, оборка ее юбки охватывала его шею, словно жабо эпохи Елизаветы.

— В смысле, какой день? Четверг.

— День, когда ты пылесосишь? Или день вытирания пыли? Или день чистки плинтусов ватными палочками?

— Дэйв, отцепись от него, — попросила Сьюз.

— Да ему пофиг! День мытья окон?

— Ну вообще-то, — нехотя ответил Майка, — сегодня день кухни.

— День кухни! Ха! Ты отводишь целый день

на кухню?

— Да.

— И что именно ты делаешь в этот день?

— Бога ради, Дэйв! — вмешалась Ада. Она обняла Майку за талию, словно пытаясь его защитить.

— А что такое? — удивился Дэйв. — Я всего-навсего пытаюсь разобраться. Что он там делает по четвергам в кухне? Когда мы приходим в гости, у него с пола есть можно!

— Это не день помывки полов, — уточнил Майка. — Это день кухни. В день кухни я мою рабочие поверхности и кухонные приборы и так далее. И один шкафчик полностью.

— Один шкафчик?

— По очереди.

Все опять засмеялись, а Майка скорчил преувеличенно свирепую гримасу. Он толком не понимал, почему мирится с их подначками. И даже, кто-нибудь мог сказать, подыгрывает им.

— Не обращай внимания, Майка, — сказала Сьюз. — Сделаем вид, будто мой муж кое-что смыслит в хороших манерах. Дразнить человека, которого только что бросила подружка! Ада, горячее, наверное, готово? Идемте ужинать!

— Прошу всех в столовую, — подхватила Ада,

убрала руку с талии Майки и повернулась, чтобы возглавить процессию. — Когда Робби понадобилась помощь с чтением, — проговорила она, обращаясь к Лили, — Робин — это старшенький Нэнси, мой внук, — Кэсс сразу взялась за дело. Она ведь учительница. Мы боялись, что у Робби проблемы с обучаемостью, но Кэсс была с ним так терпелива! Оказалось, только это и требовалось! О, мы все о ней самого лучшего мнения!

Вдруг Майка почувствовал, как злится. Кэсс вовсе не была идеальной, что это они выдумали! Могла бы так прямо и выложить все ему, если ее что-то тревожило, а не вынашивать молча обиду, пока не дошло до разрыва. Да и в любом случае — должны же родственники быть на его стороне?

В столовой приставной стол ломился от угощений — фирменные свиные ребрышки на гриле от Фила и макароны с сыром и тушеные кабачки и фасоль в горшочках. (Тут же фонарик, журнал «Пипл» и ваза с засохшими хризантемами, но не беда.) Основной стол был пуст, за исключением сетки для игры в пинг-понг, которую не снимали вот уже года два или три — достаточно давно, чтобы все перестали ее замечать. Места заранее не распределяли: по традиции молодежь ела в гостиной, а взрослые как придется устраивались

вокруг стола на разномастных стульях, табуретках и скамейках.

— Лили, дорогая моя, садись во главе, вместе с Джоем, хорошо? — сказала Ада. — Джой? Где Джой? Иди сюда, Джой! (Парень уже собрался уйти в гостиную вместе с прочей молодежью.) Садись рядом с Лили, ты меня слышишь?

Майка прихватил тарелку и приборы и сел сбоку, посреди пока еще пустого ряда. Вилку и нож пристроил слева, потому что его правый локоть упирался в сетку для пинг-понга.

— Когда намечаете свадьбу? — спросил он Лили.

— Ну, я предлагала Рождество, — ответила девушка, — но Джой не хочет объединять свадьбу с другими праздниками.

— Я считаю, мы заслужили отдельные выходные, — пояснил Джой. — Одни выходные на Рождество, другие на свадьбу.

— Выходные где? — спросил Майка.

— А?

— Где ты сейчас работаешь?

— Я сейчас не работаю. Пока что осматриваюсь по сторонам, — бодро отвечал Джой. — Но к Рождеству-то я буду работать.

— Если бы мы устроили свадьбу на Рождество,

можно было бы использовать красный и зеленый цвет в нарядах, — сказала Ада. — Я устраиваю девичник, — пояснила она Майке. — Близняшки помогают. Нынче девичники смешанные, знаешь? Так что ты тоже приходи.

— Э, ну…

— Помнишь, Ада? — крикнула Сьюз с другого конца стола. — Помнишь мой девичник?

Все захохотали, Ада поморщилась.

— Тогда тема была — День независимости, — объяснила она Лили. — Петарды в вазах, петарды на тортах. И тут искра падает на салфетку, возникает ма-а-аленький огонек, срабатывает пожарная сигнализация — и является пожарная команда. Но мы-то отключили сигнализацию — вернее, думали, что у нас получилось. Так что мы решили, что это не пожарные, а стриптизеры в костюмах пожарных, и одна из девиц завопила: «Снимайте, снимайте все» — думала, их нанял для нас кто-то из парней, но тут пожарные сказали: «Извините, дамочки, жаль вас разочаровывать…»

— На совместном девичнике такое не могло бы произойти, — вставила ее невестка.

Лили это вроде бы немного успокоило.

— Цвета, само собой, подобрали патриотиче-

ские, — подхватила воспоминания Норма. — Да, милый? — крикнула она через стол мужу. — Грант тогда работал в «Риде», — объяснила она Лили. — Он добыл нам красно-бело-синие гирлянды со скидкой.

— А Лиз явилась в шортах, потому что решила, будет что-то вроде пикника на Четвертое июля, — продолжала Ада. — А это был вовсе не пикник! Все нарядные. До ушей разодетые девицы на дорожке. И когда она это увидела, она достала клетчатую юбку из мешка, который получила в химчистке и оставила в машине, и вошла в зал, держа юбку перед собой, а сзади торчали ноги.

Все снова засмеялись, Лили тоже попыталась улыбнуться.

— Отличная свинина, Фил, — сказал Майка, прикидывая, дадут ли ему с собой остатки.

— Спасибо на добром слове, — сказал Фил. — Я жарил на этих новых брикетах, которые стали продавать в «Хоум Депо». Не так уж дешево — четырнадцать девяносто девять за маленький…

Эта тема интересовала мужчин, но не женщин — те отвернулись и принялись болтать между собой. Четыре сестры — все как на подбор официантки — дружно поднялись, чтобы подлить гостям в стаканы и предложить добавку. Они об-

ходили большой стол по кругу, прихватив миски с приставного стола.

— Дети! — крикнула одна в проем гостиной. — Кому-нибудь что-нибудь?

Парочка младенцев выползла из гостиной и устроилась на коленях у матерей.

— Кто-то пропустил сегодня дневной сон, — пояснила чья-то невестка мужу, переговариваясь над поникшей головой малыша.

Тем временем сестры вопрошали: «Кому сладкое?» и «Кто-нибудь любит хорошую прожарку?» Над левым плечом Майки появились длинные щипцы и уронили на его тарелку очередной кусок свинины.

Кем же еще быть его сестрам, если не официантками, всегда думал Майка. В ресторанах царит та же атмосфера надвигающейся катастрофы, как у них дома, — гремят кастрюли, дребезжит стекло, все орут: «С дороги», «Береги голову» и «Помогите! Я запутался!» Обстановка практически как на поле боя.

Кеджер, сидевший напротив Майки, прокашлялся.

— Есть дело, Майки, — сказал он.

Майка посолил свинину.

— Майки?

Майка отрезал кусочек и проткнул его вилкой.

— Кеджер к тебе обращается, Майка, — сказала Ада.

Он поднял голову.

— Да? — спросил он. — Странно, я не слышал, чтобы прозвучало мое имя.

— Майка! — исправился Кеджер.

— Да, Кеджер? — откликнулся Майка.

— Подумываю купить новый компьютер. Надо бы задать тебе пару вопросов.

Все мужчины обернулись к Майке. Они обожали поговорить про технику. Даже больше, чем рассказывать друг другу, кто какой дорогой ездит.

— Лучше ведь купить «Мак»? Я так понимаю, что он лучше. Но я ни черта не смыслю в них! Даже не знаю, какую модель брать.

— С этим я могу помочь, — сказал Майка и положил кусок мяса в рот.

— Поможешь?

Майка тщательно жевал.

— У тебя каталог есть или что-то вроде?

— Схожу с тобой в магазин «Эппл» и покажу, что там есть, — проглотив кусок, сказал Майка. — С клиентами я обычно делаю так.

— Было бы здорово, — сказал Кеджер. — Конеч-

но, я готов заплатить, ты же время потратишь, — не слишком убедительно добавил он.

— Не-а, — сказал Майка.

Он давно смирился и помогал членам семьи даром. В каком-то смысле это облегчало ему жизнь — у родных не было оснований считать его совсем уж чудиком. Облегчало, но не избавляло полностью от их придирок — как раз в тот момент, когда казалось, что сестры уже забыли про Кэсс, Лиз вернулась к этой теме.

— Я еще почему считала, что Кэсс тебе под пару, — сказала она, усаживаясь на свое место. — Она тоже самую малость педантична.

— Верно, — подтвердила Ада, — ей всегда подавай сумочку точно под цвет обуви.

— Разве это педантизм? — удивился Майка.

— Ага! Вот видишь! Ты за нее заступаешься!

— Я не…

— А еще, — добавила Лиз, — она почти никогда не бывает в гостях у брата в Калифорнии, потому что там время сдвинуто на три часа, а она терпеть не может ложиться спать позже, чем привыкла.

— И после этого она бросила Майку лишь потому, что он моет кухню по четвергам? — спросила Ада.

— Она вовсе не поэтому меня бросила! — сказал

Майка.

— А почему же?

Все ждали ответа. Даже мужчины заинтересовались.

— Ну, насколько я сумел понять, — сказал Майка, — она разозлилась, потому что я позволил парнеку переночевать у меня в гостевой комнате.

— Что? Какому парнеку?

— Сыну моей когдатошней девушки, — пояснил Майка.

— Какой еще когдатошней девушки?

— Э… ну вы помните Лорну.

— Лорну Бартелл?

Майка так и не привык к тому, что его сестры впитывают все подробности о каждом человеке, с которым познакомятся. Неужели им не приходится время от времени очищать память, сбрасывать что-то в корзину, так сказать? Двадцать с лишним лет прошло с тех пор, как они в последний раз видели Лорну, да и видели-то они ее один раз, максимум два, когда он привез ее на День благодарения, но все четыре сестры настороженно выпрямились, и Сьюз спросила:

— Лорна, которая изменила тебе, когда ты был на втором курсе? Та самая Лорна? Как она смеет

посылать теперь к тебе своего сына?

— Она не… да тише вы! — вклинился Майка. Зря он вообще упомянул ее. — Лорна ничего об этом не знает. Парень просто, типа, прогуливал универ, что-то в этом роде, ему нужно было где-то переночевать. И я сказал ему — окей. Лорна понятия не имеет! На самом деле она каждые пять минут посылала ему эсэмэски, все спрашивала, куда он подевался.

Повисло молчание. В кои-то веки даже его сестры не нашлись что сказать.

— Так, — заговорила наконец Сьюз. — Так, давай посмотрим, правильно ли я тебя поняла. Кэсс порвала с тобой, потому что ты предоставил на ночь гостевую комнату сыну бывшей подружки, с которой ты давно не встречаешься и даже не переписывался после университета?

— Нет, просто потому, что я пустил чужого человека в гостевую, все равно кого. Дело не в том, чей он сын.

— Поспорим? — предложила Лиз.

— Честное слово, она и не знала про его мать.

Они все уставились на него — недоверчиво, с сомнением.

— Понимаете, Кэсс боялась, что ее выставят из квартиры, — выложил наконец Майка все как бы-

ло. — В итоге обошлось, но поначалу она думала, что того и гляди окажется на улице. И почему-то она вбила себе в голову, что я, как только узнал об этом, быстренько засунул этого паренька к себе в гостевую, чтобы помешать ей переехать ко мне.

— Глупость какая-то, — заметила Ада, кое-как переварив информацию.

— Точно. Ну вот, теперь вы все знаете, — сказал Майка. — Она сделала оговорку, мол, окей, возможно, я руководствовался подсознательным мотивом, и все же.

— Подсознательным! Терпеть не могу это слово, — сообщил своякам Фил.

— Ага, психодурь! — согласился с ним Кеджер.

— И парень же спал в гостевой! — добавил Майка. — Она-то, если б и поселилась, то не там! Гостевая комната никакого отношения не имеет к тому, может она въехать ко мне или нет.

— Да все это сплошная бессмыслица, — поддержал его Фил, сыто покачиваясь на стуле.

— И к тому же, — продолжал Майка, — а как она объяснит тот факт, что утром я паренька выгнал, а? Если бы ее в самом деле выселили из квартиры, его бы уже у меня не было к тому времени, как ей понадобилось бы въехать. Как насчет этого, я вас спрашиваю?

— Ты его выгнал? — спросила Лиз.

— Ну, так вышло.

— Как именно?

— Я сказал ему, чтобы дал матери знать, где он и что с ним. Она все названивала, посылала эсэмэски, одну за другой, спрашивала, все ли с ним в порядке. Получилось, что в это и я вроде как вовлечен. И когда он отказался отвечать, я велел ему уйти.

— Ох, как жестоко не сообщить о себе матери! — возмутилась Норма.

Ада принялась убирать со стола, профессионально пристраивая тарелки на вытянутую руку. Собрав посуду, она вышла в кухню, но сестер рассказанная Майкой история так захватила, что они не спешили помочь.

— Я всегда считала эту Лорну такой мелюзгой — совсем не для тебя, — сообщила Лиз. — Но все равно она вправе знать, где ее сын.

— А Бринк считает иначе, — сказал Майка. — И он попросту поднялся и ушел.

— Его зовут Бринк?

— Ага.

— Небось в лакросс играет? — вставил свое слово Кеджер.

— Ага.

Кеджер удовлетворенно кивнул.

— Мажор, — пояснил он Филу. — Из тех, которые мокасины на босу ногу носят.

— Вообще-то он был не в мокасинах…

— И что ты сделал? — спросила Ада, вернувшись из кухни.

— Я что сделал?

— Ты сообщил его маме, где он?

— Нет.

— А почему нет?

— Во-первых, я же не знаю, где он сейчас. А во-вторых, понятия не имею, как связаться с ней.

Ада забрала его тарелку, но осталась стоять рядом, хмуро взирая на него.

— Мы же современные люди! — заявила она.

— И что это значит?

— Она живет здесь, в Балтиморе?

— Нет. Она, как выяснилось, в Вашингтоне.

— Так что с того? Поищи ее номер в справочнике.

— Я не хочу ей звонить! Мы давно совершенно чужие люди.

— Как, говоришь, ее фамилия? Бартелл? — спросил Фил. — Она девичью фамилию сохранила? — Он вытащил смартфон и принялся тыкать в него пальцем.

— Люди давно уже не помещают свои телефоны в справочники, — известил его Майка.

— В фейсбуке она есть?

— Думаю, у нее ума хватает туда не лезть.

— Как ты можешь такое говорить? — возмутилась Сьюз. — Не будь я на фейсбуке, понятия бы не имела, что поделывают мои школьные подруги.

— А тебе интересно, что поделывают твои школьные подруги? — спросил Майка.

Юный сын Лиз, Карл, с гипсом на левой руке, появился в проеме между гостиной и столовой.

— Когда сладкое? — спросил он.

— Когда в гостиной не останется грязных тарелок, — ответила ему Лиз.

— А что на сладкое?

— Торт «подожди — увидишь».

— Уф, мама… — И он убрел обратно в гостиную.

— Откуда гипс? — поинтересовался Майка, но никто не ответил. Ада понесла в кухню очередную партию тарелок, а Фил, все еще искавший что-то в смартфоне, спросил:

— Не знаешь часом, Лорна работает? Было бы проще искать по работодателю.

— Какой смысл звонить ей теперь — сказать, что я не знаю, куда пошел ее сын? — огрызнулся

Майка.

— Но ты хотя бы знаешь, что он жив, — вмешалась Лиз. — Знаешь, что он путешествует добровольно. Лорна, быть может, думает, что его похитили! О нет, ни одна мать не должна так страдать, даже Лорна Бартелл! Сидит, беспомощная, и гадает, не лежит ли ее ребенок мертвый где-нибудь на обочине.

— Он уже не совсем ребенок, — уперся Майка. И повторил прежний вопрос: — Почему у Карла рука в гипсе?

— Потому что он идиот, — ответила Лиз и наконец-то встала, чтобы собрать тарелки из-под закусок. Прихватила кастрюльку, прижала ее к животу и сказала: — Они с приятелями, так я поняла, везли матрас в комнату к одному из ребят. Понятия не имею, зачем им понадобился чей-то драный матрас, вернее, не хочу это знать, но, так или иначе, они засунули матрас в грузовик, старший брат одного из них сел за руль, а все остальные, и Карл в том числе, набились в легковушку и поехали следом. И вдруг веревки лопнули, матрас выскользнул из кузова грузовика на шоссе, их машина наехала прямо на матрас, а потом как-то, я уж не знаю…

— Потеряла сцепление, — вставил Карл, воз-

вращаясь на то место в дверном проеме. На этот раз он принес тарелку. — Машина заскользила по дороге прямо на матрасе, а потом Игги, он у нас был за рулем, Игги дал по газам, и машина прямо бам! Рванула вперед, а матрас отбросило назад, когда мы вот так вмиг набрали скорость. Жаль, тебя там не было, дядя Майка!

— Нет, ему там совершенно нечего было делать. Да и тебе тоже! — ответила Лиз. — Как ты еще жив остался…

— Так, но гипс все-таки откуда? — спросил Майка.

— Нас там на заднем сиденье столько набилось, — сказал Карл, — что не всем хватило ремней безопасности, понимаешь…

— Слушать ничего не желаю! — перебила его Лиз. — И думать об этом не хочу! Не смейте об этом заговаривать при мне — никогда, никогда! — И она выскочила на кухню, прижимая к себе кастрюльку.

— Хорошо, ма. Господи боже! — буркнул Карл. Подмигнул Майке и поплелся следом с тарелкой.

— Вот так вот! — жизнерадостно подытожила Сьюз. Единственная из сестер она не суетилась, осталась сидеть на своем месте и через стол приветливо, во весь рот, улыбалась Лили. — Уж не

знаю, что ты о нас подумаешь, Лили, после всех наших сумасшедших семейных историй.

Ах да, Лили. Про нее-то и забыли. Но девушка охотно улыбнулась в ответ и сказала:

— Ничего не имею против. — Она густо покраснела, оказавшись, пусть и ненадолго, в центре общего внимания. — Боюсь только, я вряд ли запомню вас всех сразу по именам, — призналась она.

— Конечно, на это требуется время, — согласился Дэйв. — Особенно с сестричками разобраться. Я тебе подскажу способ: по цвету волос. Ада — крашеная рыжая, Лиз и Норма — крашеные блондинки, и Норма, она, хм, не та, которая более худая. А Сьюз, — он ухмыльнулся жене, — Сьюз о натурель, — старательно выговорил он французское выражение, но все равно у него вышло «о натураль».

— У меня терпения нет краситься, — пояснила Сьюз, обращаясь к Лили. — Стоит начать — и уже не бросишь. С какой стати я буду проводить свою жизнь в салоне красоты? Уж не говоря о расходах.

— Да-да, я вас понимаю. — Лили усиленно закивала.

Ей-то краситься ни к чему. Волосы как мягкая

упаковочная стружка.

— А Майка — это единственный брат, — терпеливо продолжал Дэйв.

— О, Майку я запомню! — сказала Лили.

Все засмеялись.

— Видал? — сказал Фил Майке. — Ты у нас живая легенда.

— Что тут поделаешь? — вздохнул Майка. — Я выделяюсь в любой компании, так уж тому и быть.

— Не суди его слишком сурово, — сказал Фил Лили. — Он в семье младшенький. Мы с Адой были уже помолвлены, когда он родился, и даже Сьюз уже перешла в среднюю школу. Вот он и пытается вести себя словно старикан, чтобы нас догнать. Такой старый, необщительный, капризный.

— О, он куда более общителен, чем мой старший брат, — сказала Лили.

— У тебя есть брат? — спросила Сьюз.

— Да, Рэймонд, он старше на два года. У него свой бизнес, портативные туалеты, называется «Уникальные унитазы», и он только про это способен думать. Ни девушек, ни друзей… Правда, зарабатывает он много.

— Это же прекрасно, — сказала Сьюз, но, судя

по ее тону, особо не прислушивалась к словам Лили. Как большинство семей, Мортимеры были уверены, что их семья куда более удивительная и странная, чем все прочие. Отчасти в это верил даже Майка, хоть и притворялся, будто не верит.

— Та-дам! — провозгласила Ада. Она стояла на стыке кухни и столовой, вздымая ввысь огромное блюдо, содержимое которого полностью скрывала гора взбитых сливок.

За спиной у нее появились близняшки с тарелками для десерта, и из гостиной хлынули малыши и дети постарше.

— Сфотографируй на память, Фил! — потребовала Ада. Она гордилась своими десертами. — Вилки у всех остались?

Как выяснилось, вилок не осталось ни у кого. Норма была отряжена за ними.

— К тому же, — продолжала свой рассказ Лили, — Рэймонд даже и не сообразит, что надо бы убраться в кухне, можете мне поверить.

Сьюз, к которой она обращалась, казалась сбитой с толку (разговоры у Мортимеров не текли плавно, а взрывались фонтаном там и сям, и она не привыкла поддерживать одну и ту же тему). Наконец Сьюз сообразила:

— Ах да, ваш брат.

— Рэймонд даже стирку не освоил, — сказала Лили. — Приносит все грязное маме постирать.

— Зато Майка стирает каждый понедельник в восемь двадцать пять утра, — подколол Дэйв.

Это даже отдаленно не соответствовало истине, но Майка не стал спорить, лишь приподнял руки в знак капитуляции, когда все захихикали.

— Ты бы так же себя вел, — сказал он Дэйву, — если б вырос в доме, где кошка запросто могла улечься спать в сковородке.

— В сковородке! — изумился Дэйв, хотя уж тут для него неожиданностей не было: он вошел в семью еще в ту пору, когда родители Майки были живы.

— И у нас не было буфета для продуктов и серванта для посуды, а были просто шкафы для всего, — продолжал Майка, обращаясь к Лили. — Любую вещь засовывали куда влезет или же оставляли лежать наверху. Ужинать садились то в пять часов, то в восемь, то вообще не ужинали. Грязная посуда копилась в раковине, пока оставалось хоть сколько-то чистой. Хочешь на завтрак хлопья с молоком — сначала сполосни под краном чужую использованную тарелку.

— У Майки было такое тяжелое детство, — пробормотала Норма.

— Я не говорю, что у меня было тяжелое детство. Детство у меня было хорошее. Папа и мама прекрасные. Я просто говорю — если растешь в таком хаосе, то даешь себе зарок делать все по-другому, когда начнешь жить отдельно.

— А как же я? — спросила Ада.

— Ты?

Сестра подхватывала ложкой десерт и плюхала его на тарелки. Остановилась, слизнула с большого пальца крем и пояснила:

— Я ведь тоже росла в хаосе, так? Близняшки и Сьюз росли в хаосе. И ни одна из нас не суетится из-за беспорядка.

— Это уж точно, — сказал Майка. (Стол для закусок был усыпан лепестками увядших хризантем. На полу возле входа в кухню валялся комикс, почему-то насквозь промокший.)

— Одни дети растут в беспорядке, — сказала Ада, — и говорят себе: когда вырасту, буду опрятнее самого Господа Бога. Другие растут в беспорядке и говорят: похоже, вся жизнь — сплошной беспорядок, так уж оно устроено. В общем, от воспитания ничего не зависит.

— Гены, — вставила свое слово Лиз. — Помнишь, каким был дедушка Мортимер?

— О да. — Норма покачала головой.

— Майка его в жизни не видел, — пояснила Лиз специально для Лили, — но все равно унаследовал его гены. Единственный из нас. У дедушки все было по правилам! Каждая мелочь на своем месте! Ящик для носков — что твоя коробка конфет, каждая пара свернута и поставлена вертикально. Газету он читал последовательно, сначала первый раздел, потом второй, а закончив, складывал ее ровнехонько. Боже упаси кого-нибудь взять в руки газету до него! Он рисовал вывески, и все краски и чернила лежали у него по цветам в алфавитном порядке. Особенно «Б» мне запомнились, их было так много. Бежевый, белый, бирюзовый, бордо… А что потом?

— Бургундский, кажется, — подсказала ему Норма.

— Что в этом такого странного? — спросил Майка. — А как еще организовать?

— Я бы положилась на здравый смысл, — ответила Лиз. — Бирюзовый — где у меня бирюзовый? Помнится, в последний раз я брала его вчера, когда писала объявление «Сдается в аренду».

Майка легко мог вообразить, как выглядело бы рабочее место Лиз — банки и бутылочки краски, чередующиеся случайным образом, а между ними засохшие кисти, чашки из-под кофе, счет

за кабельное телевидение, собачий поводок и недоеденный рогалик.

— Я что пытаюсь сказать, — вернулась к своей мысли Ада, — суть не в том, склонен человек к аккуратности или нет, а в том, готов ли он смириться с тем, как обстоят дела на этом свете. Мы, смирившиеся, говорим: «Так оно устроено, и все тут».

— По-моему, это слегка обескураживает, — сказал Майка. — В чем смысл жизни, если не пытаться что-то улучшить?

Ада пожала плечами и сунула ребенку тарелку со сладким.

— Тут ты меня подловил, — сказала она.

* * *

По традиции после семейных ужинов убирали мужчины. Майке поручалось загружать посуду в посудомойку, потому что у него была своя система. Фил чистил гриль, Дэйв и Грант выносили из столовой все, что там оставалось. Кеджер просто болтался под ногами. Теоретически, сыновья и зятья тоже должны были участвовать, но вскоре возникла такая толчея, что они перебрались на задний двор играть в мяч.

Но даже когда мужчины закончили работу,

кухня была далека от состояния, которое Майка признал бы удовлетворительным. Повсюду валялись фломастеры, детальки «лего» и блокноты, а у духовки почему-то не закрывалась дверца.

Что ж, ладно, он постарается смириться.

В гостиной он застал женщин, распростертых в утомленных позах. Несколько малышей строили на коврике перед ними гоночную трассу. Одна невестка уснула в шезлонге, но дитя у нее на коленях бодрствовало и жевало резиновый бублик, сжимая его обеими руками, Майка попытался сделать малышке козу, но малышка глянула на него сурово и продолжала жевать.

— Садись, — позвала его Ада. — Подвинься, Лиз, дай ему сесть.

— Не, я пойду, — сказал Майка.

— Куда спешить? Еще рано. Какие у тебя срочные дела дома?

— О! — протянула Лиз, и, словно по сигналу, все женщины выпрямились и насторожились. — И правда, куда тебе спешить? Некуда! Пустой дом. Как ужасно, что Кэсс порвала с тобой!

— Знаешь, так бывает, — сказал Майка.

Вмешалась Сьюз:

— Ты ведь можешь ее убедить? Попросить подумать хорошенько? Найди что сказать ей, чтобы

она вернулась!

— Да-да, я подумаю, — уклончиво сказал Майка. — Что ж, Ада, спасибо. Великолепный ужин. Передай Лили, что я рад был познакомиться. И, Лиз, пусть Кеджер позвонит мне, когда соберется смотреть компьютеры.

Говоря это, он уже пробирался в коридор, стараясь не наступить на детали гоночной трассы и на самих строителей.

— Может, мне стоит позвонить Кэсс? — крикнула ему вслед Сьюз.

А Норма добавила:

— Ты же не хочешь превратиться в замшелого старого холостяка!

Он вышел на крыльцо, в морозный, пропахший дымом сумрак, где слышались лишь отдаленные звуки. Распрямив плечи, Майка сделал долгий, глубокий вдох.

Ему вполне по душе были его родичи, но порой от них можно было рехнуться.

* * *

По дороге домой он услышал звяканье входящей эсэмэски. Проверять телефон за рулем, разумеется, не стал. Проехал еще несколько кварталов на восток, свернул налево… и стал

притормаживать, пока почти не остановился.

Это не мог быть никто из родных, точно. И не клиент, в такой час. Майка съехал на обочину и наконец остановился. До той минуты он так и не вынул телефон из кармана («Молодец!» — похвалил его бог транспорта). Он сдвинул очки на лоб, всмотрелся в экран, но оказалось, что это всего лишь сообщение от интернет-провайдера, подтверждение ежемесячной оплаты.

Следовало бы законодательно запретить посылать деловые сообщения по вечерам.

Он посидел еще мгновение, обмякнув, потом убрал телефон. Вернул на место очки и поехал дальше.

Дома (в своей пустой квартире, как ободряюще напомнила Лиз) он прошелся по комнатам, включил свет в кухне, гостиной зоне и кабинете. Начал было проверять почту, но ничего не обнаружил, кроме еще одного подтверждения ежемесячного платежа, как будто эсэмэски им было мало.

Майка отодвинул кресло от стола и собрался встать, но остался на месте.

Весь день он чувствовал слабую, но упорную боль в груди. Как будто он в чем-то облажался. По правде говоря, во многом облажался. Позволил Кэсс порвать с ним, отпустил Бринка неизвестно

куда… И сестры правы: допустить, чтобы Лорна и дальше думала, будто сын лежит где-то мертвый, — это жестоко.

Он снова придвинул кресло к столу и полез в интернет.

Найти ее оказалось неожиданно просто. Первым делом Майка отыскал ассоциацию правовой помощи округа Колумбия. Потом нажал на закладку «Члены ассоциации» и открыл список адвокатов. Лорны Бартелл там не было, но имелась Лорна Б. Адамс. Нажал на имя — и вот она: темноволосая женщина, в кадре только голова и плечи, очки в роговой оправе (надо же, очки!), до хруста наглаженная блуза с белым воротником. Если бы он не искал ее, не узнал бы на этом фото, не связал бы эту женщину с той девушкой, прошел мимо. Текст рядом с фотографией сообщал о ее специализации (семейное право), опыте работы и образовании. В конце — номер телефона и факса, адрес электронной почты.

Он решил послать электронное письмо. Понимая, что оно может попасть на глаза секретарю, выбрал стиль краткий и деловой: «Привет, Лорна, этой Майка, твой университетский знакомый. Подумал, тебе приятно будет знать, что я недавно встретился с Бринком. Симпатичный парень,

похоже, все у него хорошо. М.». Он нажал «отправить» — шурх! — отодвинул кресло и встал.

Казалось бы, должно было полегчать, но тупая боль не ушла.

5

Пятница встретила его заморозками — необычно для октября. По правде говоря, выйдя на крыльцо, Майка поначалу решил, что побелевшая трава — очередной обман зрения, утреннее помрачение, и несколько раз сморгнул, пока не осознал, что это реальность. Воздух был такой холодный, что изо рта вылетали клубы пара. Не помешало бы вернуться за курткой, но он решил, что согреется на пробежке.

В этот час улицы были пустынны. К тому времени, как он вернется домой, уже начнут гудеть машины, школьники заполонят тротуары, на автобусных остановках столпятся пассажиры в белых поварских куртках и в голубой и зеленой форме медиков. Но прямо сейчас Йорк-роуд была пуста, он мог бы пересечь ее, ни разу не глянув ни вправо, ни влево, и до самой Чарлз-стрит не встретил ни одной живой души.

А что, если бы ночью на город обрушилась катастрофа? Например, нейтронная бомба, о которой все толкуют, уничтожила человечество и уцелели бы только здания. Сколько времени

ушло бы, прежде чем он понял это? Поначалу просто радовался бы, что не пришлось останавливаться на перекрестках, делать шаг в сторону, чтобы разминуться с толпой мам, кативших перед собой коляски. Он бы вернулся домой после пробежки, проверил телефон и с облегчением убедился, что новых сообщений нет, — значит, у него остается больше времени на то, чтобы принять душ, позавтракать, пропылесосить комнату, как полагается по пятницам. Но и после этого — все еще никаких сообщений! И жильцы не стучат в дверь! Ну ладно. Он найдет себе занятие. Можно повозиться с дополнениями в новое издание учебника. К ланчу он сделает сэндвич, потом (поскольку телефон все еще загадочно молчит) решит приготовить на ужин что-то посложнее, что будет тушиться несколько часов. Потом снова будет возиться с дополнениями, но вскоре ему станет скучно. Может поваляться немного на диване с телефоном, разложить пасьянс-паук. Даже несколько пасьянсов — занявшись ими, он вроде как подсаживался. Невелика беда — похоже, свободного времени у него более чем достаточно.

Потом начнет темнеть, он поднимется с дивана и выглянет в окно, но азалии загораживают весь вид, и Майка выйдет на парадное крыльцо,

посмотрит на улицу. Ни одной машины. Окна в домах напротив не освещены. Нет толпы у форельного пруда, нет старушек, волочащих за собой тележки с покупками, не борются парнишки в худи, норовя столкнуть друг друга с тротуара.

— Эй, есть кто-нибудь? — спросит он в пустоту.

Нет ответа.

* * *

Перед Роланд-авеню он замедлил шаг и вытер лицо рукавом, а когда поднял голову, увидел двух женщин в тренировочных костюмах, они шли бок о бок перед ним.

— Крис Дженнингс, вот кто мне это сказал, — произнесла одна в тот момент, когда Майка их нагнал. — Я спросила: «Крис, бога ради, как ты это вычислил?» А Крис сказал: «О, в конце концов, я уже двадцать лет как женат, сама понимаешь».

— Это так интересно, — подхватила вторая женщина. — Люди бывают такими… непредсказуемыми, правда?

Майка пробежал мимо этих женщин, украдкой бросив взгляд на них. Чувствовал он себя словно голодный, который с тоской косится на чужое пиршество.

И тут внезапно появилось множество людей. Мужчины с «дипломатами», дети с огромными рюкзаками, картонными поделками, свернутыми в трубку постерами. Машины, школьные и рейсовые автобусы, мусорный грузовик, на запятках которого стояли два мусорщика. Напротив начальной школы регулировщик ступил на мостовую, собираясь перевести через дорогу малыша, но из остановившегося чуть дальше автомобиля вышла женщина и окликнула мальчика:

— Куртка!

Мальчик обернулся:

— А?

— Ты забыл куртку! — прокричала женщина.

— А?

— Куртку! — повторила проходившая мимо другая женщина, и тогда мальчик сказал: «А!» — и рысцой побежал обратно к машине.

Майка перешел дорогу следом за регулировщиком и свернул направо, к дому.

Женщины заправляют миром, это уж точно («заправлять миром» и «управлять миром» не одно и то же). Майка уклонился от столкновения с двумя подростками, уткнувшимися в смартфон в руках одного из них. Женщинам ведомы все

неписаные правила: не обращая внимания на накрахмаленные и наглаженные полотенца в гостевом туалете, они вытрут руки о подол или об изношенную махровую тряпку, предназначенную исключительно для членов семьи; когда перед ними ставят вазу с фруктами, уложенными в идеальную пирамиду, они восхищаются изяществом угощения и отказываются разрушать такую красоту. Нет, правда, в детстве Майка удивлялся, почему бы маме не предлагать подругам вазу с муляжами, все равно они не заметят разницу. И где его сестры — его беззаботные, прекрасно себя чувствующие среди домашнего разгрома сестры — научились этому движению — украдкой проводить пальцем по краю бокала, стирая след от помады? Где научились девчонки из его шестого класса подхватывать волосы обеими руками и связывать в небрежный узел, который без единой заколки держался у них на голове, лишь несколько соблазнительных прядок выбивались и спускались на шею с затылка? Глядя на этих девочек, он говорил себе: «Хочу такую». Еще не подросток, еще не понимающий толком про секс, он уже мечтал о своей собственной девочке.

И вот пожалуйста. Нет у него никого.

На последнем отрезке маршрута, приближаясь

к Йорк-роуд, он перешел на шаг. На миг принял гидрант за рыжика и привычно пожал плечами — до чего же однообразна эта иллюзия, до чего однообразны все его мысли, они застряли в глубокой колее, его мысли, да и его жизнь, честно говоря, тоже.

Он миновал рыбозавод. В одном окне виднелось написанное от руки объявление «ПЯТНИЧНАЯ РАСПРОДАЖА», они выставляли его каждое утро, и со временем бумага обтрепалась так, что края завернулись в трубочку. Майка добежал до дорожки к своему дому и заметил на крыльце женщину — она сидела на качелях, которыми никто никогда не пользовался.

Сначала он подумал, это Кэсс. Женщина ничуть не была похожа на Кэсс, намного субтильнее, темноволосая, короткая стрижка, обрамляющая лицо. Ноги ее, целомудренно сдвинутые, упирались в пол — Кэсс наверняка бы слегка раскачивалась взад-вперед. Вот как бывает, когда постоянно о ком-то думаешь, — любой человек с первого взгляда кажется тем, о ком думаешь.

— Добрутро, — пробормотал он, поднимаясь по ступенькам.

— Мика?

Теперь он узнал ее — по ее сдержанности. Не по

голосу, чуть хрипловатому — его он забыл, — не по манере ее горного штата произносить в первом слоге его имени «и» вместо «ай», а по этому идеальному спокойствию — даже в тот миг, когда она подняла на него глаза. Она просто невероятно умела сдерживать себя.

— Лорна, — сказал он и опустил упиравшиеся в бока руки.

Она встала.

— Я приехала из-за Бринка, — сказала она.

— Ясно.

— Где ты его видел?

Тон ее был настойчив, а еще настойчивее — жест: она стиснула руки перед собой.

— Вообще-то прямо здесь, — сказал он.

— Здесь? — Она огляделась по сторонам. — Что ему понадобилось здесь?

Вместо ответа он предложил:

— Может, зайдешь?

Она тут же повернулась, взяла с качелей сумочку. Он отпер парадную дверь — нет смысла вести гостью в обход прачечной, дело, видимо срочное — и отступил, пропуская Лорну вперед. На ней был брючный костюм — голубой, очень стильный, но пиджак как-то легкомысленно развевался ниже талии. Майке это показалось

неудачным. И короткая стрижка тоже придавала ей вид… несолидный. А лицо все такое же бледное и сосредоточенное, в этом он убедился, когда обошел Лорну, чтобы идти впереди нее, указывая путь вниз по лестнице. И все те же оленьи глаза. Очков в роговой оправе — тех, что на фотографии, — на ней не было.

Он провел ее по цокольному этажу, отпер входную дверь и впустил Лорну внутрь.

— Извини, я еще не…

«Еще не успел прибраться», хотел он сказать (на журнальном столике осталось несколько пустых банок из-под пива, стопка ненужной почты и его мобильник). Но какое Лорне дело до того, как он живет? Она все смотрела ему прямо в лицо. На лбу у нее прорезались две тонкие морщины, он с огорчением заметил это.

— Так зачем он приходил сюда? — спросила она.

— Ну, понимаешь…

Да уж, нелегко будет объясняться.

— Я так понял, он наткнулся на нашу с тобой фотографию — с тех времен, — начал Майка.

Лорна выглядела озадаченной.

— Он хотел разобраться, кто его отец, и вот он…

Она не отводила взгляда от его лица.

— Видимо, он подумал, что я и есть его отец.

— Что?

— Ну, он просто проверяет разные варианты, должно быть.

Она протянула руку назад, нащупывая край шезлонга, рухнула в него.

— Само собой, я ему мозги вправил, — подбодрил ее Майка.

— Тут даже… числа не сходятся! — сказала она.

— Еще бы. Я ему так и сказал.

— Как он мог вбить себе в голову такую мысль?

— Что ж, может, если бы ты рассказала ему, кто его настоящий отец…

— Про университет он что-нибудь говорил?

— Про универ? Нет. Только что учится в колледже Монтагю.

— Монтроз, — поправила Лорна.

Майка присел на диван, отодвинув смятый плед.

— Как ты меня нашла? — спросил он.

— Я же получила твое электронное письмо. Я всегда проверяю рабочую почту, как только встаю. И я знала, что ты занимаешься компьютерами. Мне рассказывала Марисса Бэйрд. Она

бывает на всех встречах выпускников и собирает сведения обо всех.

— В ее духе, — сухо заметил он.

Лорна глянула на него с упреком. Совсем как в старые времена.

— Я погуглила ремонт компьютеров в Балтиморе и обнаружила «Технаря-отшельника», — продолжала она. — Технарь-отшельник — так звали тебя мои соседки по общежитию.

— А, да, — сказал он.

— В мире не так уж много Технарей-отшельников, — сказала она.

— Наверное, я довольно предсказуем.

С этим она спорить не стала.

— Сначала я хотела тебе позвонить, — сказала она. — Даже наполовину набрала твой номер. Но потом сообразила, что еще слишком рано, и решила подождать, а потом подумала, если уж все равно приходится ждать, почему бы не приехать самой?

— Могла и позвонить, — сказал он, — я обычно встаю с рассветом.

— Тогда было еще темно, — уточнила она. — В последнее время я мало сплю. — Она чуть помедлила. — К тому же… Ну, я всегда убеждалась, что лицом к лицу получаешь более искренний

ответ.

— Ты думала, по телефону я отвечу неискренне?

Она пожала плечами.

— Значит, он тебя разыскал, — сказала она. — Пришел сюда и спросил, не ты ли его отец…

— Я ответил «нет», разумеется.

— И тогда он ушел.

— Да. Но потом вернулся. Я так понял, ему толком некуда было деваться. В итоге он поужинал тут. Переночевал у меня в гостевой комнате, наутро позавтракал… С виду, его ничего особо не беспокоило.

— Он говорил, что родные понятия не имеют, где он?

— Нет, на самом деле нет. Но потом я это вычислил, когда обратил внимание на эсэмэски. И сказал ему, что он должен связаться с тобой. Честно. Вообще-то из-за этого он и ушел, ну, когда ушел окончательно. Я сказал, что он должен сообщить тебе, где он, если хочет тут остаться.

Он думал, за это его можно бы и поблагодарить, но она сказала:

— И он даже не намекнул, хоть как-то, куда собрался идти?

Упорная женщина. Так и роет землю носом, так

и буравит Майку взглядом.

— Ни словом, — сказал он.

— Мы пока не обращались в полицию. Я даже не уверена, что они согласятся его искать.

— Нет. Господи, нет, — сказал Майка. — Ему ведь уже восемнадцать.

— Да, но…

— И насколько я понимаю, его не уволокли вопящего и сопротивляющегося.

— Нет, но…

— А как это было — как он ушел? — спросил Майка.

— Ну, сначала он уехал из университета и явился домой, и это была первая загадка. Осенний семестр! Он только начал учиться в сентябре! Нам он говорил, что у него все хорошо. Не то чтобы мы много общались — так, эсэмэски время от времени. «Сколько капсул класть в стиральную машину?» и «Ты положила мне спрей для носа?» — в таком духе. Но это же мальчик, юноша. Я особо и не рассчитывала на задушевные разговоры.

— Ну да, — кивнул Майка.

— А потом — на прошлой неделе — я вернулась с работы домой и услышала, что в его комнате играет музыка. Поднялась на второй этаж, посту-

чала в дверь, приоткрыла — и вот он, лежит на кровати и смотрит в потолок. Я сказала: «Бринк! Дорогой, что ты здесь делаешь?» Он сказал: «Нужны объяснения, почему я нахожусь в своей комнате?» Я спросила: «Но как ты здесь оказался? И что с Монтрозом? Что с твоими занятиями?» Он ответил: «Меня подвез парень из общежития. Я решил отдохнуть от занятий». И повернулся на бок, лицом к стене.

Майка сочувственно цокнул языком.

— Я решила, надо дать ему время, — продолжала она. — Думала, может быть, он собирается с духом, чтобы в чем-то мне признаться. Что он вылетел из университета или еще что. Но ведь сейчас только октябрь! Когда он успел вылететь? И я спустилась вниз, а когда домой вернулся Роджер, послала наверх его. У Бринка и Роджера отношения… несколько натянутые. Как у многих отцов с подросшими сыновьями, но я подумала, может, Бринку нужно поговорить с мужчиной, может, его беспокоит что-то — ну, по мужской части. Но Роджер добился от него не больше, чем я. Мы были в полной растерянности. Это все случилось в прошлый четверг, и в пятницу, субботу, воскресенье Бринк оставался дома. Он спускался в столовую поесть, но ни с кем не разговаривал,

даже с братом и сестрой. Сначала они были рады его видеть, но он даже не глядел в их сторону.

— Может, какой-то удар по самолюбию, — предположил Майка. — Типа, в школе он считал себя таким особенным, а теперь попал в университет, а там все особенные.

— Да, я думала об этом, — сказала Лорна. — Я надеялась, что в этом все дело. В понедельник я ушла с работы пораньше и попросила его съездить со мной за продуктами. Я рассчитывала на «эффект автомобиля». Знаешь, как ребята, которые не желают разговаривать с родителями, вдруг принимаются изливать душу, стоит двинуться в путь. Словно все, что сказано в машине, не идет в счет. К тому же я думала, он одуревает без движения, сидя в четырех стенах, и будет рад выйти из дома. И еще у них с Роджером вышло небольшое… небольшое разногласие, так что на помощь мужа мне рассчитывать не приходилось. Роджер иногда слишком давит. Никак не может понять, что некоторым детям нужно… Что не все дети способны сразу добиться успеха. Так или иначе, Бринк, видимо, решил, что можно и поехать со мной, что от этого он ничего не теряет. И как только мы выехали, я заговорила о своем первом семестре. Сказала, что чувствовала себя

деревенщиной. «Но у тебя-то, — сказала я ему, — у тебя столько преимуществ. Очень скоро все это поймут. У тебя все здорово получается в спорте, и ты талантливый музыкант!» Он говорил тебе, что играет на гитаре? У него идеальный слух. Не знаю, от кого он это унаследовал. Точно не от меня. Он может воспроизвести номер, просто запомнив, какие ноты прозвучали при наборе.

— Неужели? — заинтересовался Майка. — Погоди, а что, телефонный номер звучит при наборе одинаково на всех телефонах?

Лорна сурово глянула на него.

— Извини, — сказал он. — Так что ты говорила?

— Мы остановились на светофоре, — продолжала она. — И я сказала: «Я уверена, Бринк, с какими бы проблемами ты ни столкнулся в Монтрозе, ты с этим справишься, снова запрыгнешь в седло. Ведь ты прирожденный победитель, говорю тебе!» И что он сделал? Не произнес ни слова. Просто открыл дверь, вышел из машины, закрыл за собой дверь и пошел прочь.

— Хм, — отозвался Майка.

— Я была удивлена — пожалуй, что и обижена, — но особо не испугалась. Мы ехали через пригород, средь бела дня — он прекрасно мог до-

браться домой самостоятельно, немного поостыв. Так что я купила продукты, поехала обратно домой, разложила по местам покупки… И все это время ждала, что с минуты на минуту, вот сейчас он войдет. Но он не вернулся. И больше я его не видела.

— Боже, — пробормотал Майка. Он старался выразить сочувствие, хотя, по правде говоря, звучало все это не так уж страшно. — Послушай, — сказал он, — хочешь кофе? Я еще не завтракал.

— Ох, извини, — сказала Лорна. — Да, кофе был бы очень кстати. И завтрак себе приготовь, не обращай на меня внимания.

— Ты уже позавтракала?

— Нет, но есть не хочется.

— Что-то нужно в себя впихнуть. Идем на кухню.

Он поднялся, она следом. Она сказала:

— Знаешь, как бывает, когда на сердце тяжесть лежит. Как будто ком в горле и даже думать не хочется о еде.

— Да, — сказал он. — Знаю.

Он взял перколятор и пошел к раковине, чтобы налить воды. Лорна присела на стул.

— Значит, об этом он ничего не говорил? —

спросила она. — Что ушел из университета, ушел из дома?

— Не-а. Я только увидел, что ты все время пишешь. Спрашиваешь, где он.

— Роджер утверждает, что я должна оставить его в покое, — сказала она. — Утверждает, что у Бринка скоро кончатся деньги и он вернется домой.

— Много у него денег?

— У него дебетовая карточка, которую мы сделали для него к университету, — сказала она. — В тот день, когда он ушел, я проверила его счет: он снял триста долларов, максимальную сумму, какую можно снять за один раз. Но он снял деньги в банкомате поблизости от того места, где вышел из машины, это ничего мне не подсказало насчет его планов.

— Ну, трехсот долларов ему надолго не хватит, — сказал Майка.

— Роджер говорит то же самое. Но Роджер не переживает так, как я. Нет, он любит Бринка. Но он же мужчина, понимаешь?

Майка разбивал яйца над миской. Стоя спиной к Лорне, он спросил:

— Ты никогда не думала рассказать Бринку, кто его настоящий отец? В смысле, биологический.

Сначала ему показалось, что Лорна не ответит. Слишком затянулась пауза. Потом она сказала:

— Я не знаю, кто его настоящий отец.

Майка взбил яйца вилкой.

— После того как мы с тобой расстались, — сказала она, — я… была довольно активна. Пожалуй, даже несколько переусердствовала.

Наверное, он что-то не так понял, подумал Майка. Не может быть, чтобы она сказала то, что ему послышалось. Ведь так? Он достал сковородку и поставил ее на плиту, давая Лорне время что-то добавить или уточнить, но когда она снова заговорила, то спросила:

— Как ты думаешь, он ответит, если позвонишь ты?

— Я?

— Вроде бы вы с ним поладили? Судя по твоему рассказу, ты ему понравился.

— Верно, мы с ним нормально общались, — подтвердил Майка.

— Так попробуй ему позвонить — может быть, он ответит?

Майка подошел к журнальному столику, где лежал телефон.

— Какой номер? — спросил он.

Вместо ответа она протянула ему собственный

телефон, и Майка сощурился, читая цифры с экрана. Набрал номер и поднес трубку к уху.

Два гудка. Потом Бринк сказал:

— Алло?

Его голос прозвучал так отчетливо, что Лорна резко вскинула голову.

— Это Майка, — сказал Майка.

— О, привет.

— Так вот, у меня тут твоя мама… — сказал Майка.

Щелчок — и наступила тишина.

Лорна выглядела потрясенной.

— Он повесил трубку? — спросила она.

— Похоже на то, — сказал Майка. Он с минуту смотрел на телефон, потом положил его на кухонный шкафчик.

— Зачем ты ему сразу сказал? — упрекнула она.

— Что?

— Зачем ты сказал, что я тут?

— А что я должен был сказать?

— Ну просто… мог бы подойти к этому постепенно. Мог бы сначала спросить, где он и как у него дела.

— Ну извини, — сказал Майка. — Я не знал, что должен говорить по сценарию.

— Ох, Майка, прости! Я очень виновата! — сказала она. (Не было ли у них похожего разговора когда-то в прошлом? Почему-то слова казались такими знакомыми.) Глаза Лорны, заметил Майка, блестели от слез. Она сказала: — Просто я только обнадежилась, и опять… за что, за что он так на меня злится?

Майка вернулся к плите. Он включил конфорку и положил кусок масла на сковородку.

— Может, он еще перезвонит, — сказал он.

— Думаешь?

— Может, это у него автоматическая реакция такая — отключаться, а вскоре он спохватится.

— Я все перебираю причины, из-за чего он мог бросить университет, — сказала Лорна. — Например, я знаю, он очень хотел присоединиться к одному братству. И если выяснилось, что он не пришелся им по душе… Но как это могло случиться в самом начале учебного года? И все же. Или если он участвовал в издевательствах над новичками, его могли на время отстранить от занятий. В газетах все время пишут о том, как жестоко проходят инициации.

— Разве издеваются во время инициации не те ребята, которые уже в братстве? — уточнил Майка.

— Ох, наверное, ты прав. Ну тогда выпивка. Не стоит себя обманывать насчет выпивки у нынешней молодежи. Или даже наркотики. В Монтрозе за наркотики сразу же исключают.

— Возможно, — согласился Майка. — Это бы объяснило, почему он не хотел говорить, из-за чего уехал.

Он вылил яйца на сковородку и перемешал их вилкой.

— Или изнасилование на свидании! Об этом тоже все время пишут в газетах.

Майка обернулся и уставился на нее.

— Да господи боже! — сказал он.

— Что? — спросила она. — Думаешь, я не знаю, какие ошибки порой совершают юнцы?

— Так-то оно так, но ошибки тоже бывают разные, — напомнил он.

Она пожала плечами:

— Уж поверь, я чего только не видела.

— А ты сильно изменилась с тех пор, как мы были знакомы, — сказал он.

— Да, — сказала она. — И я над этим поработала. Я была тогда очень узколобой, знаю. Я видела, что и тебе это действовало на нервы.

— Ты видела, — повторил Майка. Не думал он, что его раздражение было так очевидно.

— Только представь, насколько по-другому все могло бы у нас сложиться, если бы я просто взяла и переспала с тобой. Может, именно поэтому у нас ничего не вышло.

— Это даже оскорбительно, — сказал он. — Ты правда считаешь, что мне только этого и требовалось? — И добавил: — Так ты поэтому стала… э-э… активной после нашего разрыва?

— Думаю, да, — не вникая, ответила она. — Но в любом случае про Бринка я думала вот что: вдруг он попал в ситуацию, когда его обвинили в изнасиловании на свидании, — без повода, понимаешь?

Майка достал из шкафчика две тарелки и поставил их на стол.

— Мне ничего не клади, — сказала она.

— Не захочешь — не съешь, — ответил он.

Он вилкой разделил омлет и положил половину ей, половину себе. Наполнил две кружки кофе и тоже поставил на стол.

— Иногда мне кажется — может, детей нам подбирают как-то специально, — задумчиво произнесла Лорна. — Кажется, что Господь соединяет нас и их, чтобы мы могли чему-то научиться.

— Чему же научил тебя Бринк? — спросил Майка.

— Понимаешь, он настолько отличается от меня, ну совершенно другой человек — у нас с ним как будто и нет ничего общего.

— Это уж точно.

Она глянула на него подозрительно, но Майка был занят: доставал приборы, клал на стол салфетки. Выставил сливки и сахар.

— Значит, веру ты сохранила, — сказал он, усаживаясь за стол напротив Лорны.

— Да, конечно, — сказала она. Помедлила и уточнила: — То есть сначала я отошла от веры, а потом, после рождения Бринка, вернулась.

— А твой муж?

— Что мой муж?

— Он религиозен?

— Не особенно.

— А Бринк?

— О, Бринк вовсе неверующий. Но это пока. Я точно знаю, со временем он обратится.

— Может быть, как раз это маленькое приключение поспособствует! — с энтузиазмом подхватил Майка. Ему хотелось таким образом представить исчезновение Бринка в более обнадеживающем свете, но Лорна лишь рассеянно глянула на него. — А откуда это имя — Бринк? — сменил Майка тему.

— Я назвала его в честь консультанта в той церкви, которую я посещала в университете, — сказала Лорна. — Мэрибет Бринк. Ты был знаком с Мэрибет?

— Не припоминаю.

— Она очень помогла мне, когда я обнаружила, что беременна. Если бы не она, не знаю, что бы я сделала. Мэрибет обо всем позаботилась, нашла мне жилье, договорилась насчет занятий. Только благодаря ей я сумела получить диплом. Я собиралась назвать ребенка Мэрибет, если бы родилась девочка, но родился мальчик, и я назвала его Бринк. Больше у меня близких людей в ту пору не было, я была одна-одинехонька.

Майку словно что-то укололо в сердце. Это «одинехонька» — предательский след провинциального происхождения, торчавший в ее гладкой речи, словно шип. Он глянул через стол на столичного адвоката в изящном брючном костюме и чуть было не спросил: «Лорна? Это ты там, внутри?» И он совсем не был готов к той печали, которая охватила его. Майку вовсе не тянуло к этой женщине, он даже удивлялся, что когда-то часами томился похотью, думая о ней. Его огорчила какая-то перемена в себе самом: он утратил способность видеть в ней ее привлекательность,

ее особый блеск, так сказать.

Она отпила глоток кофе.

— А ты, — сказала она, отставив кружку. — Я знаю, что ты поссорился с Дьюсом и ушел из компании.

— Да, компания оказалась неудачной затеей, — подтвердил он.

— И тогда ты стал «Технарем-отшельником»?

— Спустя какое-то время, — сказал он.

Она ждала, что он еще скажет, но он ничего не говорил. Добросовестно ел омлет, пока она пила кофе и присматривалась к нему. Наконец он почти вынужденно добавил:

— Сначала я поработал там-сям в айтишных компаниях, но все эти ребята такие тупые. А потом один из клиентов, мистер Джерард, привык ко мне, стал доверять, и когда надумал переехать во Флориду, предложил мне работу — присматривать за этим домом. Да, приходится работать руками, и зарплата один смех, зато бесплатная квартира и никто мной не помыкает. Потом кое-кто из старых клиентов разыскал меня — и так я стал «Технарем-отшельником».

— Ясно, — сказала Лорна.

— Наверное, ты скажешь, что я плыву по течению.

— Нет-нет, — сказала она. — Не то чтобы по течению. Просто… Ты, похоже, все тот же.

— Тот же — это какой? — уточнил он.

— Сам знаешь. Никому и ничему не даешь второго шанса.

— То есть как? — спросил он. — Я только что рассказал тебе о том, как я только и делал, что давал второй шанс. Ошибался, двигался дальше, начинал все сначала.

— Верно, — сказала Лорна. — И ты никогда не был женат?

— Не-а.

— Почему?

Возможно, она воображала, что это имело какое-то отношение к ней — что ее измена оставила шрамы на всю жизнь или что-то в этом роде. Самонадеянное заблуждение, подумал он и сказал:

— Несколько раз я был близок к этому. Но, видимо, я не из тех, кто женится.

— А сейчас у тебя кто-нибудь есть?

— Не-а.

Он встретил ее взгляд, не отводя глаза: стыдиться ему нечего. В итоге первой опустила глаза она и (отметил Майка с удовольствием) взяла вилку и воткнула ее в омлет.

— А твои родные? — спросила она. — Как они?

Ада? Сьюз? Близняшки? Родители живы?

— Нет, папа умер в тот год, когда я закончил колледж, а пару лет спустя и мама. Девочки в порядке. У Ады и Нормы уже внуки.

— С ними всеми было так весело, — сказала Лорна и снова ткнула вилкой в омлет. — Этот дом был похож на… на цирк. Когда все собрались у родителей в тот раз, на День труда. Норма училась шить, и ее малышки ходили в платьях, которые она пошила сама, помнишь? Из коричневого хлопка с изображением шпателей: она пустила на платья ткань, оставшуюся от кухонных занавесок. А Сьюз была на девятом месяце беременности, бегала писать по десять раз в час и каждый раз, когда выходила из комнаты, объявляла: «Природа зовет», и, клянусь, это смешило ее саму, и все принимались хохотать — главным образом потому, что она смеялась, а не ее словам.

— Потрясающе, — сказал Майка. Его сестры так действовали на людей, что правда, то правда.

— А твои родители только что впервые купили беспроводной телефон, и каждый раз, когда он звонил, все, сбиваясь с ног, бросались на поиски.

— Точно. Какой-то раз он оказался в ящике для белья. Мы так и не вычислили, как это получилось.

— А твой отец куда-то девал свой слуховой аппарат…

— Да, моя семейка вечно все теряла, они такие.

— И когда муж Нормы — Грегори? Гэри?

— Грант, — сказал Майка.

— Грант заговорил о том, что у него к кому-то «сильные претензии», а твой отец возмутился: «Синие гортензии? Где такие водятся, на хрен?»

Поток случайных воспоминаний — словно вся семья собралась в этой комнате, шумная, суетливая. Майка невольно улыбнулся (улыбаться легче, когда думаешь о них как бы на небольшом расстоянии). Он сказал:

— А может, папа только притворялся, будто не может найти слуховой аппарат. Он его терпеть не мог. Говорил, ничего с ним не слышит, только хруст челюстей, когда жует.

Его мобильный зазвонил.

Лорна замерла и уставилась на него.

— Извини, — сказал он, встал и подошел к шкафчику. Номер показался ему незнакомым. На всякий случай — вдруг это Бринк — он ответил:

— Алло?

Мужской голос:

— Это «Технарь-отшельник»?

— Да.

— Меня зовут Би Эр Монро, и у меня что-то очень странное творится с принтером.

— Я вам перезвоню, — сказал Майка. Он отключился и положил телефон на место. Лорна все так же смотрела на него.

— Он не перезвонит, ведь нет? — сказала она.

— Наверняка мы этого знать не можем.

— Не перезвонит, — повторила она.

Она поднялась и потянулась за сумочкой.

— Я оставлю тебе карточку, — сказала она.

— Уходишь?

— Мне пора на работу. По крайней мере, теперь я знаю, что он жив и ему ничего не грозит. Ты же сообщишь мне, если он появится, правда?

— Само собой, — сказал Майка и положил ее карточку возле телефона.

— И на этот раз попробуешь его как-то удержать? Просто свяжись со мной потихоньку, чтобы он этого не знал, хорошо? Я могу сразу же сюда примчаться, какой-нибудь час — и я уже тут.

— Так можно и в морг угодить, — заметил Майка. — Давай условимся: ты потратишь на дорогу полтора часа, а я придержу его, пока ты не доедешь.

— Спасибо тебе, Майка, — сказала Лорна.

Она прошла через гостиную, Майка открыл

дверь и проводил Лорну по цокольному этажу к выходу.

— Где твоя машина? — спросил он, когда они ступили на парадное крыльцо.

— Вон там, — сказала она, махнув в сторону магазина секонд-хенд. Коснулась рукой его руки и привстала на цыпочки, чтобы поцеловать в щеку. Так близко, что он учуял лимонный аромат ее шампуня — а может быть, мыла или еще чего-то. — Рада была повидаться, — сказала она. — Даже в таких обстоятельствах. Я ценю все, что ты для нас сделал.

— Ой, да ладно, — сказал он.

Он постоял, засунув руки в задние карманы, глядя, как она шагает в сторону улицы. Сзади она выглядела, как выглядит всякая сделавшая успешную карьеру женщина, и все же ее походке немного недоставало упругости, решительности. Как будто она была не вполне уверена, куда ей идти. Вскоре она свернула направо и исчезла из виду.

* * *

Принтер мистера Би Эр Монро, как обнаружил Майка, восстановлению не подлежал. На команду «печать» он реагировал, но выплевывал белые

страницы.

— Теперь я вспоминаю, — сказал мистер Монро, — в последние несколько недель он подавал предупреждающие сигналы. Распечатки становились все бледнее. Я сменил картриджи, но ничего не изменилось.

Это был мужчина средних лет, в тренировочном костюме, тощая седая косичка спускалась ему на спину, небритая третий день щетина — типичный фрилансер, надомник. Кабинет — просто катастрофа, повсюду пустые кофейные чашки, накренившиеся стопки брошюр. Обертки от новых картриджей валялись на столе.

— Давно он у вас? — спросил Майка.

— Дочка еще жила дома, когда я его купил. Это я помню, потому что старый принтер я отдал ей. А теперь она уже окончила университет и работает в Нью-Йорке.

Майка сказал:

— Гарантия давно истекла. И я сразу могу сказать: у меня нет оборудования для такого ремонта, это под силу только производителю. Но даже доставка туда и обратно обойдется вам дороже, чем оно того стоит. Выгоднее купить новый.

— Черт, — сказал мистер Монро.

— Принтеры нынче дешевы. Будете приятно

удивлены.

— И я все-таки должен заплатить вам за вызов? — спросил мистер Монро.

— Да, конечно.

— Но вы же ничего не сделали.

— Минимальную оплату мне следует с вас получить. Я и по телефону предупреждал.

Мистер Монро вздохнул и побрел за чековой книжкой, хлопая подошвами резиновых тапочек по босым пяткам.

* * *

По дороге домой Майка заехал в банк с чеком мистера Монро. Потом купил кое-какие продукты в супермаркете — арахисовое масло, говяжий фарш и все, что требуется для салата, — и поехал дальше по Йорк-роуд. Оказавшись на своей улице, он сразу же пригляделся, не сидит ли кто на парадном крыльце дома. Но там, разумеется, никого не было.

Майка свернул направо, в проулок, припарковался, забрал из багажника покупки и спустился по лестнице к черному входу в свою квартиру.

Он прибрал в кухне после завтрака перед уходом по вызову, но там все еще пахло омлетом и кофе. Стул Лорны был аккуратно поставлен

напротив его стула, пустой стол сиял чистотой. Звук здесь отдается, словно в пещере, показалось ему вдруг. Никто не скажет: «О, ты дома» или «С возвращением».

Он распаковал продукты, положил арахисовое масло в шкафчик, фарш — в холодильник. Ингредиенты салата оставил на разделочном столике, поскольку пора было готовить ланч. Но вместо того, чтобы приняться за дело, перешел в гостиную зону. Здесь он еще не наводил порядок. Он растерянно уставился на смятый плед и нагромождение всякого на журнальном столике — пивные банки, ненужная почта. Может быть, подумал он, в глубине души он больше похож на своих родных, чем хотел бы признать. Может, стоит ему всего один раз пропустить день, предназначенный для уборки пылесосом, и хаос поглотит его.

Майка внезапно увидел себя самого накануне вечером — сгорбившегося на диване, пьющего слишком много пива и бесконечно раскладывающего пасьянс-паук.

Он вышел из гостиной, побрел в спальню. Кровать была аккуратно застелена, он всегда ее застилал, как только надевал костюм для бега. Но сам костюм для бега был свален на стул, левый

ящик комода полуоткрыт, кеды валялись на ковре. Он подошел к комоду и закрыл ящик. Потом открыл соседний ящик и изучил его содержимое: сложенную белую ночную рубашку, щетку-расческу, две пары хлопчатобумажных трусов и свитер цвета зеленых оливок. Снаряжение Кэсс на те ночи, когда она оставалась здесь.

Свитер идеально подходил к ее глазам, но когда Майка однажды сказал ей об этом, Кэсс ответила: наоборот, это глаза у нее под цвет свитера. «Какой цвет я надеваю, такого оттенка становятся мои глаза, — сообщила она и, шутливо ткнув его локтем под ребро, добавила: — Посмотрел бы ты на меня, когда я надеваю красное». Вспомнив это, Майка улыбнулся. Ему нравилось, что она не воспринимала свою красоту слишком всерьез.

Он и правда несколько раз подумывал о женитьбе. Он не всегда считал брак чересчур запутанным и хлопотным делом. Но каждая подруга оставляла ему что-то вроде негативного опыта.

Зара, к примеру: только оглядываясь назад, он понимал, насколько она была неподходящей. Вся из острых углов, в буквальном и в переносном смысле, — жизнерадостный и пронзительный комарик, локти торчат во все стороны, движения порывистые. Даже удивительно, что она заинте-

ресовалась таким тяжелым на подъем человеком, как Майка. Они продержались вместе почти два года, жили в трущобной квартире неподалеку от его прежнего кампуса. А потом однажды он взял трубку стационарного телефона и нажал кнопку повтора, чтобы позвонить Дьюсу и продолжить начатый накануне спор. Но ответил ему не Дьюс, а Чарли Атуик, партнер Зары по танцам, Майка сразу узнал его рокочущий бас. «Он отбыл? — спросил Чарли. — Можно мне приехать? У меня уже стояк».

Майка повесил трубку и уставился на свое ошеломленное лицо в зеркале.

Его самого удивило, что это открытие так больно его ударило, ведь он некоторое время уже подмечал в себе раздражительность в присутствии Зары. По правде говоря, утомительная была женщина. Ему бы поблагодарить Чарли Атуика за готовый предлог для разрыва. Но чтобы тебя бросили так внезапно, так подло две женщины подряд! Этого он никак не мог себе объяснить. Много месяцев потом он хмурился, грустил и отказывался от предложений друзей познакомить его с кем-нибудь. У него, отвечал он, терпения не хватает на все эти встречи-знакомства. Энергии не хватает. Даже когда он познакомился наконец

с Адель, какая-то часть его держалась настороже. Какая-то часть его задавала вопрос: «А действительно ли я готов к… Ну, к таким хлопотам?» Так что когда в итоге Адель попросила его сесть, села рядом сама и скорбным тоном сообщила, что она расстается с ним, уезжает и посвятит всю оставшуюся жизнь спасению волков, он почувствовал что-то похожее на облегчение. Снова свободен! Свободен от всей этой суеты и тревог.

А Кэсс? Ну, к тому времени, как он встретил Кэсс, ему исполнилось сорок, да и она была не намного моложе. Он считал, что им уже ничего не нужно доказывать, двое взрослых, вполне сформировавшихся людей, удобно обустроивших свои жизни — каждый по отдельности. Когда он думал о них двоих вместе, ему всегда представлялось, как они едут куда-то — он за рулем «киа», сосредоточен на дорожном движении, а она выглядывает в боковое окно и негромко мурлычет какую-то песенку.

Что, если бы он ей сказал: «Пожалуйста, не бросай меня вот так сразу. Пожалуйста, подумай еще»?

Ну уж нет.

Наверное, теперь она навсегда исчезнет из его мира. С глаз долой — из сердца вон, и никогда

они больше не увидятся, как это было с Лорной и с остальными.

Хотя Лорну-то ему однажды увидеть довелось, припомнил он, вскоре после разрыва. Он заметил ее издали, она висела на руке у какого-то парня и смеялась — преувеличенно громко. Позже приятель Дьюса сказал ему, что она, похоже, «в последнее время разгулялась» — так он выразился, и Майка переспросил озадаченно: «Разгулялась?»

— Типа, я вижу ее то с одним парнем, то с другим, понимаешь? И могу показать под присягой: как-то раз она была пьяна.

— Лорна не пьет, — твердо возразил Майка. А насчет парней даже и спорить не стал. Ну сходила она куда-то с одним однокурсником, потом с другим — и что? По крайней мере, с Ларри Эсмондом она не хороводилась, и слава богу. Это у нее, видимо, был случайный каприз.

Он вернулся в кухню, достал из шкафчика дуршлаг. «Чи-иснок! — произнес он с наилучшим своим французским акцентом. — Адин чи-иснок для адин сала-ат».

Но по-настоящему увлечься этой игрой не удалось.

6

— Как тебе Лили? — спросила Ада. Она позвонила как раз посреди завтрака, так вышло. Проснувшись среди ночи от упорного стука дождевых капель по мертвым листьям под окном, Майка выключил радиобудильник и позволил себе поспать подольше и пропустить утреннюю пробежку. Теперь ему пришлось отложить кусок бекона и вытереть пальцы, прежде чем он смог взять трубку.

— Мне кажется, она довольно приятная, — сказал он. — Но замуж ей, как по мне, малость рановато.

— Ей двадцать один, — сказала Ада. — Я была моложе, когда выходила замуж. Но я понимаю, о чем ты. Она немножко… наивная или что-то в этом роде. И как Джой собирается содержать семью? Сейчас-то у нее есть работа, но на днях она рассказывала свой сон: она пыталась запихать близнецов в автокресло для одного младенца, а всем известно: если тебе снятся младенцы, значит, ты хочешь своего.

— Если снится младенец, значит, ты хочешь

своего?

— Сигнал от подсознания: ты готов к новому этапу жизни.

— Ладно, — сказал Майка, подумав. — Но ты уже сколько лет твердишь, мол, пора бы Джою вести себя в соответствии со своим возрастом. Может быть, это послужит для него стимулом.

— Может быть. — В голосе Ады прозвучало сомнение. Потом она добавила: — Церемонию проведет преподобный Лоури, я тебе говорила? Наш пастор из «Столпа баптистов». Семья Лили не воцерковлена, а он сказал, что будет счастлив обвенчать молодых. Вчера вечером он заезжал к нам, обсуждали обеты. — Она засмеялась. — Он спросил Джоя: «Ты ее любишь?» Джой подумал и ответил: «Да, иногда».

— Иногда! — эхом откликнулся Майка.

— Ох, — выдохнула Ада, — в общем, думаю, это лучшее, на что может надеяться большинство супругов. Кстати, тебе помощник не нужен по технической части — наверное, нет?

— Да я и сам-то почти не нужен, — сказал Майка. — Ты о ком?

— Ну, я думала про Джоя.

На такое, по мнению Майки, не стоило даже отвечать.

— Кстати говоря, мне как раз пора заняться делом, — сообщил он, и Ада ответила:

— Да, конечно, не стану тебя задерживать.

Он положил телефон и взял еще кусок бекона.

* * *

В половине одиннадцатого он вышел открыть дверь плотнику — некоему Генри Беллу, который специализировался на забивании всех отверстий, в какие могли пролезть грызуны. Это был долговязый рыжебородый парень, на вид ровесник Майки. Он приходил и раньше (мыши стали на редкость изобретательны) и поприветствовал Майку застенчивой улыбкой и вопросом:

— Как дела, приятель?

— Нормалек дела, — ответил Майка, проводя его внутрь.

Дождь стих, но Генри тщательно вытер рабочие ботинки о коврик у входной двери.

— Неужто маленькие негодники снова пробрались в бойлерную? — спросил он.

— Нет, там пока все в порядке, насколько могу судить. Теперь квартира 1В. Квартиросъемщица утверждает, что они в кухне.

— Дератизатора вызывали?

— Был человек. Велел передать вам, что нашел

помет за холодильником.

Генри прошел следом за Майкой через холл, инструменты позвякивали у него в чемоданчике. Майка позвонил в дверь Йоланды.

Она открыла в купальном халате, или как это называется — цветное одеяние до пола, с длинной молнией спереди.

— Доброе утро, — сказала она Генри. — Вы мышеборец!

— Именно так, — ответил Генри.

— Не ожидала, что вы такой высокий.

Генри обернулся к Майке, бросил на него бесстрастный взгляд.

— Он проверит за холодильником, — сказал Майка Йоланде. — Предположительно, там находится штаб вражеских сил.

— И плиту, — добавил Генри. — У вас плита газовая или электрическая? — спросил он Йоланду.

— Газовая, вообще-то, — сказала она, убирая выбившуюся прядь волос за ухо.

— Значит, могут проникнуть там, где газовая труба проходит через стену, — сказал Генри и направился в кухню, а они последовали за ним по пятам.

Генри поставил чемодан с инструментами на

пороге кухни и, наклонившись, вытащил из него длинный тяжелый фонарь. Майка и Йоланда, которым он не позволил пройти, остались в коридоре, откуда наблюдали, как Генри совершает обход по периметру кухни, подсвечивая фонариком плинтус.

— Вчера вечером я смотрела телевизор и передо мной пробежала мышь, — сказала Йоланда. — Я не из тех, кто визжит и запрыгивает на стул, но напугалась изрядно, можете мне поверить. Знаете, как что-то вдруг внезапно начинает двигаться, а ты вовсе этого не ожидаешь? Когда лишь краешком глаза видишь, как оно промелькнуло. Ты такая: «Ой», и сердце стучит, и волосы на затылке встают дыбом.

— Это атавизм, — кинул через плечо Генри.

— То есть?

— Рефлекс, оставшийся от тех времен, когда мы жили в пещерах.

Генри закончил обход кухни и вернулся к двери. Они оба отступили, пропуская его в коридор. Генри двинулся дальше, светя фонариком.

— Не знаете, он женат? — шепнула Йоланда Майке.

— Понятия не имею.

— Хм, — сказала она. И задумчиво посмотрела

вслед Генри.

— Йоланда, — заговорил Майка, — можно задать личный вопрос?

Она просияла и обернулась к нему.

— Наконец-то! — сказала она. — Я думала, до этого никогда не дойдет.

— Все эти свидания в интернете и тому подобное. Ужины с незнакомыми людьми. Вас не тянет махнуть на все это рукой? В смысле, вам не надоело? Почему вы продолжаете кого-то искать?

Она не обиделась, хотя вполне могла бы.

— Наверное, я плохо усваиваю уроки, — сказала она с легким смешком, а потом более серьезно добавила: — Думаю, я делаю это ради предварительного этапа.

— Предварительного?

— Ради того момента, когда я планирую, что надеть, и наношу макияж, надеясь, что в этот раз у нас, может, что-то да получится. А когда опять ничего не получается, я говорю себе: по крайней мере, эта часть доставила мне удовольствие. Эта часть имела какой-то смысл. Нужно собраться и двигаться дальше, вот что я себе говорю.

— Да, но как насчет того, чтобы учиться на собственном опыте? Не попадать всякий раз в одну и ту же ситуацию?

— Сдаться и притвориться мертвой, вот вы что предлагаете, — парировала она.

Он понял, что в этом споре никто из них не победит.

Генри, очевидно, закончил осмотр. Он вернулся из коридора и наклонился, укладывая фонарь в чемодан.

— Похоже, вход у них действительно за плитой, — сообщил он, выпрямляясь. — Я набью металлические листы за… Кстати, я видел, ваш дератизатор поставил ловушки с арахисовым маслом.

— Это неправильно? — спросила Йоланда, с энтузиазмом заглядывая ему в лицо.

— Ну, лично я предпочитаю тахини.

— Тахини!

— И чуть присыпать сверху кунжутным семенем.

— Кунжутным семенем! Я думала, что тахини и есть кунжут.

— Это мое личное мнение.

— Да, конечно. И это так разумно! — Йоланда уже почти пела.

Генри глянул на нее благосклонно.

— Другие жильцы не жалуются? — спросил он Майку.

— Пока нет, — сказал Майка. — Разумеется, жалобы посыплются, как только вы тут закончите и уйдете.

Генри философски кивнул.

— Ладно, оставлю вас делать свое дело, — сказал Майка. — Счет, как обычно, на мое имя.

— Непременно, — сказал Генри и склонился над чемоданчиком с инструментами.

Майке пришлось самому закрывать за собой дверь. Йоланда, кажется, не заметила его ухода.

* * *

На ланч он порубил остатки курицы гриль, нарезал сельдерей, добавил майонез и каперсы (он считал нужным раз в неделю, ближе к выходным, разгружать холодильник). Выкладывая каперсы, припомнил историю, которую ему однажды рассказала Кэсс. Она принесла на пикник с четвертым классом тунцовый салат с каперсами. «Мисс, — сказал ей один мальчик, — мне очень нравятся капризики». Изображая этого мальчонку, Кэсс заговорила детским голосом, звонче и тоньше обычного. Майка всегда считал, что люди выглядят глупо, когда подражают чужим голосам. По правде говоря, он и сейчас так считал, но ему хотелось бы снова пережить тот момент.

На этот раз он бы просто порадовался тому, как Кэсс морщит нос, говоря о чем-то, что ее смешит. И как ее глаза превращаются в треугольники, оттого что щеки высоко приподнимаются, когда она смеется.

Капризики! Отличное слово.

Посреди ланча поступил звонок от клиента.

— «Технарь-отшельник», — сказал он, и женщина ответила:

— Привет!

Бодрая, оптимистичная — похоже, немного за двадцать.

— Привет, — откликнулся он.

— Я Розали Хейс, — сказала она. — А вы и есть Отшельник?

— Да.

— У меня тут такая странная история. Я живу в доме моей бабушки, понимаете?

— Окей.

— То есть теперь это мой дом, она мне его завещала, но я только недавно переехала. Бабушка умерла в сентябре от инсульта.

— Сочувствую, — сказал Майка и отправил в рот ложку куриного салата.

— И она была здорово оснащена — в смысле, всякой техникой. Компьютер, принтер, мобиль-

ный, даже айпод. Настоящий «Айпод классик»!

— Вам повезло, — сказал Майка.

— Но нет паролей.

— Нет паролей?

— Ну, я имею в виду, что не знаю ее паролей. Я надеялась найти где-нибудь список, но ничего не нашла. Есть только пароль от интернета, на клейком листочке под модемом. Но нигде не видно пароля от компьютера. А компьютер хороший, практически новый, я могла бы им еще долго пользоваться. Я обращалась к производителю, но они сказали, что ничем не сумеют мне помочь.

— Ну да, не сумеют, — согласился Майка.

— Вот я и подумала, может быть, вы приедете сюда и попробуете что-нибудь сделать?

— Я?

— Наверняка же у вас есть какая-нибудь хитрость на такой случай.

— Боюсь, никакой хитрости нет, — сказал Майка.

— Совсем? Вы ничего не сможете сделать?

— Ничего.

— Ох, черт.

— Какой у нее пароль от интернета?

— Что?

— Вы сказали, что нашли пароль от интернета.

Какой?

— Милдред63, — ответила девушка. — Милдред — ее имя, а в 1963-м, насколько я помню, она вышла замуж за дедушку.

— Попробуйте этот же пароль на компьютере, — посоветовал он.

— Уже пробовала, — сказала она. — И всякие варианты. Не сработало. Но вот видите? Все-таки вы знаете кое-какие хитрости.

— Те же, что и вы, — сказал он. — И вы уже попробовали.

— Айпод не запаролен, — сказала она, и в голосе ее появилась таинственная нотка, словно девушка собиралась что-то ему посулить. — Айподом я могу пользоваться сколько угодно!

— Уже хорошо.

— Но я не могу записать на него новые песни. Потому что айпод синхронизирован с компьютером. А ее песенки — такой легкий музон.

— О господи, — вздохнул он.

— Понимаете? Музычка для эскалаторов. Для приемной дантиста.

— Сочувствую всей душой, — сказал Майка.

— Давайте вы все-таки приедете и посмотрите, что можно сделать? Я понимаю, у вас есть минимальная ставка, которую мне следует заплатить,

даже если вы не вычислите ее пароли.

— Можете быть уверены: вычислить пароли я не смогу, — сказал он. Потом спросил: — А коврик для мыши?

— А?

— Поискали наклейку под ковриком для мыши?

— Да, смотрела, — сказала она.

— Под принтером? Под ящиком стола? Под бумагой в лотке принтера?

— Все перерыла.

— Значит, она использовала пароль приложения. Не повезло вам.

— Но ей же нужен был пароль от компьютера, чтобы попасть в приложение, — сказала Розали. — Разве не так?

— Нет, если она полагалась на свою память.

— Вы смеетесь? Она была старенькая. Записывала адрес у себя на руке, если собиралась куда-то ехать.

— А! — сказал Майка.

— Ну а теперь вы приедете? Пожалуйста? Сколько вы берете за вызов? — Она вновь пустила в ход жалобный тон.

— Восемьдесят баксов, — сказал он.

— Восемьдесят, — повторила она. — Это я оси-

лю.

— Восемьдесят баксов только за то, что я переступлю порог вашего дома, — и никакой гарантии успеха. На самом деле практически гарантирована неудача.

— Не проблема, — сказала она. — Я менеджер по займам.

— Менеджер по займам?

— Да, в Первом объединенном банке. В моем распоряжении куча денег.

— Вот оно как.

— В крайнем случае могу запустить руку в казну.

Это заставило его наконец рассмеяться.

— Далеко вы живете? — спросил он.

— В Гилфорде.

— Ладно, — сказал он. — Но не говорите, что я вас не предупреждал.

— Знаю, знаю! Я должным образом предупреждена. Вы потерпите жалкое поражение, и я скрою свое разочарование и вручу вам восемьдесят баксов наличными.

Он снова засмеялся и сказал:

— Значит, договорились. Сами приняли решение.

* * *

Она жила в кирпичном здании колониального стиля, с бордовыми бархатными шторами на окнах первого этажа — типичный стариковский дом, — но сама была юной стройной блондинкой в джинсах и шерстяной водолазке. На голове у нее торчал вертикально вверх конский хвост — в точности шип ананаса, подумал Майка, — и уголки рта сами собой изгибались, словно она так и родилась с улыбкой на губах.

— Отшельник! — весело приветствовала она Майку.

— Майка Мортимер, — представился он.

— Привет, Майка. Я Розали. Пойдем, покажу вам, где наше чудовище.

Он сбросил прорезиненную куртку — дождь все еще шел, — сложил ее мокрой стороной внутрь и пошел следом за хозяйкой по коридору. Персидский ковер, бордовые набивные обои, солидные напольные часы отбивали время, тик-пауза-так. Они поднялись по широкой лестнице (еще один персидский ковер, прижатый к ступенькам медными прутьями). На площадке свернули влево, прошли мимо комнаты, похожей на главную спальню. За ней, в конце застекленной веран-

ды, на массивном столе красовался гигантский компьютер.

— Да, она и правда была хорошо оснащена, — пробормотал Майка.

— Бабушка признавала только лучшее, — сказала Розали.

Она подошла к компьютеру, явно ожидая, что мастер последует за ней, но Майка направился к столу поменьше на другом конце веранды. Накрытый зеленой накладкой с кожаным обрамлением, с множеством ящичков, этот стол больше подходил даме. Майка положил куртку и сумку с инструментами на стул и приподнял накладку — под ней лежали разные бумажки.

— Знаю, — сказала Розали, подойдя к нему. — Выглядит многообещающе, да? Но это все визитки, чьи-то телефонные номера… — Она взяла в руки бледно-зеленую квитанцию, всмотрелась: — Наверное, надо при случае забрать ее вещи из химчистки.

— Вы знали, что вам предстоит все это унаследовать? — спросил Майка.

— Понятия не имела. Конечно, я единственная внучка, но я думала, она завещает все моему отцу. И вдруг: «Вот тебе, Розали, дом и вся обстановка и сорок фунтов столового серебра. В кухне плош-

ки-поварешки, в буфете фарфоровый сервиз». А я снимала убогую квартирку. Все имущество из грошовых магазинов. А теперь у меня электрическое фондю с разноцветными вилками.

— Вроде нейтронной бомбы, — пробормотал Майка себе под нос.

— Что-что?

— Бомбы, которая убивает все живое, а дома остаются. Я иногда задумываюсь об этом. Входишь в дом и говоришь: «Смотри, тебе оставили дорогую стереосистему. Коллекцию старых пластинок. Плазменный телевизор». Или еще не знаю уж что. Поначалу радуешься, но потом постепенно доходит, что ты остался один и не с кем все это разделить. Ты один, совсем один, и это не так уж приятно.

— Я тут не одна, — возразила Розали. — С десяток старых дам в округе носят мне пироги и печенье.

Майка переложил свои вещи на пол, сел на стул и выдвинул ящик стола. Запоздало спохватился:

— Можно, посмотрю?

— Сколько угодно, — махнула рукой она.

В ящике лежали марки, степлер и целлофановый пакет с резинками. Он выдвинул следующий ящик.

— Я думала, вы сможете как-то влезть внутрь компьютера, — сказала Розали. — Нажать тайную кнопку, повернуть скрытую шестеренку.

— Я вас предупреждал, — напомнил Майка. Он просматривал календарик — сувенир из музея искусств, на левой странице картинка, на правой — расчерченный на квадратики дней месяц. Все квадратики были пусты.

— Поразительно, но как компьютерные компании могут полагаться на простого пользователя? — сказала Розали. — Неужели не понимают, что люди вечно все забывают? Теряют, не записывают вовремя. Как можно сказать: «Вот вам, ребята, компьютер за тысячу долларов, но он будет совершенно и навсегда бесполезен, если забудете пароль».

— Скорее за пять тысяч долларов, — рассеянно откликнулся Майка. Он рылся в коробке с рождественскими открытками в стиле «Каррье и Айвз»[4]. Вытащил миниатюрную записную книжку — на обложке снеговик в цилиндре и тисненная золотом надпись: «Рождественские открытки, полученные и отправленные». Для

---

[4] Примечания: 4

Американская компания, выпускавшая в начале XX века, в частности, открытки-литографии знаменитых произведений искусства. Многие открытки раскрашивались вручную.

каждой буквы алфавита свои страницы. Майка открыл книжку наугад.

— «Джордж и Лора, интернет», — прочел он вслух. — Mildred63.

— Ой! Ой! — воскликнула Розали.

Майка перелистнул на букву «К».

— Компьютер Джуди, 1963mch.

— Вы гений!

Он вручил ей записную книжку.

— Простой фокус, которому учат на компьютерных курсах, — сказал он.

— Правда?

— Шучу. — Он наклонился, раскрыл сумку и достал книжечку квитанций.

Розали увлеченно листала страницу за страницей.

— «Джин и Джин, стенной сейф, — прочла она. — Три раза влево до 44, два раза вправо до…» Я даже не знала, что у нее есть стенной сейф. Интересно, где он.

— Думаю, вас ждут еще многие месяцы таких открытий, — сказал Майка, выписывая счет. — Каждый день — Рождество.

— Ох, Майка, я вам так благодарна. Поверить не могу, как здорово у вас получилось!

Он вырвал копию квитанции и вручил ее Роза-

ли. Застегнул сумку и выпрямился.

— Ну, — сказал он, — приятного владения компьютером Джуди!

— Жду не дождусь! — откликнулась Розали. Следом за Майкой она вышла с веранды, и они прошли через спальню. Спальня явно предназначалась не для молодой особы: кровать на четырех ножках, почти белое покрывало, то ли кружево, то ли плетение на коклюшках или еще как-то, на стене потемневшая картина — дитя, преклонившее колени в молитве.

— Теоретически, — сказал Майка, осмотревшись по сторонам, — вам больше ничего не придется покупать, кроме продуктов. Даже одежда вся новая. Замерзнете — пошарьте в шкафу и найдете свитер.

— Теоретически — да, — кивнула Розали, засмеялась и выдвинула ящик комода. Она извлекла оттуда гигантский бюстгальтер, серовато-розовый, с огромными, расшитыми по кругу чашками, — больше похоже на доспехи, чем на нижнее белье. Девушка приподняла этот предмет за обе бретельки. Даже в своей мешковатой водолазке она казалась до смешного маленькой на таком фоне.

— Та-дам! — сказала она и изобразила танец

эльфов на ковре. Майка невольно улыбнулся.

Внизу, в коридоре, она нырнула в кладовку и вернулась с кошельком.

— А кошелек откуда? — спросил он, пряча полученные купюры.

— В смысле — откуда?

— Ваш собственный или бабушкин?

— А, — сказала она. — Мой.

Майка и так уже догадался. Кошелек был маленький, изящный, сшитый из ярких кусочков искусственной кожи.

— Теперь вы знаете мой адрес, — сказала она ему, когда они вышли на крыльцо.

Он глянул на номер дома, недоумевая.

— И у вас есть мой телефон, — продолжала Розали. — Если вдруг захотите пообщаться.

— А, само собой, — сказал он. — Увидимся.

Он накинул куртку и пошел по подъездной дорожке к машине.

Дождь то прекращался, то снова моросил, приходилось включать дворники, машины ползли медленно. Майка добирался до дома вдвое дольше обычного. Доехав наконец, вышел из машины и снял с крыши магнитный знак. Кто бы теперь ни позвонил, пусть ждет до понедельника.

В кухне он поставил знак и сумку на пол, куртку

повесил на дверную ручку. Открыл холодильник, мгновение смотрел внутрь, снова закрыл. Для пива еще рано. Для еще одной кружки кофе поздно. Да ничего и не хотелось, ему скорее хотелось что-нибудь захотеть. По правде говоря, он сам не знал, почему так торопился домой.

Майка прошел в спальню, бросил бумажник и ключи в плошку на комоде. Просто так, не специально, выдвинул правый верхний ящик и заглянул в него. Ночная рубашка, щетка для волос…

Он задвинул ящик и с минуту подумал. Потом вынул из кармана мобильник и нажал на «КЭССИЯ СЛЕЙД» в списке любимых номеров.

— Алло? — сказала она.

Вопросительный тон — плохой признак, она же узнала номер, с которого ей звонят.

— Привет, — осторожно произнес он.

— О, привет, — откликнулась она.

Почувствовав облегчение, он как идиот повторил:

— Привет.

— Как дела? — спросила она.

— В порядке. — Он откашлялся и добавил: — Я подумал, может, завезти тебе твои вещи? Которые у меня в комоде лежат.

— А, — сказала она.

— Момент неподходящий? — спросил он.

— Да нет.

— В смысле, я могу отправить их по почте, если предпочитаешь.

— Нет, пожалуйста, привези.

— Хорошо, — сказал он. Секундная пауза. — Сейчас? — уточнил он.

— Можно и сейчас.

— Или ты бы предпочла, чтобы я заранее предупредил?

— Сейчас в самый раз, — сказала она, и ему послышалась легкая нота раздражения в ее голосе.

— Хорошо, — поспешно ответил он. — Буду у тебя через несколько минут.

— Ладно, — сказала она.

Он повесил трубку и уставился на собственное отражение в зеркале над комодом. Провел рукой по лицу, помял его так и сяк. Затем взял бумажник и ключи из плошки и направился в кухню за бумажным пакетом.

* * *

Улица, где живет Кэсс, была сплошь заставлена припаркованными у тротуара машинами. Люди проводят выходные дома, никому неохота вы-

совываться под дождь. Но Майке удалось найти свободное место в том же квартале, не слишком далеко. Он сложил очки, поднял капюшон парки, потом забрал с заднего сиденья пакет и направился к ее дому. Шагал быстро, сложив губы трубочкой, словно насвистывая, но на самом деле нет (почем знать, вдруг она следит за ним в окно).

В холле, как всегда, затхлый запах сухих цветов на боковом столике. Скрип ступенек под ногами напомнил Майке, сколько раз он спускался по ним на цыпочках, чтобы не угодить в объятия миссис Рао из нижней квартиры, — она обожала вовлекать случайных людей в беседу. Он поднялся на лестничную площадку и перекинул пакет в левую руку, чтобы правой постучать в дверь Кэсс.

Кэсс открыла с лейкой в руках. Одета в вельветовые брюки и белую мужскую рубашку, обычный ее наряд в выходные. И сразу все эти выходные вспыхнули в памяти: вот они вдвоем валяются на диване среди кучи газет, или вместе готовят какое-то блюдо, или смотрят сериал на «Нетфликсе». Вот только лицо у Кэсс было не очень-то приветливое. Казалось, ей не терпится покончить с этим.

Майка сказал:

— Привет.

А она все молчала.

— Вот, держи. — И он пихнул ей пакет.

Она взяла пакет и сказала:

— Спасибо. Необязательно было самому привозить.

— Да я сам так решил, — сказал он. — То есть…

— Правильно. Ящик надо освободить, пригодится. — Она заглянула в пакет. — Надо было мне сообразить и забрать все с собой, уходя.

— Как ты могла тогда сообразить? — удивился он.

— Почему нет?

— В смысле, ты же не знала, когда уходила, что больше не придешь? Или… погоди… или ты знала?

— Что? Разумеется, нет.

— Потому что мне-то казалось, у нас был идеальный вечер, — сказал он.

На лестничной площадке его голос отдавался эхом. Майка боялся, что миссис Рао услышит, и ему хотелось, чтобы Кэсс впустила его в дом. Но она так и стояла на пороге с пакетом одежды и лейкой.

— Напомни мне, пожалуйста, — сказала она. —

Речь о том самом вечере, когда ты посоветовал мне купить машину и жить в ней?

Майка почувствовал, как вспыхнули щеки.

— Это была шутка, — разъяснил он. — Глупая шутка, согласен. Мне следует извиниться. Понимаю, ты была в стрессе из-за квартиры. Не надо было тебя дразнить.

Майке всегда с трудом давались извинения, и Кэсс прекрасно это знала. Он затаил дыхание в надежде, что выражение ее лица хоть немного смягчится.

Но этого не произошло. Вместо этого Кэсс сказала:

— Нет, Майка, ты был полностью прав. Наверное, я и в самом деле, как ты выразился, пыталась поменять правила. И совершенно напрасно.

— Не беда, — сказал он.

И тут выражение ее лица действительно изменилось. Майка не сумел бы объяснить, как именно, только почувствовал, как что-то сдвинулось в самой атмосфере на той лестничной площадке. Кэсс сказала:

— Еще раз спасибо, что привез мои вещи. Пока.

И она отступила внутрь квартиры и закрыла дверь у него перед носом.

Целую минуту Майка стоял неподвижно, пока

не сумел взять себя в руки. Наконец повернулся и побрел вниз по лестнице.

Прежде чем выйти из дома, он снял с кольца и оставил на столике ключ. Больше не придется им пользоваться.

* * *

На Норзерн-парквей правая полоса была закрыта, на средней стояло несколько грузовиков дорожных рабочих, так что на единственной остававшейся свободной полосе образовалась пробка. Майка сидел в ожидании момента, глядя прямо перед собой между двигавшимися туда-сюда дворниками. Ждать пришлось так долго, что когда он услышал сигнал входящей эсэмэски, то решил посмотреть. Почем знать, вдруг это Кэсс? («Вернись! — могла бы она написать. — Не знаю, что на меня нашло».) Не сводя глаз с ветрового стекла, он вытащил из кармана телефон, нажал большим пальцем на кнопку меню, затем быстро глянул на экран.

Всего лишь Розали. «Угадайте что я нашла в сейфе 3 часов и самая жуткая брошь какую я видела в жизни павлин с изумрудами. Вот СМЕХ!»

Он снова уставился в ветровое стекло.

«Мама когда-нибудь брала тебя в детстве с со-

бой в магазин? — вот что ему хотелось спросить (спросить Розали? Спросить Кэсс?). — Тебе случалось идти за ней сквозь толпу в отделе, когда ты была так мала, что цеплялась за подол ее юбки и наступала на задники ее туфель? А потом — как такое могло случиться? — ты поднимала глаза и с ужасом видела, что это не твоя мама, а какая-то другая женщина, и волосы у нее другого цвета. Совсем не та, с кем ты хотела быть!»

Вот почему, когда наконец удалось тронуться с места, он сунул телефон обратно в карман, не ответив Розали.

7

К утру воскресенья дождь стих, но небо все еще было серовато-белым и в воздухе чувствовался привкус сырости. Майка бегал в джинсах вместо шорт и все равно не вспотел, тем более что ему приходилось огибать лужи и снижать скорость на мокрых листьях. А потому, вернувшись домой, он обошелся без душа, а поскольку был выходной, решил обойтись и без бритья и сидеть за завтраком сколько душа пожелает. Однако после завтрака так и не придумалось других способов побаловать себя. Посмотреть телевизор? Там сплошные ток-шоу. Почитать книгу? В доме не нашлось ничего нечитаного. Он начал раскладывать пасьянс, но, не закончив, бросил телефон экраном вниз на диван. Пошел в кабинет поработать над учебником, но даже предисловие показалось ему безнадежным. «Окей, стало быть, вы обзавелись компьютером» — так оно начиналось. Какой-то панибратский тон — искусственный, показалось ему, и постыдный.

Он решил сходить в книгообмен, подобрать какое-нибудь чтиво. Обычно он возвращал про-

читанную книгу, но сейчас не нашел ее и даже не смог припомнить название — вот как давно он ничего не читал. От правды не уйти: он лентяй.

Он все же вышел из квартиры, прошел через цокольный этаж и поднялся в холл. Но, выйдя на крыльцо, увидел стоявшую на обочине «скорую». Мигалка на машине вспыхивала, задние двери были открыты, и двое парамедиков загружали носилки, на которых плоско вытянулась Луэлла Картер, нижняя часть ее лица была закрыта какой-то маской. Донни Картер поглаживал жену по лодыжке, повторяя: «Дорогая, ты как? Ты как?» Маленький соседский мальчик заглядывал сквозь пассажирскую дверь, изучая приборную доску.

Майка подошел к Донни и спросил:

— Что случилось?

— Ей стало хуже, — сказал Донни. Он изначально был невысокий, жилистый, мельче своей жены, а за время ее болезни, казалось, усох и выцвел. — Я, наверное, мог бы ее сам отвезти, — сказал он, — но побоялся, вдруг у нее припадок какой и я выверну нас обоих в канаву.

— Подвезти вас до больницы?

— Не, я справлюсь. Спасибо, что предложили.

Они отошли на шаг и смотрели, как работники

«скорой» закрывают задние двери. Луэлла за все это время не произнесла ни слова — может, мешала эта маска, — но что-то в ее позе, в том, как руки были сложены на груди, подсказывало: она в сознании.

— Ладно, — сказал Майка. — Дайте мне знать, если я чем-то смогу помочь, договорились?

— Непременно. Еще раз спасибо, — ответил Донни и побрел в сторону парковки.

«Скорая» съехала с обочины, мигалка все еще вспыхивала, но сирена не включилась, и Майка решил, что это добрый знак. Маленький соседский мальчик разочарованно глядел вслед, пока машина не скрылась за углом. И тогда Майка заметил Бринка — юнец стоял у магазина секонд-хенд и смотрел на него.

Магазин секонд-хенд был без названия и вывески — лишь картонка из-под рубашки в витрине с короткой надписью «Подержанная одежда»; по выходным владелец всегда выставлял наружу прилавок с вещами, цены на которые были дополнительно снижены. Рядом с этим прилавком и стоял Бринк, на одной его руке висел синий пластиковый пакет из продуктовой лавки. Взгляд Бринка был прикован к Майке, но парень не улыбался и ничего не говорил.

— Бринк? — позвал его Майка.

— Привет, — откликнулся Бринк.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Майка, чуть повысив голос, чтобы преодолеть расстояние примерно в шесть метров.

Бринк сказал:

— А… — И помахал пакетом. Внутри какая-то скомканная ткань. — Мне одежда на смену понадобилась, — сказал он.

И правда, его белая рубашка посерела и смялась, воротник уже не торчал так бескомпромиссно сзади. Даже вельветовый блейзер, казалось, пообтрепался.

— Ты всю неделю не вылезал из этой одежки? — спросил Майка.

Меньше всего ему хотелось знать это — сам не понимал, зачем спросил. Но Бринк воспринял его вопрос всерьез.

— Я купил новую рубашку, — сообщил он. Полез в пакет и вытянул травянисто-зеленую рубашку из джерси с белой надписью поперек груди: Я ВЫРОС.

— Вырос? — удивился Майка.

— Лишь бы с длинным рукавом. Большего не требуется.

Парень запихал рубашку обратно в пакет. Он

все еще соблюдал дистанцию, и Майка — действуя осторожно, словно Бринк был пугливым бездомным зверьком, — тоже не приближался. Даже отвел взгляд и предложил:

— Хочешь, сварю тебе кофе?

— Еще бы, — сказал Бринк.

И подошел, уже не такой пугливый, помахивая пластиковым пакетом.

Майка внутренне взбодрился — у него вдруг появилась цель. Он повел паренька в дом, на ходу соображая, как незаметно для Бринка известить Лорну. И более того — удержать его, пока она не приедет. На лестнице он пропустил Бринка вперед, а то вдруг надумает развернуться и сбежать, и болтал без остановки, отвлекая внимание:

— Это Луэлла Картер. Которую увезли на «скорой». Живет в моем доме. У нее рак.

— Вот как?

— Да. И я предложил ее мужу довезти его до больницы, но он сказал…

Они миновали служебные помещения. Майка шагнул вперед, чтобы отпереть дверь, а Бринк воспользовался паузой, чтобы зачем-то заглянуть в свой пакет.

— Я еще боксеры собирался купить, но не нашел, — сообщил он Майке.

— Ну да, я думаю, вряд ли…

Майке показалось, кое-что в гостиной предательски открывает его чужим взглядам: бесцельно проведенные часы и скука висели в воздухе, словно запахи, оставшиеся после готовки. Но Бринк вроде бы ничего не заметил, он снял блейзер и кинул на ближайший стул, как только вошел в кухню. Пакет с покупками он плюхнул на стол, затем расстегнул две верхние пуговицы рубашки и стащил ее через голову.

— Готов сжечь эту рубашку! — сказал он Майке. Вытащил из пакета новую, из джерси, натянул ее, с трудом просунув голову в воротник, потом нежно расправил на себе рукава.

— Нравится? — спросил он Майку.

— Неплохо смотрится.

Майка принялся наливать в перколятор воду из-под крана.

— Там, где я жил, одежда не продавалась, — сообщил Бринк. — Ни новая, ни подержанная, никакая. Только бухло и сигареты в основном. И бензин для машины. Газировка. Лотерейные билеты. Картофельные чипсы со вкусом краба.

— Где это? — спросил Майка.

— Что?

— Где ты жил?

— «Эль Хамид»? «Эль Хаджиб»? «Эль» что-то такое, не помню точно.

— Отель?

— Скорее, мотель. Да и не совсем мотель. На вывеске написано: «Европейский стиль», но это значило, что одна душевая на весь этаж. Отсюда неблизко. В сторону Вашингтона.

— А как… — Майка старался ступать осторожно, на цыпочках, — как ты передвигался по городу?

— Ловил такси.

— Ловил такси, вот оно что.

Майка покачал головой. Насыпал молотый кофе в перколятор.

— Я же не мог пользоваться «Убером», — пояснил Бринк. — Если пользуешься карточкой, оставляешь след.

Вырос, мысленно произнес Майка. Да уж. Но вслух спросил:

— Работу не искал?

— Работу?

Майка включил наконец перколятор и обернулся к Бринку.

— Послушай, — сказал он. — Вот что я собираюсь сделать. Я позвоню твоей маме, чтобы она приехала за тобой.

— Нет! — сказал Бринк.

Но по лицу его — безошибочно — разлилось явное облегчение.

— Ты ведь не хочешь, чтобы мама переживала? — вопросил Майка (о да, он умел пускать в ход дипломатию, когда надо). — Это ее просто убивает.

— Она так и сказала? — спросил Бринк.

— И говорить не надо. Сразу видно.

Бринк пристально всматривался в него.

Вблизи Майка заметил над верхней губой паренька отдельные черные волоски — там и сям, разрозненные, редкие, мальчику еще не требуется бриться каждый день, хотя и не помешало бы. И кожа под глазами серая, как будто Бринк не выспался.

Майка решительно вынул из кармана телефон и набрал номер Лорны.

Она ответила прежде, чем раздался гудок, словно так и ждала его звонка, не смея даже вздохнуть.

— Майка? — спросила она.

— Привет, Лорна, передаю трубку Бринку.

Не дожидаясь ее реакции, он протянул свой телефон Бринку. Парень попятился, делая обеими руками странные движения крест-накрест перед грудью.

— Нет, — одними губами выговорил он, — нет.

Майка снова прижал телефон к уху.

— Видимо, пока не передаю, — сказал он Лорне.

— Что? Но он же здесь, да? — спросила она. — Он у тебя?

— Верно.

— И с ним все в порядке?

— Ага.

— Придержи его. Я уже еду, — сказала она и нажала отбой.

Майка засунул телефон в карман,

— Теперь ей станет спокойнее, — сказал он Бринку.

— Что она сказала?

— Если ты хотел знать, что она скажет, надо было самому с ней поговорить.

— Она спросила, как я? Она сердится? Повторите мне ее слова точь-в-точь.

Майка закатил глаза.

— Что? А папа с ней? Вы не знаете, он был рядом?

— Все, что я знаю: она просила задержать тебя здесь, пока она не приедет.

— Она уже едет?

— Так она сказала.

— Судя по голосу — она очень злится?

— Бринк, я не стану гадать. Договорились? — сказал Майка. И добавил: — Мне кажется, главным образом она беспокоится за тебя.

— Ага, как же, — сказал Бринк.

— Ты мне не веришь?

— Ой, все думают, она такая понимающая, сочувствующая, — сказал Бринк. — Но она умеет осудить человека — осудить и приговорить, можете мне поверить.

Для Майки это не было такой уж неожиданностью. Ему внезапно припомнилось, как Лорна когда-то пропесочила его за излишнее употребление пива, какое заботливое выражение напустила при этом на лицо. Как наслаждалась звуком собственных слов, своей правотой, когда выговаривала ему: «Моя вера не позволяет мне просто стоять в стороне и смотреть, как ты губишь свою жизнь, Майка!» «Моя вера». Он чувствовал укол чего-то похожего на ревность каждый раз, когда слышал от нее эти два слова. На миг он готов был занять сторону Бринка. Но тут парень спросил:

— Почему все на свете меня критикуют?

— Да уж, загадка, — откликнулся Майка.

— Родители, дед, даже чертов тренер по ла-

кроссу.

Майка снял с крючков две кружки и поинтересовался:

— Ты из-за тренера по лакроссу сбежал из университета?

— Что? Нет. Тренер в старших классах.

— Так почему ты сбежал из университета? — спросил Майка, стоя спиной к гостю, чтобы не проявлять лишнюю заинтересованность.

— Просто надумал и уехал — окей?

Майка поставил на стол сахарницу.

Бринк копался в телефоне. Результат его, по-видимому, разочаровал.

— Пришлось купить какой-то отстойный провод, — сообщил он Майке, пряча телефон в карман. — Мобильник заряжается втрое дольше, чем через прежний.

Майка цокнул языком.

Перколятор затрясся в последнем припадке. Дождавшись завершения, Майка разлил кофе по кружкам и одну протянул Бринку.

— Спасибо, — сказал Бринк. Подошел к столу насыпать сахара, но садиться не стал. — Можно телевизор посмотреть? — спросил он Майку.

— Ни в чем себе не отказывай, — сказал Майка.

По крайней мере, это поможет удержать его тут до приезда Лорны, подумал Майка, глядя вслед парню. Впрочем, кому он дурит голову? Паренек только и мечтает о том, чтобы его удержали. ВЫРОС он или нет, но к самостоятельной жизни совершенно не готов.

Из кабинета донеслось бормотание телевизора. Сначала бубнеж взрослых голосов, обсуждавших что-то серьезное, потом какая-то дерганая музыка — наверное, мультфильм. Майка принялся наводить порядок в кухне, время от времени прихлебывая кофе. Допив, пошел в кабинет и застал Бринка не на диване, как ожидал, а возле компьютера. Парнишка листал «Первым делом подключи», а двое детей на экране телевизора болтали о хлопьях к завтраку.

— Это вы написали? — спросил Бринк.

— Ага.

— И часто ее покупают?

— Бывает.

Бринк закрыл книжку и присмотрелся к обложке.

— В видеоиграх разбираетесь? — спросил он.

— Не очень.

— Даже не играете?

— Мне не нравится, когда всякие штуки носят-

ся по экрану, — сказал Майка. — Выпрыгивают на меня не пойми откуда. Внезапно. Неорганизованно.

— Вот оно что, — задумчиво сказал Бринк, словно врач, оценивающий симптомы пациента.

— Но одно время я баловался тетрисом.

— Тетрисом!

— Знаешь, там нужно правильно укладывать кирпичики…

— Я знаю, что это, — перебил Бринк. — Но это такая старомодная штука, я бы даже не назвал ее видеоигрой.

— Ну, однажды эти ваши новомодные *Fortnite* и тому подобное устареют, — сказал Майка. — Да и вообще когда-нибудь все видеоигры исчезнут. И компьютеры тоже. Хакеры их все взломают, а мы вернемся к бумажной почте и покупкам в реальных магазинах, и мир вновь будет вращаться на нормальной скорости.

— Это какой-то бред, — сказал Бринк.

— Вот видишь, как удачно, что я не твой настоящий отец, — сказал Майка.

— Ага. Учитывая, что мой псевдоотец обожает видеоигры.

— В самом деле?

— Это была шутка.

— А! — откликнулся Майка, слегка удивившись тому, что Бринк способен шутить.

Он глянул на часы. 11:20. Сколько было, когда он позвонил Лорне? Ровно 11? Больше?

Время, похоже, уже замедлилось.

Он присел на край дивана и глянул на экран телевизора. Бринк щелкал пультом, переключая каналы. Ненадолго остановился на автогонках, снова двинулся дальше. Промелькнул черно-белый фильм сороковых, наверное, годов, мужчина и женщина спорили напряженными металлическими голосами сороковых годов, будто находились на сцене. Бринк выключил телевизор и сел рядом с Майкой. Неожиданно настала тишина — благодать.

— Так о чем вы с ней говорили? — спросил Бринк.

— В смысле?

— Когда мама приехала сюда меня искать. Вы с ней поговорили о добрых старых днях?

— Вообще-то нет, — сказал Майка.

— Я думал, вы обсудите, не следовало ли вам тогда остаться вместе.

— Об этом разговор не заходил, — кротко ответил Майка.

— А кто кого бросил — вы ее или она вас?

— Я забыл.

Бринк осел на стуле.

— Думаю, это она, — сказал он наконец. — Судя по тому, как она об этом сказала: что она думала, вы ее любовь на всю жизнь, — думала «в то время». Значит, потом она разочаровалась.

Майка не отвечал.

— Хотя, — добавил Бринк, — так можно сказать и когда твоя гордость уязвлена, оттого что бросили тебя, — думаю, так тоже может быть.

— Как насчет ланча? — спросил Майка.

— Ланча?

— Ты хочешь есть?

— Я умираю с голоду.

— Отлично! Сейчас сделаем! — Майка вскочил на ноги. — Амбу-уг-эр, как насчет амбу-уг-эр?

— А?

— Гамбургер. Се ля франс, — пояснил Майка. Он взбодрился теперь, когда у него появилась понятная задача.

Он поспешил в кухню, Бринк плелся следом. Майка вынул из холодильника фарш.

— Теперь овощ, — скомандовал он самому себе, шаря в холодильнике.

— Вы что-то такое добавляете в бургеры? — спросил Бринк.

— О, ни-икогда! — заверил его Майка.

— Тогда что же в них французского?

— Я просто люблю говорить по-французски, когда готовлю.

Бринк глянул на него с подозрением.

— Боюсь, булочек-то у нас и нет, — признался Майка. Он нашел в ящике для овощей несколько морковок и полкочана салата, положил их рядом с фаршем. — Я купил фарш для спагетти. Но не уверен, понравится ли тебе мой секретный рецепт.

— Что за секретный рецепт? — спросил Бринк.

— Один из ингредиентов — консервированный томатный суп.

— Гадость.

– *Potage à la tomate!*[5]

— Вы очень странный, — сказал Бринк. Он шлепнулся на кухонный стул — тот, который не был завален его одеждой, — вытащил из кармана телефон и посмотрел на экран. Похоже, ничего интересного там не обнаружил. Сунул мобильник обратно в карман и откинулся на стуле, балансируя на задних ножках.

— Как думаете, она привезет с собой папу? —

---

[5] Примечания: 5
Томатный суп (*фр.*).

спросил Бринк.

— Понятия не имею, — ответил Майка, формируя котлеты из фарша.

— Потому что мама не любит водить. Она могла попросить его сесть за руль.

— Или он сам захочет приехать, потому что тоже волнуется за тебя, — сказал Майка.

— Вот уж на это я бы не рассчитывал.

У Майки зазвонил телефон. Стул Бринка с грохотом опустился на передние ножки, парень выжидательно, с тревогой уставился на Майку. «Д. Л. КАРТЕР», — прочел Майка на экране и сказал в трубку:

— Привет, Донни.

— Привет, Майка.

— Как Луэлла?

— Хорошо. Дыхание выровнялось. Чувствую себя глупо — зачем притащил ее сюда.

— Нет, это было вовсе не глупо.

— Решил дать тебе знать, ты же стоял рядом и все такое. Подумал, ты беспокоишься.

— Точно, — сказал Майка и почувствовал себя виноватым, потому что на самом деле не беспокоился. — Рад слышать, что обошлось.

— Спасибо тебе. Ты очень хороший человек, Майка.

— Ой, не надо. Береги и ты себя, слышишь?

— Постараюсь, — сказал Донни.

Майка еще немного подумал и сказал:

— Ну, тогда, наверное, до свидания.

— До свидания, — ответил Донни.

Майка положил телефон.

Надо было спросить, оставляют ли Луэллу в больнице на ночь, запоздало сообразил он.

Иногда, общаясь с людьми, он чувствовал себя так, словно кинул монету в один из тех игральных автоматов, где нужно ухватить щипцами приглянувшийся приз, но эти клешни слишком неуклюжи, и управлять ими приходится со слишком большого расстояния.

Майка посыпал сковороду солью, подкопченной в дыму древесины гикори (бросив быстрый взгляд на Бринка, чтобы убедиться, что тот не смотрит), подождал, пока сковородка нагрелась, выложил на нее котлеты. Начал чистить морковь. Сковорода шипела так громко, что Майка не расслышал, как Бринк что-то сказал.

— Что-что? — переспросил Майка.

— Я люблю, чтоб котлета в бургере была хорошо прожарена.

— Беру на заметку, — сказал Майка.

— То есть если вас это интересует.

— Ладно.

Недолгое молчание. Сковородка шипела и плевалась.

— Наверное, вы считаете меня богатеньким избалованным юнцом, — сказал Бринк.

Майка посмотрел на него.

— Верно? — спросил Бринк.

— Есть такое.

— Думаете, мне следовало пойти на стройку, — так вы думаете?

Майка положил очищенную морковь на разделочную доску и потянулся за ножом.

— Но это не моя вина, что мои родители не сидят на пособии.

Майка нарезал морковь кружочками, высыпал их в миску. Затем сказал:

— Когда твоя мама ждала тебя, ей пришлось просить помощи у церкви, чтобы ей нашли жилье. Пришлось несладко: она писала диплом, ждала ребенка, и у нее не было ни мужа, ни родных. Некому было ее поддержать.

— Что? Откуда вы знаете?

— Она мне рассказала. А ты никогда не спрашивал?

— Нет…

— А теперь ты сводишь ее с ума, потому что в

этом твоем полностью оплаченном университете — что случилось-то? Тебя не приняли в какое-то крутое братство или что?

— Я попался на списывании, — сказал Бринк.

Майка, нарезавший листья салата, остановился и снова оглянулся на паренька.

— Я купил доклад в интернете, и меня поймали на этом, — сказал Бринк. — У моего преподавателя есть какая-то программа, она распознает скачанное из интернета. Кто бы знал, да? И вот замдекана по работе со студентами велел мне отправляться домой и признаться во всем родителям, а потом мы все вчетвером обсудим это у него в кабинете. Обсудим, «как будем строить мое будущее в университете», так он выразился. «Если это будущее состоится», так он сказал. То есть меня могут исключить. За первый же проступок! За паршивую семестровую работу! Ну, я поехал домой и никак не мог признаться. Я же знал, как мама сделается вся такая огорченная, а папа заведется, как будто я облажался им назло. Начнет: «Как ты мог так поступить с нами, сын? Есть у тебя хоть какое-нибудь оправдание? Элементарная студенческая работа, — скажет он, — стандартное эссе для первокурсников на самую простую тему!»

— Что за тема? — поинтересовался Майка.

— Ральф Уолдо Эмерсон. Умение полагаться на себя.

Майка поспешно отвернулся и принялся переворачивать котлеты.

— Каждое утро я вставал и говорил себе: сегодня я им все расскажу. Решил рассказать маме, а она пусть сама скажет папе. Но я никак не мог себя заставить и просто сбежал. Хотел перекантоваться у друга, который сейчас учится в универе имени Вашингтона, но он весь погружен в свою, типа, личную жизнь, и я поехал сюда, потому что больше ничего придумать не смог.

— В третьем классе я забыл, как пишется «дышит», — сообщил ему Майка. — У нас была контрольная на глаголы второго спряжения, надо было знать исключения, но почему-то, сам не знаю, «дышИт» показалось мне неправильным. И я поднял глаза на часы, и зевнул, и чуть повернул голову, и подсмотрел, как написал это слово мой сосед. Такки Смит — никогда не забуду.

— Вот видите? — сказал Бринк. — Теперь вы понимаете, почему я думал, что вы мой отец.

— Нет, постой, я другое хотел сказать: наверняка что-то в этом роде когда-нибудь случалось с каждым. Думаешь, твои родители никогда не

мухлевали?

— Мама точно нет, — сказал Бринк.

— Хм…

— Может, и папа нет, или, во всяком случае, он бы никогда не признался. «Адамсы не мошенничают, — сказал бы он. — Ты подвел нас всех, сын».

— Хорошо, — сказал Майка, — а ты ему скажи: «Я знаю это, и самого себя я тоже подвел, но я больше никогда так не поступлю». Потом вы все отправитесь в кабинет декана, выслушаете нравоучение и покончите с этим. Потому что, пари держу, исключить они тебя не исключат. После первого проступка — ни за что.

— Но мне могут поставить ноль баллов по этому предмету, — заметил Бринк.

— И что? Придется пересдать. Случаются вещи и похуже.

Майка выложил на тарелку первый бургер, средней прожарки, для себя, а второй вернул на плиту.

— Послушайте, — сказал Бринк, — а можно, я буду жить здесь, у вас?

— Извини, приятель.

Перемешивая салат с готовой заправкой, Майка ждал, что Бринк попробует уговорить его. Но

парень не стал спорить. Притих. Вероятно, Бринк знал, что ответит Майка, еще до того, как задал свой вопрос.

* * *

Ланч был доеден и посуда вымыта (Бринк неуклюже ее вытирал), когда наверху наконец задребезжал звонок. К тому времени Майка уже сидел на диване в гостиной с воскресной газетой и притворялся, будто читает репортаж со вчерашнего матча Мировой серии по бейсболу, хотя не болел ни за ту, ни за другую команду, а Бринк вернулся в кабинет и, судя по доносившимся оттуда звукам, смотрел какой-то боевик.

«Ж-ж-ж» — дребезжал звонок. Это было больше похоже на глухое рычание или на жужжание обозленной, приставучей осы. Звонок верещал так, что его наверняка было слышно в кабинете, но оттуда не доносилось ни шороха.

— Бринк! — позвал Майка.

Единственный ответ — автоматная очередь.

— Бринк!

В конце концов Майка встал, вышел и поднялся по ступенькам в холл. Открыв дверь, он обнаружил на крыльце не только Лорну, но и тощего бородатого мужчину, стоявшего вплот-

ную за ней.

— Он здесь? — спросила Лорна. Она смотрела мимо Майки — нетерпеливо, с надеждой. — Он все еще у тебя?

— У меня, — сказал Майка.

Сегодня она приехала в неофициальном наряде, в слаксах и свитере грубой вязки, а муж поверх парадной рубашки надел кардиган. Он выглядел не таким уж снобом, более мягким, чем представлялось Майке. Под глазами уже появились мешки, и в бороде мелькала седина.

— Роджер Адамс, — произнес он, протягивая руку, и Лорна спохватилась:

— Ох, извини! Майка, это Роджер. Роджер, это Майка.

— Заходите, — пригласил Майка. — Бринк смотрит телевизор.

Он повернулся и повел их через холл, потом вниз по лестнице и через прачечную и бойлерную. Одна из стиральных машин работала, пахло сыростью и порошком, но Майку уже не волновало, как тут что выглядит. Ему вдруг пришло в голову, что Бринк мог воспользоваться моментом и удрать через заднюю дверь, но, войдя в квартиру, они застали парня на пороге кабинета. Телевизор продолжал орать у него за спиной. В

руке Бринк держал пульт так, словно надеялся выключить им родителей и Майку, и на лице его застыло воинственное выражение.

Лорна вскрикнула:

— Милый! — и бросилась к нему, обняла, прильнула.

Бринк через плечо матери неотрывно смотрел на отца, но все же погладил ее по плечу свободной от пульта рукой.

— Привет, мам, — поздоровался он. — Привет, пап.

— Сынок, — кивнул ему Роджер. Он держался поближе к Майке и не вынимал руки из карманов брюк.

— С тобой все в порядке? — спросила Лорна Бринка, отступив на шаг. Заглянула ему в лицо. — Ты похудел? Да, похудел. Что это на тебе надето, боже мой!

Бринк пожал плечами.

— Все нормально, — сказал он ей.

— Когда ты в последний раз брился? Ты что, бороду отращиваешь?

— Лорна, — произнес Роджер.

— Что такое? Я просто спрашиваю, — сказала Лорна. И снова набросилась на Бринка: — Мы из-за тебя чуть с ума не сошли! Чем ты питался?

Где ты жил?

— Дай ему хоть слово вставить, Лорна, — посоветовал Роджер.

— О чем ты говоришь? — развернулась она к нему. — Да я же просто умоляю его сказать хоть слово!

— Хватит, Лор!

— Пойду, это, телевизор выключу, — пробормотал Майка и зашел в кабинет. Женщина шагала по пляжу, а мужской бестелесный голос на головокружительной скорости перечислял возможные побочные действия рекламируемого лекарства. За неимением пульта Майка нажал кнопку на телевизоре и, выждав еще немного, вернулся в гостиную. Там ничего особо не изменилось. Роджер так и не вынул руки из карманов, а Лорна обвила рукой левую руку Бринка.

— Сначала мы думали, ты ночуешь у кого-то из друзей, — рассказывала она, — но все твои друзья разъехались по университетам, и мы не могли…

— Как насчет кофе? Кто-нибудь хочет? — спросил Майка. — Давайте сварю на всех.

Сначала никто не откликнулся. Потом Роджер сказал:

— Очень любезно с вашей стороны, Майка.

Майка пошел на кухню, желая предоставить

семейству хоть какую-то приватность. Но почему-то они все последовали за ним по пятам. Лорна продолжала:

— Я хотела позвонить кому-то из родителей твоих друзей, но твой отец сказал…

Майка взял перколятор и принялся наполнять его водой над раковиной. Роджер стоял рядом и следил за процессом словно завороженный.

— Я понимала, что он прав, но была вне себя, я понять не могла, что же…

Майка насыпал кофе в отделение перколятора, закрыл крышку и воткнул вилку в розетку. Обернувшись, он увидел, что Лорна все так же цепляется за Бринка, не сводя глаз с его лица и продолжая говорить; Бринк положил пульт на стол и косился в сторону.

— Почему ты приехал *сюда*, сынок? — спросил Роджер, дождавшись наконец паузы.

Бринк повернулся к нему. В первое мгновение казалось, что он не ответит, но потом парень сказал:

— Я запомнил, что в соседнем доме продают подержанную одежду, а мне нужно было что-то надеть.

— Что? Нет, я хотел понять, почему ты приехал в Балтимор. Почему к Майке?

— Я думал, он мой отец, — сказал Бринк.

Для Лорны это уже не было неожиданностью, но Роджеру она явно ничего не рассказала.

— Твой отец! — повторил он.

— У нас с ним есть немало общего.

— У тебя есть немало общего с Майкой, — задумчиво повторил Роджер.

Майка замер. Кажется, его собираются оскорбить.

— С человеком, который сам зарабатывает себе на жизнь, — продолжал Роджер. — С самостоятельным, самодостаточным человеком. Который, я так понимаю, работает изо всех сил и не рассчитывает на подачки.

Бринк тупо таращился на отца.

— Извини, сынок, — подытожил Роджер. — Не вижу никакого сходства.

И Бринк, словно с самого начала так все и запланировал, высвободился из-под материнской руки, повернулся к незапертой задней двери и вышел. Дверь осталась приоткрытой у него за спиной, внутрь хлынули свет и холодный воздух.

— Ох, Роджер! — вскрикнула Лорна. — Бринк, вернись! Верни его, Роджер!

И она сама побежала за сыном, сбив по дороге кухонный стол. Еще шире распахнула дверь, и

каблуки ее застучали по ступенькам.

Роджер обернулся к Майке.

— Прошу прощения, Майка, — сказал он.

— Все в порядке, — сказал Майка.

— Надеюсь, мы не испортили вам выходной.

— Нет, у меня не было никаких планов.

Роджер протянул руку. Майка не сразу понял, что предлагается прощальное рукопожатие. И Роджер ушел, нисколько не спеша. Он единственный догадался прикрыть за собой дверь.

Майка постоял тихонько, прислонившись к кухонному шкафчику. А чего он, собственно, ждал? Трогательного воссоединения семьи? Всеобщих объятий посреди его кухни?

Он подобрал пульт, собираясь вернуть его в кабинет. Но тут заметил на стуле одежду Бринка — заношенную белую рубашку и мятый блейзер. Он положил пульт на место. Собрал вещи в охапку и распахнул заднюю дверь.

— Эй! — крикнул он, задрав голову к верхней площадке лестницы.

Ответа не было.

Он поднялся по ступенькам, выглянул на парковку. Навстречу ему неторопливо шла Лорна, скрестив руки на груди.

— Они разговаривают, — пояснила она, при-

близившись. — Роджер попросил оставить их на минуту.

— Бринк забыл свои вещи, — сказал Майка. Он показал одежду, и Лорна взяла ее. — Заходи, я все-таки напою тебя кофе, — предложил он.

— Не хочу тебе мешать.

Об этом уже поздновато было беспокоиться, но Майка ничего такого не сказал. Он указал на ступеньки и чуть отступил, давая Лорне пройти. Спускаясь по лестнице, она, словно не замечая, что делает, прижала одежки Бринка к носу и глубоко, взатяг вдохнула его запах.

В кухне она села на стул, одежду Бринка положила на стол. Майка захлопотал, выставляя кружки, выкладывая две ложки и две салфетки.

— Я готова прямо пристрелить Роджера! — сказала она.

— А?

— Ко всему придирается. Сейчас не время мелочиться!

— Ну да…

— Обидно, что ты не видел его в лучшей форме, — сказала она. — Так-то он очень приятный человек.

— По правде говоря, он мне понравился, — сказал Майка.

— В самом деле? — спросила она. А потом сказала: — Мне показалось, ты тоже ему понравился.

— Судя по твоему тону, тебя это удивило, — сказал Майка.

— Нет-нет. — Она присмотрелась к нему. — Как ни странно, в чем-то вы весьма похожи, — сказала она.

— Ага, — сказал он. — Не считая того, что он корпоративный юрист, а я чуть повыше ремесленника. Такого рода мелочи. У него собственный дом, а я живу почти что в подвале. У него жена и трое детей, а я одинок.

— Не навсегда же! — перебила она. — Уверена, ты кого-нибудь себе найдешь.

— Что-то мне уже кажется, вряд ли, — сказал он.

— Очень печально такое слышать.

До этой минуты Майка стоял у рабочего столика, но теперь подошел и плюхнулся на стул напротив стула Лорны.

— А знаешь почему? — спросил он.

— Нет. Почему?

— Это не риторический вопрос. Не знаешь ли ты, что со мной не так, что отпугивает в конце концов женщин?

— Отпугивает? Ты вовсе не отпугиваешь жен-

щин!

— Не сразу, но потом да, — сказал он. — Поначалу все вроде бы прекрасно, а потом… Не понимаю, что происходит. На меня начинают эдак искоса поглядывать. И ведут себя так… Несколько рассеянно. Как будто спохватываются вдруг, что им бы хотелось быть в другом месте, а не здесь.

— Не могу поверить, чтобы так было на самом деле, — сказала она.

— Так это было с тобой, — сказал он.

— Со мной! Это ты порвал со мной.

— Это ты поцеловала Ларри Эсмонда, — сказал он.

— Господи боже, Майка! Ты снова про Ларри Эсмонда?

— Только что я был любовью всей твоей жизни, а назавтра ты уже целуешься с Ларри.

Она сложила руки на столе и подалась к нему, лицо очень серьезное (в этот миг он мог бы вообразить, как себя чувствуют ее клиенты).

— Послушай, — сказала она. — Я тебе уже это говорила и готова повторить. Ларри ничего не значил для меня. Он был такой тихий мальчик из моего семинара по Библии, я с ним и парой слов до того случая не перекинулась. Но в тот день я шла через кампус, настроение было на

нуле, а Ларри шел навстречу и, когда оказался рядом, остановился и сказал очень тихо: «Лорна Бартелл». Как будто мое имя представляло для него какую-то ценность. Не улыбнулся, не помахал мне рукой, у него было такое торжественное лицо, он заглянул мне в глаза и сказал: «Лорна Бартелл». Как будто он увидел меня по-настоящему, увидел мое внутреннее «я». И я тоже остановилась и сказала: «А, Ларри». Потому что у нас с тобой в тот момент дела не ладились, и я чувствовала себя немного несчастной.

— У нас не ладились дела? — спросил Майка.

— Но поцеловались мы не нарочно! То есть я — не нарочно! Я только хотела кому-нибудь рассказать, что меня беспокоит, а он вроде бы готов был выслушать. Он сел на скамейку рядом со мной и позволил мне изливать душу. А потом, не знаю, как-то наклонился ко мне и поцеловал, и это было так неожиданно, что я на миг позволила ему. Но когда я тебе попыталась это объяснить, ты не захотел мне поверить. Отказался допустить, что человек может иногда… чуточку оступиться.

— Я не знал, что у нас не ладилось, — сказал Майка.

— Я была несчастна, — сказала она.

— Ты была несчастна?

— Майка, — сказала она. — Помнишь, как ты потерял в парке велосипед, когда тебе было двенадцать?

— Двенадцать! Мы с тобой еще не были знакомы, когда мне было двенадцать!

— Не были, но ты много рассказывал мне про тот велосипед. С десятью скоростями, помнишь? И такие элегантные узкие шины, а не обычные надувные.

— Помню, — сказал он угрюмо. Это было не самое приятное в его жизни воспоминание.

— Тебе подарили его на день рождения, пришлось долго клянчить и упрашивать. Ты обещал ничего в жизни больше не просить, пусть не дарят тебе ничего на Рождество и на следующий день рождения. Несколько недель спустя ты поехал в парк покидать с приятелями мяч в корзину. Ты увлекся игрой, играл, пока не стемнело, а потом пошел туда, где оставил велосипед, — но его там уже не было.

Майка горестно покачал головой.

— Одна из главных трагедий моей жизни, — сказал он, и это было лишь наполовину шуткой.

— Но как ты мог забыть о нем? Как ты мог оставить велосипед на полдня и забыть? Разве ты не должен был думать о нем каждую минуту,

ведь ты так долго о нем мечтал? Но нет, к тому времени ты уже привык иметь велосипед. Теперь, когда он был твой, ты начал подмечать его недостатки — скрипучий тормоз, или царапину на краске, или еще что-то, — и он уже не был тебе так дорог.

— Не в том дело, что он не был мне дорог, — возразил Майка.

— В общем, — гнула свое Лорна, — я — тот велосипед, который ты забыл в парке в то лето, когда тебе исполнилось двенадцать.

Майка сморгнул.

— Я уже не казалась тебе такой прекрасной, — пояснила она. — Ты стал придираться ко всему, что я говорила, ты скучал, если я говорила слишком долго, ты вел себя так, словно любой оказавшийся рядом человек для тебя важнее, чем я. Ты перестал меня ценить.

— Я перестал?

— И когда случилась эта история с Ларри, когда я пыталась тебе объяснить, как это вышло, ты словно обрадовался такому предлогу. «Нет, — сказал ты мне, — остановимся на этом. Мы больше не вместе». Я сказала: «Майка, пожалуйста, не надо все уничтожать», но ты просто ушел, и я никогда больше тебя не видела.

— Погоди, так, по-твоему, это что, была моя вина? — спросил он.

Но в ту же минуту воспоминание прозрачной шалью опустилось на Майку. Да, действительно, рядом с Лорной он начал тогда ощущать какое-то смутное недовольство и подозревал, что и она тоже стала замечать его изъяны. В нем росло ощущение — теперь Майка отчетливо вспомнил, — что это не та идеальная любовь, какую он себе воображал.

— Но бог с этим со всем! — вдруг приободрилась Лорна. — Это ведь все давно миновало, верно? Ты построил собственную жизнь — неплохую, судя по всему, — и я искренне верю, что однажды ты найдешь себе подходящую пару. А я нашла подходящую мне пару, и у меня трое детей, моя гордость и радость, пусть один из них сейчас и проходит через трудный период. Но я знаю, у него тоже все будет хорошо.

— Конечно, будет, — рассеянно отозвался Майка. Он все пытался приспособиться к этому альтернативному видению прошлого.

Лорна откинулась к спинке стула. Она взяла со стола блейзер Бринка, подержала его перед собой, встряхнула, избавляясь от заломов, и аккуратно сложила.

— Иногда, — задумчиво сказала она, — оглядываешься на свою жизнь и почти веришь, будто она была уготована заранее. Такая ровная прямая тропа, по которой ты должна была пройти, даже если поначалу казалось, будто на ней сплошь кочки да колючки. Понимаешь?

— Ну… — сказал Майка.

— Так расскажи! — Она отложила блейзер в сторону. — Слыхал ли ты что-нибудь о…

В заднюю дверь постучали — три твердых удара, явно Роджер, а не Бринк. Но когда Майка поднялся и открыл дверь, он обнаружил там их обоих — Бринка рядом с отцом.

— О, привет, — сказал Майка.

Они оба молчали. Бринк хмурился, смотрел в пол, в Роджер не сводил глаз с Бринка даже в тот момент, когда подвинулся, чтобы позволить Майке запереть дверь.

— Добро пожаловать! — вскричала Лорна. Она вскочила из-за стола и крепко сжимала перед собой руки.

Роджер сказал:

— Сынок?

— Собираюсь с духом, — ответил ему Бринк.

Он шагнул к Лорне. Наконец-то он поднял глаза.

— Мам, — сказал он, — я очень нервничал, потому что я попался типа на том, что смухлевал с проектом, который надо было сдавать, и декан велел мне ехать домой и обо всем рассказать родителям, и чтобы потом мы вместе обсудили, как будем действовать дальше, и это меня очень напрягало, поэтому я ушел из дома.

Он остановился. Точка. Так и смотрел Лорне в глаза и стоял не шевелясь.

Лорна не сразу добралась до сути сказанного. Потом спросила:

— Что значит «смухлевал»?

Бринк оглянулся на Роджера. Тот ответил ему строгим взглядом.

— Мне времени не хватило, — сказал наконец Бринк, вновь обернувшись к Лорне. — Столько заданий на нас наваливают! Надо было сдать эту работу, но было еще много других дел, и я… в общем, можно сказать… я купил ее в интернете.

— Ох, Бринк! — вскрикнула Лорна.

Бринк плотно сжал губы.

— Ох, как ты мог! Ты такой умный, такой талантливый, и вдруг…

— Лорна! — предостерег ее Роджер.

И вовремя, иначе ее имя с той же интонацией произнес бы Майка.

Лорна умолкла.

Бринк вновь оглянулся на отца. Откашлялся.

— План такой: вернуться в универ и получить, что заслужил, — сказал он, вновь оборачиваясь к Лорне. — А потом я примусь за работу, и скоро ты снова будешь мной гордиться.

Последние слова прозвучали так ненатурально, что Майка заподозрил — их продиктовал парню Роджер. Но лицо Лорны смягчилось. Она сказала:

— Ох, милый, я всегда буду гордиться тобой. Мы оба! Правда же, мы будем им гордиться, Роджер?

Роджер ответил:

— Хм-м.

Она шагнула к сыну и обняла его, он стоял неподвижно в кольце ее рук, а Роджер, держа руки в карманах, благосклонно поглядывал на них, позвякивая то ли ключами, то ли монетами.

Разомкнув объятия, Лорна вдруг сделалась очень деловитой.

— Едем все вместе домой, — сказала она Бринку. — Проведем воскресный вечер, уютный вечер в кругу семьи, а завтра поедем к декану. Младшие так обрадуются тебе!

Она повернулась, чтобы взять со стола вещи Бринка, одной рукой все еще придерживая сына за талию, словно боялась, как бы он опять не

удрал, и так и повела его затем к двери. Роджер открыл дверь, пропустил вперед их обоих, а сам, выходя, оглянулся и сказал:

— Спасибо, Майка.

— Всегда рад, — ответил Майка.

— Ох! Да! — повернулась к нему Лорна. — Огромное тебе спасибо. Даже не представляю, как мы можем…

Майка отсалютовал — ладонь у виска — и закрыл за ними дверь.

Перколятор уже только вздыхал. Кофе безнадежно переварился. Пустые кружки в ряд, ложки и салфетки — все готово для гостей. А гостей-то и нет.

Майка убрал ложечки в ящик. Сложил салфетки обратно в целлофановый пакет. Повесил каждую кружку на свой крючок, отключил перколятор и вылил кофе в раковину.

8

Никому не известно, что творится в уме такого человека. Такого узкого, ограниченного человека, такого закрытого. Ему нечего больше ждать, не о чем мечтать. Он просыпается в понедельник утром, сквозь жмурящееся окно сочится серый, безнадежный свет, и новости по радио, которое служит ему будильником, все такие же невыразимо тоскливые. Стрельба в синагоге, в Йемене умирают целые семьи, дети нелегальных иммигрантов, разлученные с родителями, никогда не исцелятся душевно, даже если каким-то чудом завтра же воссоединятся с близкими. Майка слушает все это каждый день и ничему не удивляется.

Он пытается снова ускользнуть в сон, но спит беспокойно, урывками, постоянно просыпаясь, в сон вторгаются фрагменты видений. Ему снится, будто он уронил бумажник и тот улетел в Болгарию, в Софию. Ему снится, будто он проглотил ком жвачки, хотя он не жевал резинку со школы. Капитулировав, он выбирается из постели, плетется в ванную, потом одевается для про-

бежки, выключает радио и выходит в коридор. Поднимаясь по ступенькам в холл, он чувствует, что приходится помогать себе на каждом шагу, упираясь руками в бедра. Отяжелел он что-то.

Воздух пахнет бензином. Земля все еще сырая после субботнего дождя. Он начинает бежать медленно, заплетающимися шагами, что-то теснит грудь, мешает дышать. Он пересекает улицу и движется на север. Грудь немного отпускает, он чуть прибавляет скорость. Он видит людей на автобусной остановке, но потом поворачивает на запад, оставив родной квартал за спиной, и дальше тротуары почти безлюдны. Парочка бегунов пробегает встречным курсом по противоположной стороне улицы, дорожный рабочий выгружает оранжевые конусы из грузовика, остановившегося на перекрестке. Только на Роланд-авеню появляется стайка школьников. Малыши отвлекаются, мамы подгоняют их вперед, дети постарше толкаются, задирают друг друга.

Свернув наконец на запад, к дому, Майка видит сгорбленного старика: цепляясь за узорные металлические перила, тот потихоньку спускается с парадного крыльца с портфелем под мышкой. Старик подходит к древнему «бьюику», когти-

стой лапой открывает дверцу, роняет портфель на пассажирское сиденье, кое-как захлопывает дверь и движется в обход капота, обеими руками придерживаясь за него, пока не добирается до водительского места. Он открывает дверцу и — миллиметр за миллиметром — проникает внутрь. Что-то подсказывает Майке, что не стоит навязываться к нему с предложением помощи, хотя он и сбавляет скорость до шага, пока не убеждается, что тот человек благополучно устроился за рулем.

Он вполне сознает, что старость настигнет и его — со временем. Проблемы со здоровьем, со страховкой и ни малейшей надежды на пенсию. Уже сейчас, в сорок с небольшим, он стал меньше доверять собственному телу. Аккуратнее поднимает тяжести, быстрее выдыхается на пробежке. Давняя баскетбольная травма левой лодыжки отзывается, как эхо, на любую перемену погоды.

Устремившись на восток, он добегает до большого самшита, увитого искусственной паутиной к Хэллоуину. Уклоняется от столкновения с двумя женщинами, спешащими скормить деньги парковочному автомату. На краткий миг принимает газетный стенд за ребенка в пуховике. Отмечает, что ошибки зрения у него чаще всего приводят к

подмене неодушевленных предметов людьми.

Он приближается к своему дому со стороны парадного входа, переходит на шаг возле форельного пруда. Упирается обеими руками в бока и, тяжело дыша, поднимается по ступенькам на крыльцо. Бросает взгляд на качели — но на них, разумеется, никто не сидит, поджидая его.

* * *

Горячий душ бодрит, и ему нравится запах мыла, которое он недавно купил в «Джайнте». Но когда он выходит и останавливается у раковины, обмотанный ниже пояса полотенцем, выясняется, что ему неохота бриться. Ребром ладони он проводит дугу по затуманившемуся от пара зеркалу, всматривается в свое лицо — нет, на это нет ни сил, ни желания. Вчера он тоже пропустил бритье, и уже проступают усики — зернистая черная полоска со случайными вкраплениями белизны. Как будто грязь.

Ну и что.

В спальне он переодевается и выходит в кухню готовить завтрак. Тост, решает он, и половинку апельсина, которая дожидалась этого момента, лежа лицом вниз на блюдце в холодильнике, вот уже несколько дней. Поверхность апельсина под-

сохла, сделалась заскорузлой, но не все ли равно. Он режет апельсин на кусочки ножом для стейка. С кофе заморачиваться не стал. Не стал даже садиться, так и стоит у кухонного столика, грызя тост и посасывая кусочки апельсина. Над его головой настенный календарь, но на календаре все еще август. Вообще-то он больше не пользуется настенными календарями. Он присматривается к августовской фотографии: бедный рыжеватый щеночек с перевязанным глазом. Календарь пришел с бесплатной рассылкой от приюта для бездомных животных.

Еще один обрывок сегодняшнего сна всплывает в памяти. Он ехал в машине с отцом. Объяснял отцу, что наотрез отказывается навещать тетю Берту. Сон был таким реальным, полным деталей, он даже чуял запах пыльной обивки на сиденье автомобиля. Но вместо отца в его сне был какой-то незнакомец, да и тети по имени Берта у него никогда не было. Похоже, ему случайно приснился чей-то чужой сон. Он задумывается над этим — вполне возможно, что и все остальные предутренние сны у кого-то позаимствованы.

Он выбрасывает остатки тоста в мусор вместе с апельсиновыми корками. Споласкивает блюдце под краном и ставит его в шкафчик, споласкивает

нож для стейка и убирает в ящик. Нет смысла пылесосить вокруг стола, он же не садился за стол. Так что сразу переходим к мытью пола. «Штрашная швабрия», — говорит он, но не идет за шваброй и ведром.

Вместо этого он идет в кабинет и проверяет почту. Письма от кандидатов на выборах, просьбы о поддержке, скидки на зимние шины, антивирусные компьютерные программы и чистка водостока. В корзину, в корзину, в корзину. Кеджер спрашивает, не получится ли в среду вместе сходить в магазин «Эппл». Вперед, ответь ему «да» — повидаться с родней сейчас кажется неплохой идеей. Ваша подписка на «Тех Татлер» истекает в конце следующего месяца. В корзину.

Он собирается выйти из почты, когда обнаруживает письмо от Лорны Бартелл Адамс. Первая строка: «Просто хотела тебе сообщить…» Вот почему надо бы всегда держать смартфон под рукой, а то он едва поспевает наверстывать пропущенное. Он кликает на иконку и раскрывает текст целиком. «Просто хотела тебе сообщить, что у нас все хорошо. По пути домой мы как следует обо всем поговорили. На понедельник назначена встреча с деканом. Еще раз спасибо. Обнимаю. Лорна». Он думает, как ответить на это письмо, но в итоге не

отвечает. И что бы он написал? «Странно, что ты вообще потрудилась написать мне, ведь я вроде бы такой…»

Он отталкивается от стола, встает, выходит в гостиную. Ковер, телефон, три пустые банки из-под пива, меню заказа готовой еды, пакет из-под картофельных чипсов. Он выбрасывает лишнее, нужное раскладывает по местам. Не в первый раз думает, что следовало бы наводить порядок с вечера, перед тем как лечь спать. Но на исходе дня, в течение которого он час за часом только и делает то, что положено, у него попросту кончается завод.

«Как же так обернулось, что наш разрыв — это МОЯ вина? Чего ты ждала, что навоображала себе?»

Он едва заметно качает головой. Живи дальше, ради всего святого: история с Лорной давно завершена и забыта. Как и все прочие отношения — с Зарой, с Аделью, а теперь и с Кэсс. Ему бы чувствовать себя освобожденным. Ведь так и есть — освободился, избавился. Лорна так утомительно всегда права; Зара была так одержима Танцем (с большой буквы, она всегда именовала свое увлечение с большой буквы), и Адель с ее ненаглядными вымирающими видами. («Ты си-

дишь? — спрашивала она, прежде чем возвестить об исчезновении какого-то редкого вида бабочек. Даже если находилась с ним в одной комнате и могла воочию видеть, сидит ли он. — Ты готов это услышать?» Это похоже на то, как некоторые начинают смеяться над собственной шуткой, прежде чем произнести ее вслух.) А Кэсс? Да он может найти полно изъянов в Кэсс, начиная с того, что она обманывала его насчет того, чего от него ждет. Он-то откуда мог знать, чего она ждет? Не телепат же он!

Нахмурившись, он смотрит в корзину, куда только что бросил пакет из-под картофельных чипсов. Звонит телефон, он вынимает его из кармана и глядит на экран. Номер незнакомый.

Он решает ответить.

— «Технарь-отшельник», — говорит он.

Женщина переспрашивает:

— «Технарь-отшельник»?

Закатив глаза, он говорит:

— Да.

— Видите ли, у меня такая проблема? — говорит она. Голос молодой, но не настолько молодой — пора бы ей отказаться от вопросительной интонации. — Что-то — что-то все время у меня сбоит? В смысле, программа, которую я вклю-

чила? И потом на экране появляется надпись с предложением сообщить о проблеме?

— Хм.

— Так что мне, согласиться и нажать «да», или я накличу на себя неприятности.

Забавно, когда она задала наконец вопрос, тут-то и обошлась без вопросительного знака в конце.

— Какие неприятности вы боитесь на себя накликать? — спрашивает Майка.

— А вдруг у меня похитят мою личность?

— Что, простите?

— Личность. Это может быть мошенничество, чтобы похитить личные данные.

— Да ну, — говорит он.

— Не может быть?

— Никак не может.

Пауза. Женщина думает, верить ли ему на слово.

— Если вы отправите сообщение о проблеме, это вполне нормально, — говорит он ей. — Но если вам это не по душе, можете не отправлять.

И вообще, чуть не добавляет он, есть опасности куда страшнее, чем утратить свою личность. Сейчас ему кажется, что он бы с удовольствием избавился от своей.

— Ладно, спасибо, — говорит она наконец и выключает телефон.

Даже не спросила, должна ли она заплатить за консультацию, — впрочем, он бы все равно ответил «нет».

Он несет корзину для мусора в кухню, вытряхивает в большое ведро под раковиной. Завтра вывоз мусора, но у него и на один мешок не накопилось.

Следующий звонок раздается чуть позже, когда он бесцельно листает «Сан» за кухонным столом.

— Артур Джеймс, — представляется мужчина. — Вы меня помните?

— Хм, — тянет Майка.

— Пару месяцев назад вы установили мне внешний диск.

— Ах да! — отвечает Майка, надеясь, что прозвучал достаточно убедительно.

— Так вот, сканер вдруг отказался работать. Вчера все было в порядке, а сегодня, похоже, не сканирует.

— Пробовали выключить и снова включить?

— Пробовал, но ничего не изменилось.

— Хм.

— Я и подумал, наверное, вы могли бы заехать и посмотреть.

— Напомните мне, пожалуйста, адрес.

Мужчина диктует адрес, Майка записывает его в блокнот, лежащий возле тостера.

— Выезжаю, — говорит он. Отключается, вырывает листок из блокнота, прихватывает магнитный знак на машину и сумку с инструментами, направляется к задней двери.

Уже позднее утро, по радио идет ток-шоу со звонками слушателей. На взгляд Майки, ток-шоу со звонками слушателей — худшая в мире идея. Кому интересно мнение ни в чем не сведущего человека с улицы? Он все подумывает переключить на другой канал, но сил нет. Очередной звонок, сиплый житель Айовы — похоже, сам не ожидал, что окажется в эфире.

— Алло! — твердит он. — Слышно меня?

— Да, да, — нетерпеливо отвечает ведущий.

И тут позвонившему, разумеется, непременно требуется весь предварительный церемониал.

— О, привет! — говорит он. — Доброе утро!

Пауза.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Ну, первым делом, — говорит радиослушатель, — я хочу сказать вам, как я люблю вашу передачу. Я всегда…

— Что вы хотите нам сказать? — перебивает

ведущий.

— А? И еще я хотел бы поблагодарить вас за то, что ответили мне…

— Всегда рады! Но вы позвонили, чтобы…

Радиослушатель пускается в путаные рассуждения о… какова тема сегодняшней передачи? Полицейское насилие, что-то связанное с полицейским насилием. У него полно слов-паразитов, «знаете ли» в каждой фразе и столько «мм» и «э», что, казалось бы, он должен и сам это замечать. Но он пребывает в счастливом неведении, даже когда ведущий делает уже вполне откровенные намеки поторопиться, например: «Ну да, и?» или «Хорошо, итак?»

— Вот почему радио надо оставить профессионалам, — укоряет Майка позвонившего, а затем решает уесть и ведущего: — А вам бы не помешало соблюдать самую обыкновенную вежливость.

На следующем перекрестке раскорячился гигантский топливозаправщик. Бог транспорта, должно быть, бьется в конвульсиях. Вышла немалая задержка, и к тому времени, как Майка стронулся с места, звонок, к счастью, завершился и начались новости. В Иордании разлив рек, потоп, а в Колумбии катастрофический оползень. Нелегальный иммигрант, депортируемый на

родину, говорит, что как только прибудет туда, тут же развернется — и двинется обратно. Будет прорываться снова, и снова, и снова, говорит он, а что еще остается человеку? Майка наконец выключает радио. Он останавливается на светофоре на пересечении с Норзерн-парквей и слышит, как в соседней машине радио играет какой-то хип-хоп, очень нервный, такой напряженный ритм, что у него гудит в ушах. Он ждет, глядя прямо перед собой, руки лежат на руле, четко на десяти и на двух часах. Мысленно он составляет еще одно послание Лорне.

«Единственная моя ошибка, — пишет он. — Я надеялся, что все будет идеально».

Внезапно он включает поворотник и, когда загорается зеленый, уходит на восток вместо прежнего направления — на север.

Теперь, когда радио умолкло, он слышит все звуки и внутри машины, и снаружи. Шины свистят на влажном асфальте, мотор гудит, как швейная машина, какой-то инструмент в сумке постукивает о другой инструмент на каждой дорожной выбоинке. Он проезжает бульвар Лох-Рэйвен. Он минует Перринг-парквей.

Он сворачивает направо, на Харфорд-роуд.

11:18. Он понятия не имеет, чем сейчас занят

четвертый класс. Уже время ланча или нет? Он подождет ланча. Припаркуется рядом и подождет. Но как он узнает, что уже ланч? Они же будут внутри, в школьной столовой. А после еды выйдут на площадку или останутся в школе до дневного перерыва? Ладно, если придется подождать до второй половины дня, он подождет. Посидит в машине, что еще остается человеку?

Направо, налево, снова направо. Он проезжает жилой район, маленькие дома с маленькими, засыпанными листвой дворами, часто встречаются вывески надомных предприятий: «Наращивание волос», «Все для вязания». Затем он проезжает мимо бейсбольного поля и сбрасывает скорость возле школы Линчпин Элементари. Изношенное двухэтажное кирпичное здание, бетонные ступени с крошащимися краями, в большинстве окон крикливо-яркие рисунки. Голая глиняная игровая площадка слева, там качели, лазалки… и да, дети, десятки детей.

Поначалу он приободряется. Паркуется, вылезает из машины, все еще в очках, надо же посмотреть, что к чему. Потом соображает, что детишки слишком малы для четвертого класса. Они играют в какую-то игру, водят хоровод, и вид у них такой — пухлявый, растопыренный, заку-

танный, — как у детей, которых пока еще одевают взрослые. Но Майка все равно шагает туда. Он заприметил еще одну группу, дальше, за малышами, — эти постарше, мальчики и девочки уже не в одной куче. Мальчики бродят группками туда-сюда без ясной цели. А девочки организовали игру в прыгалки. «Где в долине травка зеленеет, там наша Эллисон все хорошеет, — распевают они. Эллисон — наверное, так зовут девочку, которая сейчас прыгает, ее косички взлетают вверх вместе с ней. — Эндрю к ней придет, поцелует…»

— Эндрю Эванс? — визжит Эллисон. — Фу-у!

— Сколько поцелуев, ну-ка, сосчитай! Раз, два…

— Четвертый класс? — спрашивает Майка девочку, которая крутит прыгалку.

— Что?

— Это четвертый класс?

— Не весь…

— Где ваша учительница?

— Э…

Девочка растерянно оглядывается по сторонам, замедляет движение своего конца прыгалки, и Эллисон спотыкается.

— Нечестно! — вопит Эллисон и жалуется остальным: — Шаванда упустила веревку!

— Простите, это все я виноват, — говорит Май-

ка. — Я ищу…

Он начинает обходить девочек, но, оказывается, на земле валяется сброшенная кем-то куртка, а Майка и не заметил. Куртка хватает его за левую ногу, повергает на колени.

— Мне нужно найти вашу учительницу, — заканчивает он, пытаясь встать. Он ничуть не ушибся, он уже стоит на ногах, но эта маленькая неприятность всполошила девочек, они обернулись к школе и зовут:

— Мисс Слейд! Сюда! Суда-суда! (И ему кажется, что они требуют суда над ним.) Здесь какой-то мужчина! — восклицают они.

— Мне нужно поговорить с ней, — пояснил Майка девочкам и тут же: — Поговорить с тобой, — потому что вот и Кэсс, вышла из боковой двери. Она идет, опустив голову, и застегивает на ходу куртку, а потому не замечает его, пока не останавливается в метре с небольшим. Тогда она вскидывает голову, морщит лоб и говорит:

— Майка?

— Я все сделал неправильно, — говорит он. — Я старался вообще не делать ошибок, и смотри, куда меня это завело.

— Что?

— Смотри, что я натворил! Моя жизнь вдребез-

ги! Не знаю, как мне дальше быть.

— Ох, Майка, — говорит она, делает шаг к нему и берет его за запястье — кажется, он заламывает руки. Она смотрит на его колени, на которых следы сырой глины, и спрашивает: — Что с тобой произошло?

— Он споткнулся о мою куртку, — говорит девочка. Она подобрала куртку с земли и ловко ее отряхивает.

Но Майка предпочитает понять вопрос Кэсс иначе.

— Я — целая комната разбитых сердец, — говорит он ей.

Она отвечает:

— Ох, лапонька.

Никогда прежде она не звала его «лапонькой». Майка надеется, это добрый знак, — наверное, добрый, ведь затем Кэсс обвивает рукой его талию и ведет его к школе. Они идут, так тесно обнявшись, что наступают друг другу на ноги, и он чувствует — начинает себя чувствовать — счастливым.